

актуальная история

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ XX СТОЛЕТИЯ

фонд исторической перспективы
и издательство «Вече»
представляют ...

**ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Наталия Нарочницкая

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Ревизия и правда истории

**Москва
«Вече»
2010**

УДК 355/359

ББК 68

Н30

Редакционный совет:

А.Н. Артизов — руководитель Федерального архивного агентства

В.С. Мясников, академик РАН

Н.А. Нарочницкая, д.и.н. — президент Фонда исторической перспективы

О.А. Ржешевский, д.и.н. — президент Ассоциации историков Второй мировой войны

И.И. Сирош — заместитель председателя Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России

С.Л. Тихвинский, академик РАН

А.В. Торкунов, академик РАН — ректор МГИМО МИД РФ

В.М. Фалин, д.и.н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол

Издание подготовлено Фондом исторической перспективы и Институтом демократии и сотрудничества (Париж) во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России

Нарочницкая, Н.А.

Н30 **Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории / Наталия Нарочницкая.** — М. : Вече, 2010. — 352 с.: ил. — (Актуальная история).

ISBN 978-5-9533-4887-4

На Западе тиражируется клише, будто Вторая мировая война была «войной за американскую демократию». В прибалтийских странах прославляют эсэсовских легионеров, хотя народам этих стран в гитлеровском проекте была уготована роль безликого человеческого материала. В Европарламенте и в Совете Европы уже открыто говорят, будто бы война велась между двумя хищниками за мировое господство, а для Восточной Европы победа была не победой, а поражением. Эта книга восстает против сегодняшнего искажения главного смысла Второй мировой войны — величайшей битвы за право народов быть творцами собственной истории.

Издание содержит переработанную и дополненную редакцию книги Н.А. Нарочницкой «Великие войны XX столетия», стенограмму круглого стола «Ревизия итогов Второй мировой войны и современная геополитика», участниками которого стали ведущие специалисты по истории XX века, а также подборку документов довоенного, военного и совсем недавнего прошлого, в которых читатель найдет доказательства главных выводов книги.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-9533-4887-4

© Нарочницкая Н.А., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

*Посвящается моей маме
ЛИДИИ ИВАНОВНЕ
ПОДОЛЯКИНОЙ-НАРОЧНИЦКОЙ,
партизанке Великой Отечественной
войны, и всему ее поколению*

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ

Предисловие автора

Шестидесятипятилетие Великой Победы, отмеченное 9 мая 2010 года, ответило на многие взаимосвязанные вопросы. Что такое новая Россия? Каковы главные ее ценности? Сохранила ли она свою историческую идентичность с последней сменой социально-экономических вех? Неподдельно глубокое чувство, с каким страна поклонилась Великой Победе, выявило огромный потенциал национального единения. Миллионы людей, вышедшие по велению сердца на улицы, показали, что составляют не просто народонаселение, но Nation — явление мировой истории и культуры.

В те дни стало очевидным, насколько велика потребность в объединяющем историческом переживании, насколько сильна воля почувствовать себя единым, преемственно живущим организмом — со своими целями и ценностями, связующими прошлое, настоящее и будущее. 9 мая 2010 года старые и молодые, богатые и бедные, сильные и немощные, «успешные» и озабоченные — люди, разделенные тысячами причин и обстоятельств, стали одним целым.

И в который раз изумилась теплохладная Европа «загадочной» России, которая вопреки глумлениям, внутренним разбродам и шатаниям показала, что умеет чтить свое прошлое, и тем самым заявила право на самостоятельное историческое будущее. Превращение этого потенциала в мощный фактор развития будет, конечно, зависеть от скорейшего преодоления серьезных нестроений в нашем обществе и государстве и сложнейших экономических и социальных бед.

Однако, именно преодоление мировоззренческого хаоса и смуты есть важнейшая предпосылка решения социально-экономических проблем. Передовые технопарки заработают у нас, только, если столь необходимая модернизация России будет основана на смыслообразующих целях и ценностях национального бытия. И конечно же только это обеспечит России самостоятельность в принятии исторических решений, а значит, и достойное место в международных отношениях.

Россия очевидно восстановила самоуважение. Русские рукоплескали своим западным союзникам — англичанам, американцам и французам, своим братьям по оружию из Восточной Европы. Хотя из этих стран доносилось немало ядовитых слов в эти святые дни, русские не опустили до того, чтобы забыть и об их вкладе. На такое способен тот, кто уверен в себе, и не нуждается в отрицании других для возвышения себя.

Мир был впечатлен и принял это к сведению.

Бессильная злоба неизлечимых нигилистов как в самой России, так и за рубежом была вызвана не столько самим парадом и праздником, сколько искренним общенациональным порывом. Миллионголосый хор российской молодежи, с упоением гордости за Родину подхвативший на праздничных стадионах военную песню, прозвучал подобно иерихонской трубе. Она сокрушала многолетние потуги развенчать наше прошлое, которое остается опорным камнем национального сознания. А значит, вопросы, «за что и с кем мы воевали» и «что осталось от нашей Победы», становятся сегодня еще актуальнее.

Новое издание настоящей книги, уже переведенной за три года на несколько языков: французский, чешский, словацкий, словенский и сербский, — дополнено документами довоенного, военного и совсем недавнего прошлого. В них читатель найдет и новые доказательства главных выводов книги, и неожиданные свидетельства, раскрывающие глубинные мотивы противоречий драматического и амбициозного XX века, совсем не всегда связанные с коммунистическим характером СССР.

Именно в таком контексте следует обратиться к документам, иллюстрирующим взаимоотношения СССР с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Это и послания лидеров Великобритании и США, которые воздают должное руководству СССР, верному своим обязательствам, и доблести и самоотверженности

нашей армии. «Свободный мир» тогда не смущало, что это была Красная армия! Сухая статистика: на Восточном фронте Гитлер потерял 607 дивизий, в то время как на всех остальных — 176, в три с половиной раза меньше. Тогда ни у кого не вызывало сомнений, чей вклад в победу над фашизмом более весом, и никто не отождествлял нацизм и коммунизм.

Это и документ, свидетельствующий о появлении у наших союзников планов войны против СССР только из-за его возросшей роли — роли державы победительницы. С одной стороны, документы демонстрируют, как искусственно и служебно сегодняшнее отождествление нацизма и коммунизма. С другой стороны, они показывают, как радикальное изменение соотношения сил в одночасье превращает союзника в соперника. История учит и сегодня трезво осознавать цену объятий в мировой политике: ею правят не благодарность и верность, а неизменные интересы.

Насколько жалкой и недобросовестной выглядит пропаганда против роли СССР в войне на фоне разворачивающейся Большой игры великих держав — судить читателю. Во времена, когда главным инструментом политики служат информационные технологии и манипуляции сознанием, особенно полезно обращаться ad fontes — к историческим источникам.

Наша задача — системно противодействовать тотальному извращению смысла Второй мировой войны. Официальные документы 90-х годов, особенно постановления прибалтийских государств, говорят о полной смене политических ориентиров. Нельзя не заметить, что они следуют в русле, целенаправленно и давно сформированном в США. Среди опубликованных документов можно найти пресловутый закон PUBLIC LAW 86—90 «О порабощенных нациях», принятый Конгрессом США в 1959 году по инициативе Льва Добрянского. Примечательно, что этот идеолог прославления бандеровцев и ОУН—УПА, был также наставником супруги экс-президента Украины Виктора Ющенко.

Великие события XX века не понять вне сложного международного контекста между двумя мировыми войнами. Об этом говорили и участники круглого стола «Ревизия итогов Второй мировой войны. Общественные дискуссии и новые публикации», материалы которого также включены в книгу. Только панорамный ретроспективный взгляд на международные отношения открывает геополитическую перспективу, позволяя отделить конъюнкту-

ру от преемственных геополитических констант. А без понимания истинной мотивации партнеров реалистичную программу для России в XXI веке не сформировать.

* * *

Многие не только за рубежом, но и в России высказывают искреннее (или лицемерное) удивление: как можно защищать победу «коммунистического СССР», не испытывая симпатий к революции и всем ее демонам — Ленину, Сталину, Троцкому? Действительно, я с содроганием вспоминаю, что мой отец стал в 1937 году «братом врага народа», и все же дерзаю задать непolitкорректный встречный вопрос: что стоит за попыткой воинствующих либералов и западных стратегов сделать из Сталина «злодея всех времен и народов», какового никогда не делали ни из Кромвеля, ни из Робеспьера, ни, тем паче, из Троцкого?

Это не объяснить иначе как переделом сфер влияния — переделом сначала идеологическим, а затем и военно-стратегическим. На Западе тиражируется клише, будто Вторая мировая была «войной за американскую демократию». И если СССР не соответствовал ее стандартам, то прибалтийские страны могут открыто прославлять эсесовских легионеров, пусть даже народам этих стран в гитлеровском проекте была уготована роль надсмотрщиков или некоей биомассы. В Европарламенте и в Совете Европы, которые сегодня претендуют на роль идеологического ментора, уже открыто говорят, будто в войне был виноват СССР, что война велась между двумя хищниками за мировое господство, а для Восточной Европы победа была не победой, а поражением. Отдельные весьма авторитетные голоса даже не так давно сожалели о несостоявшемся союзе с Гитлером для разгрома ненавистной России.

Задача этой книги — вернуть Второй мировой войне ее главный смысл — смысл величайшей битвы за право народов быть творцами собственной истории, а не массой без прошлого, без культуры и языка, без исторического выбора с его неизбежными взлетами и падениями, прозрениями и заблуждениями.

Мы показали миру, что для русских та война навсегда останется Великой Отечественной, как бы ни глумились либеральные циники над Победой и над ветеранами — даже в дни юбилея. Желчь на СССР и на Россию изливается, однако, вовсе не со стороны обы-

вателей. Еще двадцать лет назад сентенции, помещенные в газете «Фигаро» и ряде ведущих изданий стран-членов ЕС и НАТО, произвели бы не меньший шок, чем сегодняшние высказывания иранского президента Ахмединежада об Израиле. Похоже, иррациональная ненависть к России, причем в любых ее исторических образах, стала уже не просто признаком политкорректности. Она сделалась индульгенцией, искупающей любые грехи: и грех глумящегося над жизнью павших на фронтах отцов, и недостойное демократа осмеяние всего того, что дорого и свято для миллионов людей.

Тотальный нигилизм по отношению к русской истории столь востребован в нынешней идеологической брани против России, что, похоже, заслоняет удручающую «нищету философии» интеллектуальных кумиров либертарианского *fin de siècle*. Они уже не считают нужным опираться в своих исторических эскерсисах о войне на сколько-нибудь достоверные факты или документы. Впрочем, удручающий уровень «переосмысления» — всего лишь свидетельство очевидной маргинализации попыток извратить правду о войне, в которой упражняются уже лишь весьма экзальтированные персонажи как в России, так и за рубежом — эдакие «*enfants terribles*» информационного поля.

Чего стоят сентенции философа-маоиста Андре Глюксмана, разочаровавшегося в СССР—России, но отнюдь не в идее насильственного приведения мира к одномерному образцу. Поиздевавшись над знаменем, водруженным над Рейхстагом, и над памятью Егорова и Кантாரии, он объявил истинными знаменосцами Победы и духа мая 1945 года грузина Саакашвили и китайских диссидентов-блоггеров, — вполне в духе пропагандистского гротеска хрущевских времен.

С падением коммунизма, либерализм, второе детище той же философии прогресса, освободился от необходимости постоянного сравнения со своим же *alter ego*. Стигматизируя воспоминания о тоталитарных режимах, теперь он выдает себя за единственную инкарнацию справедливости. Французский экономист А. Радо отмечает, что поношениями любых альтернатив либерализм запугивает общество и скрывает собственные пороки. Превратившиеся из маоистов в воинствующих либертарианцев «философы» воспроизводят незатейливую парадигму и до боли знакомый исторический агитпроп: «у варварской империи зла не могло и может быть ничего праведного и правильного». По этой логике,

никакая борьба народов за историческое существование не имеет ценности, если не приближает торжество определенной идеологии — теперь это вселенская либеральная демократия. У русских это вызывает горечь: еще немного — и западные учебники начнут утверждать, будто в годы Второй мировой демократическим США и Британии противостояли два тоталитарных монстра...

Удивительно все же, как кузен коммунизма — либерализм обретает знакомые черты своего недавнего оппонента: претензии на истину в последней инстанции и почти тоталитарную нетерпимость к инакомыслию, беззастенчивое манипулирование фактами и подмену знания мнениями, примитивное мифотворчество.

В памяти о войне с завоевателями, пришедшими уничтожить и поработать, споры о том, хорошо или плохо было государство, неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством. Именно это единое Отечество защищали в 1914 году — мой дед Иван Подолякин — полный георгиевский кавалер, прапорщик русской армии, а в 1941 году — моя мать Лидия Подолякина — партизанка Великой Отечественной, хотя государства были разные, и у разных людей были к ним разные претензии.

Конечно же, оппоненты неизбежно нарекут рассуждения об Отечестве и государстве патетическими и старомодными. Передовые «граждане мира» давно смотрят на них с вольтерьянской усмешкой — сегодня принято любить только демократию, родина же — там, где ниже налоги и больше свободы, критерием которой вот-вот объявят парады содомитов. Подобное, впрочем, знакомо — в советской ортодоксальной идеологии любить родину можно было только, если она была коммунистической, то есть по идеологическим мотивам.

Спор с маргиналами не продуктивен. Укрепление национально-государственной воли российского общества происходит настолько явственно, что вступать с ними в полемику на том уровне, что им, увы, доступен — значит проявлять неуважение к аудитории. Деятельность Комиссии при Президенте России по противодействию фальсификации истории выполняет иную задачу — восстановление исторической действительности на основе документальных публикаций, поддержки научных исследований и серьезных дискуссий.

Мы надеемся, что предлагаемая вашему вниманию книга и вся серия «Актуальная история» будут полезны в осмыслении нашего прошлого и в понимании настоящего.

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

ОБ ОТЕЧЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Можно ли оставаться верным Отечеству и его вечным преемственным национальным интересам, даже когда государство вызывает критику и разочарование? Любовь к Отечеству естественно заложена в сердце человека. Ведь мы любим именно свою мать, а не мать соседа, хотя та может быть моложе, красивее, образованнее и, как сейчас модно говорить, успешнее. В нынешнем состоянии национального презрения нам внушают, что можно ненавидеть свое Отечество и даже желать ему поражения, если государство устроено не так, как хотелось бы.

Бывает ли идеальное государство без несовершенств и грехов? Когда уместно и правомерно спорить о государстве и когда нация обязана подняться над этим, отложить распри по поводу устройства государства и объединиться, чтобы защитить Отечество, иначе нечего будет обсуждать потом, не будет вообще никакого потом?

Современное сознание, утратившее связь с почвой и традицией, будь то ультрамарксистское или ультралиберальное, похоже, способно лишь на утилитарное, прагматическое отношение к государству. Однако все великие государства и великие культурные традиции созданы не «гражданами мира», а героями и страстотерпцами, одержимыми любовью к своим Отечествам — «прекрасной Франции», «доброй старой Англии», «Святой Руси».

Христианское традиционное сознание рождало совсем иное национально-государственное мышление — ощущение принадлежности к Отечеству, которое не тождественно государству, политическому институту со всеми его несовершенствами и грехами. Именно это национальное самосознание и сформировало современные нации, а они сформулировали идею государства, суверенного в выборе своего исторического пути и формы демократии.

Важнейшим компонентом такого сознания является чувство исторической преемственности. Это острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества, его будущему за пределами собственного жизненного пути. В этом — преодоление гордыни, а значит, смертности, конкретности личного бытия, когда индивидуальное восприятие истории выходит за рамки одной жизни, проявляя в национальном сознании бессмертную природу души.

Именно поэтому люди до сих пор часто бессознательно пишут (и мыслят) «Отечество» с большой буквы, вызывая презрительный смехок у сегодняшних ультралибералов, которые окончательно порвали с великим либерализмом прошлого и даже превзошли пламенных большевиков, говоривших, что «у пролетариата нет отечества, кроме социализма». Что общего у Джузеппе Гарибальди, хрестоматийного либерала, борца против тирании и несвободы, но и пламенного патриота Италии, с теми, кто проповедует сегодня: «Ubi bene — ibi patria» — «Где хорошо — там и отечество»? Сегодня уже забыли, из каких глубин рождается любовь к родной земле, особенно когда она в опасности: «Преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 14—15). Переживание Отечества есть производное от переживания Отца Небесного. В таком переживании Отечество — это метафизическое понятие, а не обожествляемое конкретное государство с его институтами, несовершенствами и грехами.

Когда к генералу А.И. Деникину, чей прах осенью 2005 года, в год 60 летия Победы, был перезахоронен на его родной русской земле, обратились с предложением благословить власовскую армию своим авторитетом борца с большевизмом, он воскликнул: «Я воевал с большевиками, но никогда — с русским народом. Если бы я мог стать генералом Красной армии, я бы показал немцам!» Великий русский композитор XX века С. Рахманинов до изнеможения давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину, после чего его произведения, ранее запрещенные, стали исполняться в СССР.

Отчего эти люди, никогда не принимавшие революцию, люди верующие, у которых большевики отняли Родину, сочувствовали Красной армии, сознавая при этом, что власть в России чужда им

абсолютно? Оттого, что они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». Сохранение любимого Отечества для будущих поколений для них было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Для них Россия в любом ее обличье и даже во грехе оставалась Родиной. И подобно матери в притче о Соломоновом суде они предпочли ее оставить большевикам живую, чем отдать на растерзание чужеземцам.

Не будем никого судить. Безумно сложно было сделать тогда выбор русской эмиграции, которая оказалась в мучительном раздвоении. Враги терзали русскую землю, собирались превратить нацию в рабов. Нация самоотверженно сопротивлялась, но во главе стояли те, кто лишил эмигрантов Родины и пограл всю предыдущую многовековую историю, все, что составляло красоту и правду русской жизни для эмиграции той волны. Но даже при этом, по свидетельству внука великого Л.Н. Толстого, академика-слависта Никиты Ильича Толстого, выросшего в русской эмигрантской среде довоенного Белграда, 80 — 85 % эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы. «Пораженцев» было не более 15 — 20 %.

Размежевание, за некоторыми исключениями, прошло именно по линии либералы—почвенники. Для либералов, как и для пламенных ультралевых большевиков, важнее оказалось соответствие государственного устройства некой универсальной доктрине, для почвенников — сохранение вечного Отечества, даже при «неудобном государстве».

Оставим как нелепые фантазии о «лучшем исходе» для русских в случае завоевания Советской России фашистской Германией. Гитлер имел план «Ост» — сокращение европейского населения СССР, то есть русских, белорусов и украинцев (общерусской нации), на 40 процентов, насильственное перемещение рабской рабочей силы. Неубедительными выглядят рассуждения и теоретиков Народно-трудового союза о временности союза с Гитлером и будущей борьбе жалких формирований Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против рейха и его колоссальной военной машины. Германия не только обладала собственной внушительной силой, но и держала под полным контролем совокупную мощь всей поставленной на службу рейха Европы. Чтобы до конца сломить ее, потребовались десятки миллионов жизней и четыре года невиданного духовного и предельного физического напряжения.

И наконец, главное, что наверняка мучило и будет мучить русских и потом — нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: возможно ли исторически оправдать попытки развязать войну гражданскую за спиной войны Отечественной? Наверное, мучительны были эти сомнения, и поэтому русские из власовцев так самоотверженно сражались в 1945 году за освобождение Праги — этот подвиг был, бесспорно, праведным, и, возможно, он ими воспринимался как искупительная жертва.

И все же против чужеземцев, пришедших завоевать и поработить, ограбить и присвоить, лишить всякого продолжения в мировой истории, любой народ во все времена сражается только и только за Отечество, какие бы символы ни были на знаменах.

Деникин это понял, и его мука отражена в мемуарах и книге дочери, Марины Антоновны Деникиной, изданной к перезахоронению праха ее отца в его любимой России¹. Перенос праха А. Деникина был совершен с воинскими почестями, и над его новой, последней могилой на Родине склонились в едином порыве русские, чьи деды и отцы, возможно, были по разные стороны. Марина Антоновна исполнила эту волю отца и вскоре ушла в мир иной, как будто завершив свою земную миссию.

На Западе же, судя по всему, стратеги хладнокровно оценили, что война стала *Отечественной*, изменила сознание в коммунистической России и *воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории.*

При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти то, что в годы Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему происхождению и сознанию (крестьяне) отличавшаяся от ранних большевиков, которые замыслили мировую революцию в женевских кафе и для которых Россия была «вязанкой хвороста» в великом пожаре планетарных классовых битв.

Второе «советско-партийное» поколение значительно выхолостило ортодоксально марксистские основы воззрений на отечественную историю и развитие мира, ибо связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Оно инстинктивно совмести-

¹ *Деникина-Грей М.А.* Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М.: АСТ-Пресс, 2005.

ло с марксизмом естественное побуждение человека созидать на своей Земле, а не разрушать ее во имя всемирных революционно-прогрессивистских абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксальным образом стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы (доживи они) ярость у Ленина и Троцкого.

Этому второму советско-партийному поколению менее всего было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря этому военному поколению, вдохновленному духом мая 1945-го, акцент был смещен с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда «советский» — вместо русского — патриотизм. Сдвиг общественного сознания от ортодоксального марксизма в сторону национальной державности дал сорок лет относительно мирной жизни, и титаническим напряжением удалось создать мощнейший потенциал.

На мировой арене СССР стал силой, равновеликой совокупному Западу. Это оплаченное кровью и трудом трех поколений достояние было растрчено из-за разрушения национального и государственного самосознания и из-за увязки государственности с коммунистической идеей и тоталитарным характером общества.

Именно эта равновеликость в сочетании с осязаемыми итогами Великой Победы — восстановлением территории исторического государства Российского и его контроля над стратегической линией от Балтики до региона Черноморских проливов — не устраивала Запад. Российское наследие было препарировано и инкорпорировано в советскую государственную доктрину, уже сильно отличавшуюся от замыслов пламенных революционеров ленинско-бухаринско-троцкистского типа. В КПСС наметилось негласное противоборство национально-державной и космополитической линий, за которым пристально следили спецслужбы США, а также внутренние носители анти-русского начала.

Сколько бы русские ни спорили о войне, суждения и деятельность титанов западноевропейской политики, Черчилля, де Голля и других, вся западная стратегия и, наконец, обширная зарубежная литература по международным отношениям свидетельствуют: после мая 1945 года Советский Союз рассматривался в западном мире как «опасная», а сочувствующими силами мира — как обнадёживающая геополитическая основа потенциального само-

восстановления России, способного стать препятствием для «глобального управления».

В общественном сознании послевоенное противостояние Запада и СССР было намеренно сведено исключительно к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это было нужно для того, чтобы потом обосновать правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги холодной войны, которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи.

Идея и ее носитель были повержены с афишируемым треском. Теперь задумаемся: ведь это ликование на Западе странно не соответствовало абсолютной безвредности для Запада идеи коммунизма в силу ее уже полной непривлекательности в конце XX века. Празднование «одоления империи зла» связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России. Западу и постсоветским либералам-западникам надо было, чтобы под флагом прощания с тоталитаризмом были вышвырнуты отеческие гробы вовсе не советской, а многовековой русской истории.

Когда Россия выходила из-за «железного занавеса», весь мир не без корыстного интереса ждал, что же скажет загадочная Россия, сумеет ли она с национальным достоинством переосмыслить свою историю, с чем пойдет в будущее. Вместо формулирования национальных идеалов за пределами материального и подлинного исторического проекта, вместо восстановления разрушенного революцией постсоветские идейные гуру перестройки всю свою энергию обрушили на обличение собственной истории от ее начала до конца и разрушили даже то, что сохранилось вопреки замыслу пламенных революционеров.

Приходится сделать вывод, что не только марксизм-ленинизм в 1914 — 1918 гг., но и диссидентство сыграло в жизни Отечества зловещую роль. Как и любое протестное движение, диссидентство было питаемо реальными противоречиями, бедами и грехами государственной жизни. Но, как и ортодоксальный марксизм первых большевиков, диссидентство, за исключением небольшого национального отряда, сразу распознанного и преданного остальными, было формой отторжения русского исторического и духовного опыта. Поэтому оно оказалось инструментом разруше-

ния государства и его места в мировой политике. Постсоветские либералы, выпестованные в демократической платформе КПСС, диссиденты-шестидесятники, подобно первым большевикам утратили связь с чем-либо национальным вообще. Мнимые борцы с коммунизмом, они боролись не с антирусским революционным замыслом о России, а с собственной государственностью.

Западные посолы прямо адресовались советской элите, приглашая ее стать частью глобального механизма по управлению «новым миром». Советская интеллектуальная и номенклатурная элита стала остро ощущать гнет своей идеологии, но не потому, что та разочаровала ее как инструмент развития собственной страны, а потому, что стала помехой для вхождения в элиту мировую. Цена за место в мировой олигархии была названа в эпоху М. Горбачева.

Пережитое в девяностые годы проливает свет на мотивы всей послевоенной стратегии Запада, и особенно в период разрядки. Запад добивался сокращения вооружений и свободы собственной пропаганды без границ: в спорах вокруг «третьей корзины» он требовал для своих зарубежных каналов права «информировать» советских граждан не о жизни на Западе, а о самом СССР. Немногие наверху осознавали, что это было нужно для сокрушения во-все не идеологии, а государства. Не боясь ни агрессии со стороны СССР, ни коммунистического соблазна, Запад развенчивал коммунизм на территории исторической России и в душах ее граждан, хотя экспорт революции Западу уже не грозил да и соперничество за Третий мир фактически сошло на нет. В этом не было парадокса, но была своя логика — коммунизм был объявлен единственной скрепой тысячелетней державы не только Западом, но и самой КПСС, утратившей ощущение реальности.

Два подмеченных течения являлись сторонами одной стратегии и лишь делили функции кнута и пряника. Запад предложил советской номенклатурной и интеллектуальной элите иллюзию членства в мировой элите в качестве пряника, а в 80-е годы перешел к этапу кнута — объявил СССР «империей зла». Затем, когда была продемонстрирована цена как покладистости, так и упрямства, в России появился А. Хаммер, финансирующий большевиков, «упразднивших» историческую Россию. Запад действовал в унисон лишь с теми, кто не собирался реабилитировать историческую русскую государственность, а стремился «упразднить»,

на сей раз из советского наследия, элементы ее восстановления. Обличения «тюрьмы народов» в духе Маркса, Энгельса, Ленина и Троцкого повторяли книгу Л. Добрянского — председателя «комиссии по проведению недели поработанных наций», и могли сравниться лишь с кампаниями 20-х годов.

На повестке дня оказалась ликвидация не столько коммунистических институтов, сколько «отеческих гробов» всей тысячелетней истории, оправдываемая расставанием с тоталитаризмом. Антиэтатистская философия пути постсоветской России стала идеологическим инструментом смены внешнеполитических ориентиров. Хотя России угрожала утрата геополитических позиций, которые она собирала в течение веков и которые сделали ее важнейшим системообразующим элементом международных отношений, внешнеполитической идеологией стали вера в экономическое чудо от вхождения в «мировое цивилизованное сообщество» на его условиях и цель вселенской демократии, что напоминает примат пролетарского интернационализма и мировой революции.

Новая философия мировой истории ориентирована на либеральную глобализацию, сменившую коммунистическую. Из нее опять следовали ослабление роли национальных государств и их суверенитета, рост авторитета наднациональных структур и международных механизмов. Вместо Третьего Интернационала ярлыки на цивилизованность и прогрессивность выдает Совет Европы. Как СССР во времена Ленина и Хрущева, США стали претендовать на выражение общемирового идеала единственной мировой цивилизации будущего.

Растеряв свои положительные идеалы, русские на время остались только с чувством неуважения к своему недавнему прошлому, а дореволюционное прошлое было осмеяно и растоптано еще большевиками. Никого не удивило, что проповедники антикоммунизма в ходе перестройки сохранили абсолютно большевистскую ненависть к исторической России. Обычные русские люди, оторванные от своей подлинной истории и веры, знали только то, чего уже не хотели в будущем, во что уже больше не верили. И нация, упоенно развенчивавшая грехи государства в эпоху безвременья и смятения личного и национального самосознания, позволила распять свое Отечество.

Пока Россия демонстрировала неспособность найти согласие по любому вопросу своего прошлого, настоящего и будущего,

весь остальной мир пожинал плоды нашего национального нигилизма и безверия.

Но история, награждающая за покаяние, не прощает самопредательства. Большевики уже пытались упразднить ошеломившую тысячелетнюю русскую историю. В наказание на них обрушились «братья по классу» во вражеской военной форме, и страна в 1941-м возопила о помощи к своей преданной истории, которая на первый раз простила и вдохнула дух национального единства. Постсоветские либералы по-большевистски глумятся над Великой Отечественной войной и жизнью отцов, и трагедия вновь повторяется.

Право на будущее имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и поэтому ее нельзя разделить, нельзя зачеркнуть в ней ни одной страницы, даже трагической и печальной.

Почему противникам возрождения российской державности выгодно, чтобы не было преемственности русского и советского исторического сознания? Этим достигаются фундаментальные цели:

— во-первых, война перестает быть Отечественной, русские в XX веке лишаются национальной истории, лишаются легитимной государственности, а значит, правомерны внешние вмешательства, внутренние мятежи и сепаратизм;

— во-вторых, идея, что СССР вел битву с гитлеровским рейхом, будучи таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и может дать основания для ревизии итогов Ялты и Потсдама.

В нынешней интерпретации война якобы велась союзниками не за жизнь, не за историческое существование европейских народов, которым угрожали физическая гибель и прекращение национальной жизни, а исключительно за торжество американской демократии. Неслучайно именно в период подготовки расчленения СССР, в 70 — 80-е годы, в общественное сознание как на Западе, так и в России внедрялось суждение о тождестве всемирных целей Гитлера и Сталина, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за господство. И вот уже Суворов — не Рымникский, Румянцев — не Задунайский, Потемкин — не Таврический, Паскевич — не Эриваньский, Муравьев — не Карский, Дибич — не Забалканский. Россию оттесняют с морей, говорят, что русским

не принадлежит ни пяди земли, которую они полили своей кровью и которой дали свое имя.

Как поздно заметили, что, избавляясь от надоевшего всесилья косной КПСС, под либеральной и антикоммунистической фразеологией сохранили и даже вновь заострили марксистскую нигилистическую интерпретацию всей российской истории! Пафос обличения «тюрьмы народов» в 90-е годы мог по силе ненависти к русской истории сравниться лишь с двадцатыми годами, потому что воспроизводил давно забытые поношения России троцкистами и бухаринцами. А в советском периоде отечественные «либералы», так же как и Запад, подвергли наибольшему поношению именно спасительный отход от ортодоксального марксизма и элементы исторической преемственности в общественном сознании, в оценке национальных интересов, мало зависящих от типа власти.

Не многих насторожило, что Запад приветствовал разрушение советской державы теми же словами, которыми приветствовал разрушение державы российской. Ведь когда в России грянула большевистская революция и страна временно распалась, якобы антикоммунистическая Америка это приветствовала — загадочный alter ego президента В. Вильсона полковник Хауз посоветовал ему «заверить Россию в симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку». Именно на фоне первого распада России США провозгласили первый универсалистский проект перестройки мира на основах «демократии и общечеловеческих ценностей» — программу «14 пунктов».

Когда двигатель «свободы и демократии» в Москве, Киеве и Тбилиси, президент Буш-старший, пообещав признание Украине, благословил Беловежские соглашения, когда США признали Грузию Шеварднадзе, не дожидаясь легитимации тбилисского режима, невольно вспомнились времена Брестского мира, Хауз и В. Вильсон с их «программой 14 пунктов», план Ллойд Джорджа по расчленению России, попытка признать сразу все «де-факто» возникшие правительства на территории «бывшей» Российской империи.

Под аплодисменты поборников демократии и прав человека и под флагом прощания с тоталитаризмом были сданы вехи, символы и итоги вовсе не советской, а трехсотлетней русской истории! Кто вспоминает сегодня 150-летие Севастопольской обороны и Крымской войны? Где Ништадтский мир, где Полтава?

И вот когда Россия наконец осознала, что выходы к морю, судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны монархии XVIII века и демократии XXI, а с помощью блоков и союзов проходят через проливы не только имперские пушки, но и танкеры с нефтью, давление на некоммунистическую Россию многократно возросло, даже по сравнению с большевистским СССР. Прозревающую и восстанавливающую свое национальное сознание и духовный стержень Россию стали обвинять в «отступлении от демократии».

Итак, вселенская дилемма «Россия и Европа», которую не обошли вниманием крупные умы России прошлого, опять встает перед нами, поскольку дискуссия о Войне и нашей Победе, а точнее сказать, травля России разворачивается на фоне очевидного передела мира и соперничества за российское наследство. Но давление обрело знакомые очертания — граница его опять проходит именно там, где Священная Римская империя и Ватикан, Речь Посполитая, Наполеон и Габсбурги, Германия кайзера Вильгельма и Гитлера стремились оттеснить русских от Балтики и Черного моря на северо-восток Евразии, овладеть византийским пространством, а вездесущая Британия противодействовала России из ее южного подбрюшья, Центральной Азии.

Вряд ли Россию и русских возможно еще раз соблазнить каким-нибудь «новым мышлением» и химерой общечеловеческих ценностей. Слишком очевидно, что весь остальной мир охотно воспользовался испытанным, старым приемом и прибрал к рукам все, что отдавали прозелиты. Очередной передел мира меньше всего отражает борьбу идеологий XX столетия, которая на самом деле вовсе не в такой степени, как казалось, определяла международные отношения даже в период холодной войны. Демагогические толкования результатов соперничества «тоталитаризма и демократии», увы, слишком напоминают штамп марксистского обществоведения о «главном содержании эпохи — переходе от капитализма к коммунизму». Главным содержанием «нашей эпохи», начиная с последнего десятилетия XX века, стала попытка уничтожить сначала Россию — потенциально равновеликую всему совокупному Западу геополитическую силу, затем Россию — самостоятельную историческую личность с собственным поиском универсального смысла человеческого бытия.

Латинские Венгрия и Чехия бегут в НАТО не от коммунизма, а от чуждой России. Только оказываются они не в «постгабсбургском» ареале, совершенно не нужном новым архитекторам мира.

Они попадают в «атлантический мир», призванный не допустить здесь влияние не только России, но и Германии. По канонам англо-саксонской стратегии XX века Восточная Европа больше никогда не должна входить ни в орбиту немцев, ни в орбиту русских.

Выступая 23 ноября 2002 года в Вильнюсе по случаю официального приглашения Литвы в НАТО, Президент США Дж. Буш произнес знаменательные слова: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты**». В России это высказывание предпочли не заметить, однако в нем — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете. **В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» означает: «Восточная Европа не будет отныне сферой влияния ни Германии, ни России — она будет сферой влияния США».**

Эти слова обнаруживают глубокую удовлетворенность Вашингтона достижением одной из главных целей всей геополитической стратегии англосаксов в XX веке — овладением Восточной Европой, значение которой превосходно выразил выдающийся русский политический географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский: это ключевой регион между «двумя “средиземными” морями — Балтийским и Средиземным», которые, в свою очередь, являются «наиболее вдавшимися в сушу бухтами Мирового океана». Тому же, кто создаст «кольцеобразные» системы контроля вокруг этих морей и будет контролировать линию «от моря до моря» (от Балтики до Черного моря), русский политический аналитик предсказал в 1915 году роль «господина мира»¹.

Обе мировые войны и холодная война велись во многом за Восточную Европу, причем планы Гитлера немногим отличались от планов кайзера Вильгельма — завоевание Прибалтики, отторжение Украины и Черноземья и оттеснение с Черного моря. Это рушит концепцию германского историка Э. Нольте, который предложил интерпретировать Вторую мировую войну как «всеевропейскую гражданскую войну двух идеологий — фашизма и коммунизма»².

¹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. (Доложен Отделению Физической географии в 1912 году). Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. С. 14.

² Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Propiläen. 1997. S. 310—311.

Все, что не удалось немцам за два «Дранг нах Остен», осуществили англосаксы. Западная, «старая», Европа была объединена, в том числе для того, чтобы растворить и нейтрализовать потенциал Германии и послужить трамплином к прыжку на Восток.

По канонам британской, а теперь и американской геополитики серьезную роль «атлантического» мира в континентальной Европе обеспечивают два условия. Первое — осуществляемый морскими силами контроль над атлантическим побережьем Европы и ключевыми точками в Средиземноморье; второе — предотвращение возвышения Германии и России, двух единственных держав континента, для сдерживания которых недостаточно морского могущества. Причем обе эти силы обретают организующее значение только при подключении к ним Восточной Европы, которая и придает той или иной континентальной конфигурации характер системы. Отсюда знаменитые тезисы «отца» британской геополитики Х. Маккиндера о том, что контроль над Восточной Европой дает контроль над «осевым пространством Евразии» и в итоге — «господство над миром». Зб. Бжезинский с его «Великой шахматной доской» выступает в этом отношении продолжателем Х. Маккиндера.

К началу XX века Британия рассматривала как угрозу своему мировому влиянию прежде всего две силы: евроазиатского гиганта Россию и формирующуюся «Срединную Европу» («Mitteleuropa»), где Германская империя и Австро-Венгрия рвались уже не только на восток, но и на юг Европы, осуществляя через Балканы «Дранг нах Зюден» к Средиземному морю.

Первая цель была достигнута Британией за три века планомерного устранения соперников на море — Голландии, Испании, Португалии и Франции, а в XX веке — созданием Североатлантического альянса. Второе условие — одновременное вытеснение и немцев, и России из Восточной Европы — не удавалось выполнить на протяжении всего XX века, хотя уже во время подготовки Версальского мира на фоне революционного хаоса в России в британском Форин Офис были извлечены все архивы и разработки времен Северной войны и Ништадтского мира 1721 г., по которому Россия получала «навечно» Прибалтику, и поставлена задача изъять прибалтийские земли из орбиты России. В этом Западу весьма помогли большевики и их Брестский мир 1918 года.

Именно такая конфигурация, хрупкая и обреченная в тех условиях, и была сконструирована в 1919 году англо-американскими архитекторами Версальской системы Ллойд Джорджем и Вудро Вильсоном: полоса восточноевропейских буферных государств из бывших территорий Австро-Венгрии и прибалтийских владений Российской империи. Политической идеологией нового европейского порядка стало «вильсонизм» с его лозунгом «демократия и самоопределение». Вильсонизм применялся в XX веке строго выборочно, по сути дела, только к Восточной Европе и исторической России. Лига Наций разъяснила, что «право на самоопределение противоречит понятию государства как таковому, не применимо к давно сложившемуся государству (*«État définitivement constitué»*) и относится лишь к странам, охваченным войной и революциями». Именно эта доктрина была использована в ходе перестройки и «бархатных революций» в Восточной Европе в 1989 — 1990 гг.

Геополитический рисунок весьма старой англосаксонской, а сегодня — атлантической стратегии был воспроизведен в 90-е годы. В конце 80-х — начале 90-х годов Россия ушла из Восточной Европы, «организатором» которой всегда были либо она, либо Германия. Западную Европу по-прежнему консолидировал блок НАТО. Но чтобы «социалистическая Восточная Европа», выйдя из-под российского контроля, не рассыпалась окончательно в постверсальский ярус мелких несамостоятельных государств и чтобы у Германии не проснулись идеи «Срединной Европы», ее надо было срочно скрепить атлантическим постялтинским каркасом под англосаксонским контролем.

Не стоит удивляться и католической Польше, сочувствующей чеченским головорезам, если вспомнить, что польский кумир Адам Мицкевич «угас» где-то в Константинополе, куда он отправился «устраивать польский казачий легион» (А. Герцен), чтобы в Крымской войне воевать на стороне «цивилизованной» Оттоманской Турции против «варварской» России.

Польские историки, уже не стесняясь, выплескивают свою тысячелетнюю русофобию на страницы ведущих газет и открыто сожалеют о том, что перед Второй мировой войной Польша не договорилась с Гитлером и вместе с ним не разгромила ненавистной России. Гротескная самооценка, похоже, позволяет полякам воображать, что именно их войска обеспечили бы Гитлеру победу

в Сталинграде и под Курском. Варшавский профессор Вечорковский в газете «Rzeczpospolita» ностальгически рисует картину: «Мы могли бы найти на стороне рейха почти такое же место, как Италия... В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск».

Еще двадцать лет назад подобные размышления на страницах официального органа Польской Республики произвели бы впечатление куда более сильное, чем высказывания иранского президента об Израиле. Но ненависть к России и русским в демократической Европе извиняет все. Эта ненависть уже не просто политкорректна — она стала индульгенцией, отпускающей любые грехи: сожаления о несостоявшемся союзе с Гитлером, мечты о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, надо полагать, отдал бы Украину и Литву, Чехию и Словакию, ведь польский историк считает, что «отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости»¹.

Но Балто-Черноморская дуга — это старый проект, XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю, многовековая мечта польской шляхты, которая с Люблинской унии и, судя по сентенциям Павла Вечорковича, до сих пор считает и Украину, и Литву, и Белоруссию, и часть Чехии и Словакии своей вотчиной или, уж во всяком случае, регионом своей «ответственности» перед Западом.

И разве Косово поле, оккупированное под надуманным предлогом после целенаправленной демонизации сербов и бомбардировок Белграда, случайно оказалось под контролем НАТО? Это единственная природная равнина на Балканах, где танки НАТО могут пройти к Салоникам. Стратегия США и НАТО по отношению к Югославии вобрала опыт как англосаксонской, так и австро-венгерской политики вместе с идеологической мотивацией, в которой стремление к контролю над чужими территориями маскировалось высшими цивилизаторскими целями.

В 1878 году на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия по предложению Б. Дизраэли получила мандат на право оккупации

¹ Rzeczpospolita, 28 сентября 2005 г.

Боснии и Герцеговины для «наведения порядка» и внедрения «западных ценностей». Можно привести суждения крупных деятелей прошлого — Д. Андраши, Л. Тадоци, генерала Гетцентдорфа, баварского историка Я. Фалмерера, призывавшего к «решительной расправе с “наследниками Византии”», австрийского правителя Боснии и Герцеговины министра Б. Каллаи, полагавшего невозможным «сосуществование духовного мира Юго-Восточной и Западной Европы, неудержимо пробивающейся к прогрессу». Начальник австрийского Генерального штаба генерал Бек в меморандуме, хранящемся в военном архиве в Вене, подчеркивал, что ключ к Балканам находится скорее в Косово и Македонии, чем в Константинополе, отмечая, что «именно победа турок на Косовом поле, а не взятие Константинополя, принесла им владычество над Балканами»¹. Все, что сделано в Югославии, — продолжение политики столетней, если не двухсотлетней давности, маскируемой под строительство демократии.

Симптоматично, что в ходе кризиса в Боснии в США был переиздан доклад Фонда Карнеги о Балканских войнах 1913 года. Главное в публикации — предисловие автора «доктрины сдерживания» Дж. Кеннана. Корифей американской внешней политики определил подход к будущему развитию событий на Балканах, указав, что по завершении собственно военного конфликта в Боснии мировое сообщество окажется перед лицом «весьма безобразной проблемы в юго-восточной части европейского континента», для решения которой «необходимо два условия». Первое — это «новый и четко признанный территориальный статус-кво». Второе — «значительные и эффективные ограничения на поведение государств региона». «Наивно полагать, — объясняет Кеннан, — что выработка нового территориального статус-кво может быть достигнута лишь переговорами между самими сторонами... потребуются внешнее посредничество и, по всей вероятности, внешнее принуждение для того, чтобы достичь разумного решения и чтобы заставить... стороны принять и соблюдать его».

И самое главное: «Что касается второго, то *ограничения, налагаемые на балканских участников в отношении того, что они считают своим неограниченным суверенитетом и свободой*

¹ Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях. М.: Институт международных экономических и политических исследований Российской академии наук, 2000. С. 143.

действий, должны быть куда более значительными, чем обычно применяемые в международном сообществе». Тезисы Кенна на полностью отходят от международного права. Те, кто будет заниматься этой проблемой, отметил он, должны быть способными на *«нововведения в области прав и обязанностей, предполагаемых термином “суверенитет”, а также “быть готовыми применить силу — конечно, минимальную, но тем не менее, силу”»*¹.

Так уже в 1993 г. была сделана проекция боснийского конфликта на весь регион и «обосновано» право США вмешиваться во внутренние дела суверенных субъектов вплоть до агрессии. Впрочем, о склонности к двойным стандартам предупреждал еще Н. Данилевский, остроумно показавший, как «формалистическая» во внутренних делах «Англия не страдает... излишнею привязанностью к легальности в делах внешней политики» и, «когда это ей оказывается нужным или выгодным, не задумывается бомбардировать столицу государства, с которым не находится в войне»².

И разве Папа Иоанн Павел II, назвавший только украинцев наследниками святого Владимира и последовательно насаждавший католические епархии в России, не продолжил дело Папы Урбана VIII? Тот взывал вскоре после Брестской унии 1596 года: «О, мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока».

Наконец, торжествующие англосаксы вступают «миротворцами» в Кабул и Месопотамию — приз, вожделенный Британией еще в Первую мировую войну. И здесь сентенции о демократии в регионе могут обаять лишь не знающих истории и того, что в первую же неделю мировой войны 1914 — 1918 гг. Британия оккупировала порт Фао, а к 1918 году — весь Ирак, куда она еще в XIX веке многократно вводила свои войска. Предметом секретного соглашения 1915 года между Англией и Францией, к которому присоединилась Россия (соглашение Сайкса — Пико), был раздел аравийских владений Турции, и по этому соглашению Британия требовала себе Мосул и Кувейт, а лорд Керзон говорил, что граница Британской империи должна проходить по Тигру и Евфрату. Поистине ничего нового под солнцем!

¹ The Other Balkan Wars. 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by George F. Kennan. Wash. Carnegie Endowment, 1993. P. 16.

² Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: Алир, ГУП Облиздат, 1998. С. 192, 199.

Одна из главных целей сегодняшнего передела мира — контроль над природными ресурсами, за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет изоляция России от Средиземноморья, Черного моря и Каспия. Линия изоляции — северная часть Мирового энергетического эллипса, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря, призвана соединить англосаксонские позиции в Турции через Персидский залив, Ирак и Иран с Пакистаном. Замыкается эллипс в Афганистане. Заметим, что этот регион примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет втягивание в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, истерическую травлю Белоруссии — недостающей части мозаики, борьбу за вытеснение России из Крыма, вовлечение Грузии в американскую орбиту и придание чеченскому уголовному мятежу ореола национально-освободительного движения.

Задача евразийской стратегии Вашингтона — обеспечить себе решающий контроль над мировыми ресурсами и необратимо отстранить от рычага управления этими ресурсами все потенциальные центры силы. Обеим целям служит чеченский конфликт после того, как он из обыкновенного криминального мятежа превращен в инструмент мирового проекта.

Исламский экспансионистский импульс всегда имел неисламского дирижера. Британскую шхуну «Виксен» в 1835 году застигли у берегов Кавказа, где она выгружала оружие для черкесов. И разве комический лорд Джадд, создававший «чеченские комитеты» при Совете Европы, не повторил лорда Пальмерстона, который создавал «черкесские комитеты» на Парижском конгрессе 1856 года после Крымской войны? Аналогии можно найти и в 50-е годы. Только непокорный Иран мешает попытке реконструировать некое подобие пакта СЕНТО — Организации Центрального договора под модным названием «пакт стабильности». Вспомним, что начинался он с Багдадского пакта. Такая конфигурация призвана опять связать в единую цепь стратегические точки на линии Средиземноморье — Малая Азия — Персидский залив — Пакистан. Ирак — современный Карфаген Персидского залива — неизбежно должен был быть разрушен! Остается Иран, уже объявленный главной угрозой миру и стабильности в регионе. Без устранения

этого препятствия «четвертый Рим» не сможет господствовать над огромным евразийским эллипсом.

Заключения об окончании холодной войны на этом фоне вызывают скепсис. Ее интерпретация — во многом продукт идеологии. Серьезная западная историография уже признала искаженность восприятия этого периода, указывая на волнообразные колебания интерпретаций в русле как антисоветизма, так и антиамериканизма. Наконец, появилось и признание ранее скрываемой «британской» версии, в которой холодная война имела одной из задач растворение Германии. Эту задачу вместе с антигерманским импульсом британцы «бережно» передали Америке, научив ее своему классическому видению европейского миропорядка¹.

Однако рискнем вообще опрокинуть постановку вопроса о холодной войне как об анахронизме и подвергнем сомнению саму парадигму мышления, в которой этот период представляется невиданным и более ужасным, чем ранее известные.

Международные отношения XX века, включая сегодняшнюю эру демократии, отличаются от «имперского» прошлого двумя лишь основными чертами — невиданной идеологизацией и неаристократической грубостью. Новое — также и в чаяниях апостасийного человека. Социальная психология отражает жажду идеальной модели, веры в прогресс и хилиастический мир. Человечество, забывшее о мире с Богом и о своей греховности, ожидает горизонтального мира между людьми и государствами и, не находя этого, ищет «жертву отпущения», чтобы снять с себя ответственность за грехи мира. Поскольку в качестве цели внешней политики и международной дипломатии уже давно выставляются не национальные интересы, а «счастье человечества», «вечный мир», «демократия», соперник становится врагом человечества, воплощением вселенского зла. В итоге преемственные геополитические устремления рассматриваются в XX веке в манихейской дихотомии борьбы добра и зла. Сущность же проблем и противоречий международных отношений периода холодной войны повторяла геополитические константы и историко-культурные тяготения прошлого.

¹ *Gaddis John Lewis. We now know: Rethinking Cold war History. Oxford, 1997; The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War. N.Y.—Oxford, 1982; Deighton Ann. The impossible Peace: Britain, the division of Germany and the origins of the Cold War. Oxford, 1990.*

В эпоху соперничества третьесословной *liberté* и пролетарского *égalité* американские президенты и генсеки, воспитанные не на Моцарте, а на вестерне и на «Шурике», одинаково далеки от этики князя Меттерниха и князя Горчакова и вместо «*la Russie se recueille*» показывают «кузькину мать» и стиль Рэмбо. Ни Корейская война, ни вторжение США на Кубу, ни ввод советских войск в Венгрию и Чехословакию, по сути не явили ничего нового в международных отношениях, но сопровождались невиданным отождествлением собственных интересов с морально-этическими канонами универсума, что делало соперника врагом света и исчадием ада.

Подобная «теологизация» собственного исторического проекта явно продолжена только нынешним «единственно верным, потому что всеильным», либеральным учением. Глобальное сверхобщество, проповедуемое марксизмом, а затем либерализмом, становится подобно идее метафизического «Рима» «*translatio imperii*», переходящей то с Запада на Восток, то обратно, с Востока на Запад. Сходство даже в обличении изгоев в духе хрущевского агитпропа 60-х годов: «По мере того как история уверенной поступью движется к торжеству рынка и демократии, некоторые страны остаются на обочине этой столбовой дороги»¹. Приходится нарушать политкорректность и указывать на сохранение не только всех констант многовекового соперничества за выходы к морю и источники сырья, но и тех черт холодной войны, что делали ее похожей на религиозные войны.

Проявляется это в возврате к довестфальскому правовому сознанию, в подрыве суверенитета и классического международного права. Оправдание гуманитарных интервенций и превентивных ударов по «странам-изгоям» опирается на тезис о защите вселенской демократии, которую «первосортные» страны имеют право силой навязывать отсталым.

Подобно тому как после мая 1945 года «идеологическая борьба» коммунизма и «свободного мира» заслоняла борьбу против Ялты и Потсдама, против сохранения территории исторического государства Российского, нынешняя риторика о демократии призвана заслонить дальнейшее оттеснение России на северо-восток Евразии, где обустройство рабочего места в 6 раз дороже, чем в Европе, глубина промерзания — 3 метра, отопительный сезон — 9 месяцев.

¹ Райс Кондолиза. Во имя национальных интересов. Pro et Contra. М.: Т. 5, 2000, № 2, Весна. С. 118.

ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ

Наступил черед и последней святыни — Великой Победы в Великой Отечественной войне. Самое удручающее, что и отечественные либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших двух идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии. Тезис, что не русский народ, а лишь «большевики» и подневольные сражались с родственным большевизму фашизмом за мировое господство, продолжает внедряться в течение десятилетий. В такой интерпретации «ярость благородная» обесмыслена, победа в Отечественной войне 1941 — 1945 гг. перестает быть опорным пунктом национального сознания, а вместо национальной истории у русских в XX веке остается лишь погоня за ложными идеалами.

Но ведь это зеркальное отражение вульгарно-марксистского подхода хрущевских времен, когда утверждалось, что СССР вел войну не с Германией, а лишь с «социально-классовой системой фашизма». Это упрощение нам дорого обошлось, обернувшись разрушением национального самосознания.

Ставшие лимитрофами Латвия, Эстония и Польша празднуют освобождение Освенцима и оскорбляют его Освободителя — того, кто спас Европу, и прежде всего их самих, от нацистского порабощения, от превращения наций в безликий человеческий материал без языка и культуры, без падений и достижений — без истории.

Официальный статус обретает вызов сложившейся интерпретации Второй мировой и Великой Отечественной войны. Ни НАТО, ни ЕС не осудили сноса Бронзового солдата в Таллине, осуществленного эстонскими властями. В военно-спортивной игре «Эрна», где примером для подражания и воспитания сделан эстонский диверсионный отряд гитлеровского абвера времен Великой Отечественной войны, уже принимали участие граждане

на создание некоего глобального механизма взаимоотношений в мире, который постепенно втягивал бы традиционные национальные государства в свою орбиту, незаметно подчиняя поведение суверенных государств крупным мировым силам, происхождение которых определить не всегда легко.

Поэтому давно назрел пересмотр мировой политики XX века лишь как борьбы либерального Запада с коммунистическим СССР. Этот поверхностный ярлык весьма единодушно применяется как в отечественной — марксистской и либеральной, — так и в западной историографии. Сия догма успешно заслоняет истинные международные хитросплетения вокруг России в годы революции и еще больше после Ялты и Потсдама и, наконец, совсем уводит в сторону анализ современной ситуации.

Но ее упорно навязывают, во-первых, чтобы не признавать преемственность русской истории в XX веке, преемственность дореволюционной России, СССР и современной России. Во-вторых, чтобы скрыть берущее начало в глубине веков неприятие Западом России как сопоставимой с совокупным *Западом геополитической силы и исторической личности* — препятствия на пути подчинения многообразного мира проекту либеральной глобализации.

Пора ответить на вопрос, почему из всего революционного и коммунистического периода 1917 — 1990 гг. демонизируется исключительно «сталинский СССР»? По массовости и жестокости репрессий (не без помощи латышских стрелков) ленинский период был не только не лучше, но даже хуже. Тогда действовала так называемая теория революционной законности, по логике которой, человек «не волен в поступках», поскольку есть «продукт социальных отношений», и поэтому не надо искать у него никакой вины перед революцией, а необходимо лишь устранить нужное количество «антиреволюционного класса». При Сталине же были хотя бы в теории возвращены такие «архаичные» понятия, как мера вины и мера наказания.

Причина целенаправленного создания из Сталина образа «чудовища всех времен и народов», какового не делали ни из Кромвеля, ни из Робеспьера (количество жертв на душу населения во Французской революции, первой провозгласившей «революционный террор», до сих пор не превзойдена), при явно лояльном отношении на Западе к Ленину заключается в другом: в образе

Сталина на самом деле демонизируется единственный успех российской национальной истории в XX веке — Великая Победа в величайшей из битв истории, которая, помимо огромного морального воздействия на мир, **восстановила территорию исторического государства Российского**, утраченную из-за революции, Гражданской войны и корыстной политики западных стран, отнесшихся тогда к своей союзнице как к добыче для расхищения..

Очевидна задача лишить Победу ее моральных оснований, обесценить ее, а затем демонизировать само явление российского великодержавия. Этого можно достичь, увязав Победу с репрессиями. Но исторической правды и логики здесь нет — в период репрессий, как ленинских, так и сталинских, Советская Россия вообще не была великой державой, ибо большевистская революция расчленила страну и поставила ее на грань выживания. Даже заново, но не полностью собранная большевиками Советская Россия была слабым и изолированным участником мировой политики. Спасли ее тогда лишь противоречия между западными державами, которые не были объединены, как сегодня.

В России большинство населения отторгают репрессии как трагический и исторически не оправдываемый революционный эксперимент. Но нация интуитивно, порой скрыто, относится к демонизации имени Сталина с подозрительностью, бессознательно ощущая коварную подоплеку — через развенчание лидера Победы развенчать саму Победу. На Западе же стратеги Сталина ненавидят вовсе не за репрессии, в которых он был не первым, а за восстановление территории исторической России, за Ялту и Потсдам. Причем наиважнейшее в этих геополитических достижениях — это даже не столько 50-летний контроль над Восточной Европой, а прежде всего возвращение обретений Петра Великого, то есть восстановление Прибалтики как части исторической России, что до революции никем никогда не оспаривалось. Ленина же, напротив, Запад всегда щадит, по-видимому, в благодарность за разрушение Российской империи, и прежде всего за сдачу Западу Прибалтики.

Для понимания процессов вокруг распада СССР и сегодняшней России полезно сравнить сегодняшние очевидные устремления западных держав с их целями и устремлениями в Первой и Второй мировых войнах и в годы русской революции 1917-го и Гражданской войны. Такое сопоставление покажет удивительную преемственность.

* * *

Основные векторы геополитических устремлений всего XX века и сегодняшнего мира были определены итогами века девятнадцатого. Претензии Британии не допустить роста какой-либо континентальной державы и амбиции Пруссии, не удовлетворившейся объединением Германской империи «железом и кровью», создали в Евразии две стороны будущего треугольника мировой политики, в котором России уготовано было стать третьей стороной. Россия, имевшая выход к Балтийскому и Черному морям, имела шанс утвердиться в Черноморских проливах при грядущем распаде Османской турецкой империи и новой конфигурации Балкан, что воспринималось всегда как вызов претензиям Англии. Такая Россия, к тому же подошедшая к Гиндукушу после присоединения Средней Азии, начала превращаться в равновеликую всему совокупному Западу (тогда Европе) геополитическую силу.

Процессы конца XIX века не только привели к Первой мировой войне, но и направили потенциал европейских исторических сил в определенное русло, заложили структуру международных отношений XX века и определили главных субъектов мировой политики будущего века. **Основные стратегические устремления к началу XX столетия сошлись на европейских морских рубежах России, в Восточной и Юго-Восточной Европе и сохранились до начала века XXI.**

Интересы сформировавшегося треугольника — Британии, России и Германии — столкнулись на Балканах, в регионе Проливов, а также на Балтике, куда Германию влекли ее амбиции на Востоке и где после Первой мировой войны сразу обнаружились интересы Британии и США. Отчетливо проявились британская стратегия овладения Персидским заливом, где Соединенное Королевство столкнулось с Германией, и желание Лондона сдерживать Россию в ее южном подбрюшии из Центральной Азии.

Именно в этих регионах на всем протяжении XX в. затем разыгрывались главные геополитические сценарии, именно эти регионы становились объектом передела мира в Первой и Второй мировой войнах и после распада СССР.

О целях Германии написаны тома исследований. Особый интерес для демонстрации преемственности целей кайзеровской и гитлеровской Германии представляют фундаментальные труды

немецкого историка Ф. Фишера, который проследил развитие германского экспансионизма, его перерастание из регионального явления в борьбу за роль мировой державы, воздействие этих идей на кайзера, промышленные круги, рейхстаг, интеллигенцию, показал зарождение дерзких геополитических замыслов и подкрепление их интеллектуальными изысканиями для обоснования германского превосходства. Даже нацистская доктрина, которую сегодня пытаются представить чуть ли не как ответ или защитную реакцию на коммунизм, имела предтечу — труды Х.Р. Чемберлена и Пьера де Лагарда¹. Еще в конце XIX века они распространяли языческие воззрения на христианство как на «еврейскую религию», которая делает из человека и нации смиренных рабов, утешающихся глупостями, что-де «последние будут первыми».

Труды германского историка Г. фон Трейчке², официального историографа Прусского государства, депутата рейхстага 1871—1884 годов, обосновывали моральное право на неограниченную экспансию: государство — «абсолют в себе, и его воля должна всегда подчиняться только самой себе, в самой сути государства не признавать над собой никакой силы». Этой доктрине принадлежит и пресловутый лозунг «Deutschland über alles», сначала вдохновлявший «железного канцлера» О. фон Бисмарка, а затем получивший известное воплощение в XX веке. В этой теории наибольший грех, достойный презрения, — это слабость, мораль же — прибежище ничтожных личностей и мелких государств, не способных на великие дела. Обоснования эти весьма напоминают сентенции идеолога американской экспансии и доктрины «Божественного предназначения» сенатора Бевериджа, а пренебрежение скрупулами вполне проявляется в век «общечеловеческих ценностей» в двойных стандартах и тактике демонизации неугодных правительств, применяемой в начале XXI века.

Хотя оформление германского исторического импульса в необузданное стремление к экспансии справедливо связывают с именем О. фон Бисмарка, «железный канцлер» к концу жизни пришел к выводу о невозможности войны с Россией и даже оставил что-то вроде

¹ *Fischer F. Germany's aims in the First World War. New York, W.W. Norton, 1967; Ero же: Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911—1914. Düsseldorf: Droste Verlag, 1987.*

² *Treitschke Heinrich von. Politik. Bände 1—2. Leipzig, 1897—1898; Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Bände 1—5. Leipzig, 1879—1894.*

геополитического завещания: «На Востоке у нас врагов нет». Тем не менее в течение почти века германские амбиции были направлены именно на восток Европы. Будущий министр иностранных дел и рейхсканцлер Ф. фон Бюлов еще в конце 1887 года в своем письме Ф. фон Гольштейну витийствовал: «В войне с Россией мы не примиримся, пока на целое поколение не лишим ее возможности нападения на нас», «не сокрушим ее экономические возможности, не опустошим ее Черноземье, не разбомбим ее побережья, не разрушим ее промышленность и торговлю». Наконец, главное, что является общим и для германцев, и для англосаксов: «Мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы». Дряхлый Бисмарк оставил на полях помету: «Столь эксцентричные наброски не следует излагать на бумаге»¹.

Уже перед Первой мировой войной слышались громогласные требования «пангерманистов» и открыто выражаемые планы территориальной экспансии милитаристских кругов и государственных деятелей вроде депутата рейхстага Фридриха Науманна, выступившего с концепцией геополитической «Mitteleuropa»² — германского супергосударства от Балтийского до Черного моря, вовлекающего в свою орбиту Польшу, Прибалтику и Балканы. Пресловутая «Mitteleuropa» мыслилась как создание фантастической империи, простирающейся от берегов Рейна до устьев Тигра и Евфрата. «В случае торжества Германии, — вспоминал русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, назвавший доктрину «Mitteleuropa» «Берлинским халифатом», — Россия теряла прибалтийские приобретения Петра Великого, а на Юге лишалась своих черноморских владений до Крыма включительно и оставалась... после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и на Балканах отрезанной от моря в размерах Московского Государства»³.

Г. Киссинджер приводит анализ явлений и событий, которые делали невозможным для России в 1914 году остаться в стороне:

¹ Die geheime Papiere F.von Holsteins. 3 Ausgabe. B. 3 Briefwechsel, Göttingen, Musterschmidt-Verlag, 1961. S. 213—216.

² Naumann F. Mitteleuropa. Berlin, 1915; его же. Was wird aus Polen? Berlin, 1917.

³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: «Международные отношения», 1996, репринт (Париж, 1927). С. 231—232, 273.

«Болгария, чье освобождение от турецкого правления было осуществлено Россией... склонялась на сторону Германии. Австрия, аннексировав Боснию и Герцеговину, похоже, стремилась превратить Сербию, единственного стоящего союзника России на Балканах, в протекторат. Наконец, коль скоро Германия воцарялась в Константинополе, России оставалось только гадать, не окончится ли эпоха панславизма тевтонским господством над всем, чего она добивалась в течение столетия»¹.

Появление новой работы австрийской славистки Элизабет Хереш снимает сомнения в роли Берлина и Вены в финансировании большевиков и разработке программы дестабилизации России и подготовки революционного взрыва, вплоть до создания и финансирования «Союза освобождения Украины» и одновременного возбуждения в пользу сепаратистов общественного мнения «враждебно настроенных к России или нейтральных стран». Гельфанд-Парвус — посредник между Лениным и большевиками и германским штабом — составил подробный план организации и оплаты антивоенной и антиправительственной, антисоциальной истерии в прессе, финансирования газеты «Правда» и пацифистских листовок, организации забастовок на важнейших для жизнеобеспечения во время войны объектах и предприятиях (портах и нефтедобывающих заводах).

Проект «технологии» отнюдь не бархатной революции в России со списком финансируемых политиков, прессы, партий и движений, которые должны были стать движущими силами революции, с планом сфер действий и расписанием на двадцати страницах был положен на стол внешнеполитического ведомства в Берлине, в архиве которого этот документ хранится, и после утверждения передан В.И. Ленину. На это регулярно переводились колоссальные средства через специально созданную сеть: ряд банков в Стокгольме и коммерческую контору Парвуса, его фирму и креатуры в Константинополе и Сибири. По сути, Парвус был первым заграничным «олигархом» и первым «политтехнологом» антигосударственных процессов в России.

В книге приведены не оставляющие сомнений фотокопии заявок военного ведомства Германии в Министерство финансов на выделение от пяти до сорока миллионов марок «по статье 6 чрез-

¹ *Киссинджер Генри*. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 186—188, 189.

вычайного бюджета» на революционную деятельность в России. Уже в 1915 году Гельфанд-Парвус в расписке зафиксировал получение «миллиона рублей в банкнотах на ускорение революционных процессов в России через ведомство немецкого посольства в Копенгагене». В российских и германских архивах хранится и письмо германского посла в Копенгагене Брокдорфа-Рантцау рейхсканцлеру Бетману-Гольвегу от 23 января 1916 г., в котором в связи с отчетом Гельфанда-Парвуса отмечается, что «переданная в его распоряжение сумма в один миллион рублей сразу же переправлена далее по назначению», и сообщается о «неизменной готовности организаций к поступательным революционным акциям»¹.

До выхода этой документированной книги о Парвусе имелась лишь работа Зеемана и Шарлау², которые концентрировали внимание больше на общих взглядах Гельфанда, его оценках мирового развития и его мощном влиянии на Троцкого и Ленина. Они в целом верно обрисовали роль Парвуса и упомянули о материалах архивов, но их не цитировали.

Нет нужды развивать мысль о схожести, если не тождестве геополитических целей кайзеровской и гитлеровской Германии. Имеется карта пангерманистов 1911 года, где «Берлинский халифат» очерчен весьма четко от прибалтийских провинций Российской империи до Багдада, куда предполагалось проложить новую железную дорогу от Берлина, обесценивающую морские пути, контролируемые Британией.

Если политтехнология Парвуса стала прообразом политтехнологии многих западных НПО на постсоветском пространстве, то карта пангерманистов 1911 года полностью совпадает с картой расширения НАТО на Восток!

Что касается Британии, то она не имела в континентальной Европе территориальных планов, но ее участие в Первой мировой войне преследовало важные геополитические задачи, включая, среди прочего, взаимное истощение Центральных держав и России. Англо-русские противоречия были так очевидны для всех,

¹ *Hersch Elisabeth. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Langen Müller, Wien, 2000, S. 119, 229.* План Гельфанда напечатан в приложении. См. с. 379—392.

² *Zeman Z. and Scharlau W.B. The Merchant of Revolution. London, Oxford University Press, 1965.*

что в конце XIX века в Европе считали почти неизбежным их эскалацию. По представлениям классической британской геополитической мысли, Англия могла оказаться в ситуации, при которой балканские православные славяне попадают в орбиту России, а католики ориентируются на Австрию и Германию, что не оставляет места для Британии в столь стратегически важном районе Проливов. При неизбежности грядущего распада Турции Англия может оказаться неспособной воспрепятствовать естественному формированию крупных однородных наций.

Хрестоматийными фактами стали обострение франко-германских отношений, а после неустойчивых временных поворотов окончательное возобладание и резкое усиление англо-германского соперничества. Общая тенденция к выделению австро-германских интересов привела к оформлению Антанты: англо-французского соглашения 1904 года и русско-английского соглашения 1907 года. Однако поворот Британии к сотрудничеству с Россией в момент, когда, как писал в 1885 году русский мыслитель С.Н. Южаков, «весь мир, европейский и азиатский, ожидает войны между Англией и Россией», которая «должна стать мировой в самом полном и точном смысле слова»¹, нуждается в объяснении. Внимание русских аналитиков Снесарева, Южакова, Чихачева к «англо-русской распре» не было экзальтацией. Русско-английское столкновение воспринималось в Европе как неизбежное не из-за «дипломатической щепетильности» или какой-то конкретной проблемы, а из-за самого факта существования России в ее границах, вступившего в противоречие с константами английской мировой стратегии.

Почему же Англия не начала войну с Россией, хотя ее бесспорное превосходство на морях позволило ей поочередно расправиться с претензиями других великих держав Нового времени? Россия представляла собой иной мир, причем не только масштабом, но и своим иным геополитическим типом. Владычица морей не могла успешной морской войной нанести стратегическое поражение России, огромной континентальной державе, чьи побережья, даже Черноморское, всё же не были для нее абсолютно решающими военно-стратегическими характеристиками, как для Португалии,

¹ Южаков С.Н. Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1885.

Испании, Голландии и Франции, которых Маккиндер именовал «полуостровной Европой», а С.Н. Южаков еще в 1885 году назвал «атлантическими» нациями именно в политическом смысле.

Похожее противоречие возникло у Англии к концу XIX века с Германией, которая рвалась к Средиземному морю и Балканам, усиленно создавала военно-морской флот (кайзер Вильгельм буквально «пожирал» книгу «Влияние морской силы на историю» адмирала А.Т. Мэхэна — теоретика британской морской силы, и одновременно строила железную дорогу к Багдаду, что сулило реальное, а не мифическое, как в случае России, проникновение в Персидский залив и Индийский океан, поскольку железные дороги обеспечивали куда более быстрое сообщение, чем морское, и действительно обесценивало позиции Англии.

Однако война против Германии также была бессмысленна. Победить «Срединную Европу» — «Континент» — стратегически мог тоже только «континент». Бальфур и другие понимали, что без превосходящего флота Британия вообще не будет считаться державой, но Германия даже без всякого флота останется мощнейшей державой Европы, как и Россия. Накануне Первой мировой войны сэр Эдуард Грей признал ограниченность морской силы по отношению к континентальным державам: «Какое бы превосходство ни имел наш флот, никакая морская победа не приведет нас ближе к Берлину. Не может быть и вопроса о британском нападении на Германию, пока британская армия находится в таких малых размерах»¹. Но даже гипотетически огромная английская армия, отправляемая с Британских островов, не могла без континентальных союзников достичь ни Берлина, ни Петербурга, поэтому-то министр Грей объяснял недоумевающим по поводу сближения с Россией: «Если бы мы остались в стороне от существующих дружеских отношений и соглашений, мы бы остались без друзей»².

Помочь Англии устранить Россию или Германию могла только европейская война — предпочтительно такая, где Германия и Россия были бы противниками. Заинтересованная во взаимном избиении своих континентальных соперников, Англия, не

¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660—1783. Предисловие. Госвоениздат. НК ВМФ Союза ССР, Москва—Ленинград, 1941. С. X.

² Seton-Watson R.W. Britain and the Dictators. Cambridge, Cambridge University Press, 1938. P. 13.

собиравшаяся особенно воевать на суше, вошла в Антанту, где России, по выражению Дурново, была уготована роль тарана, пробивающего брешь в толще германской обороны. Поэтому русско-английская часть Антанты сильно отличалась по глубине и обязательности от франко-русского соглашения. Из мемуаров Г.Н. Михайловского видно, что слабая связанность Англии обязательствами была осознана и в России, хотя, по-видимому, слишком поздно.

Самим своим существованием в границах, обретенных с выходом в Среднюю Азию, Россия не давала покоя Англии. «Британия стучалась в морские ворота Китая и продвигалась внутрь континента от морских ворот Индии, чтобы столкнуться с угрозой с северо-запада. Русское господство в Сердцевинной земле основывалось на людских ресурсах в Восточной Европе и продвигалось к воротам Индии мобильной силой ее казацкой конницы»¹.

Старое русское название региона «Средняя Азия» изменено сегодня на «Центральная Азия», чтобы стереть все следы русского присутствия. Под новым термином этот регион является предметом пристального внимания Запада — Узбекистан, Киргизия, Таджикистан. Там Запад стимулирует бархатные революции и небархатные бунты якобы с целью борьбы с остатками тоталитаризма — на деле, чтобы утвердить прозападные правительства и встроить эти территории в новые конфигурации, разместить там свои базы, создать кольцо сдерживания против России, а также против Китая.

Британские территориальные претензии открыто постулировались в отношении Ближнего Востока и арабийских владений Турции, где в Мосуле были открыты богатейшие залежи нефти. Одной из важнейших целей Британии в Первой мировой войне была Месопотамия — Ирак, и лорд Керзон не стеснялся заявлять, что граница Британской империи должна проходить по Евфрату.

Раздел азиатских владений Турции, Месопотамии и Палестины и составлял тему секретных соглашений с Россией (1915) и Францией (1916, Сайкса—Пико). Уже в июле 1914 года английские войска оккупировали порт Фао, в ноябре захватили Басру, в марте 1917 года заняли Багдад, к концу 1918 года — весь Ирак, мандат на который оформляется договором. Сегодня оккупация

¹ *Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction, Washington D.C., Henry Holt and C°, 1996. P. 96.*

Ирака объясняется стремлением там установить демократию. За присоединение к британским владениям Ирака и Кувейта Лондон даже пошел на будущую передачу России Константинополя!

Э. Хереш, работавшая в архивах Вены, Берлина и Москвы — ГАРФ, РЦХИДНИ, доказывает на документах, что Британия не собиралась выполнять свое обещание, невыполнимое для всей ее двухвековой стратегии. Не только рейхсканцелярия и венское военное министерство, но и британская казна начала в разгар войны финансировать русскую революцию: «Возможно ли это со стороны союзницы, со стороны монарха, состоявшего в родственных связях с царем? — вопрошает Хереш. — Все не в счет, если дело идет о стратегических интересах: 5 сентября 1916 года Британия должна дать согласие на русский контроль над Босфором. Тут-то и зреет соображение воспрепятствовать этой вожделенной мечте путем “подрыва изнутри” и создания внутреннего хаоса. С этого момента смертельные враги Англия и Германия вместе тянут за один рычаг, работая на революцию в России. Ллойд Джордж и лорд Милнер выделяют на это, по сведениям британского разведывательного ведомства, 21 млн рублей»¹.

Следует в этой связи особо упомянуть классика британской геополитики Х. Маккиндера, чья «Геополитическая ось истории» была напечатана за 10 лет до Первой мировой войны. Сам его тип геополитического мышления, несмотря на экзотический язык и необычную картографию осей и регионов, весьма реалистичен. Это поясняет следующий труд Маккиндера, вышедший в момент формирования англосаксами Версальской системы, — там прямо указывается на необходимость для контроля Англии над Евразией раздробить Восточную Европу, сделав из нее буфер между немцами и русскими. Маккиндер формулирует смысл англо-французского сотрудничества в рамках Антанты: «Британская и французская политика в течение столетия основывалась на постоянной широкой установке — мы противодействовали... царизму потому, что Россия была угрожающей силой, доминирующей как в Восточной Европе, так и в Сердцевинной земле на протяжении полувека. Мы противодействовали... кайзеровской империи, потому что Германия выхватила у царизма первенство

¹ Heresch E. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Wien, Langen Müller, 2000. S. 188.

в Восточной Европе и собиралась.... овладеть Восточной Европой и Хартлендом»¹.

Труд Маккиндера можно назвать руководством к достижению той конфигурации Европы, что создается в начале XXI века после распада СССР. Общий же фон книги—тезис, что мир достиг такой плотности, настолько стал «закрытой политической системой», что любое масштабное социальное, географическое и политическое изменение, любая переориентация государств или регионов оказывает самое непосредственное воздействие на мировую систему в целом, что позволяет и даже делает необходимым активное управление этим процессом. Это и есть основание для теории «global governance» под американской эгидой, развиваемой к концу XX века на самых разных уровнях, и особенно откровенно Зб. Бжезинским.

Стратегия Маккиндера служила и извечной задаче британской политики: предупредить усиление любой континентальной державы и не допустить гипотетической русско-германской «entente», которая не оставила бы места для руководящей роли Британии. Поэтому она была направлена сразу и против России, и против Германии. Для этого необходимо было обязательное изъятие из-под влияния России и Германии «срединного яруса» государств Восточной Европы.

В ходе Первой мировой войны Маккиндер полагал сотрясаемую внутренними кризисами Россию уже не способной на мощную организующую роль в Восточной Европе, поэтому Англия и нацелила свою стратегию на войну против Германии. «Восточной Европой» Маккиндер называл территорию с берлинского меридиана, признавая восточную часть Германии и Австрии тевтонскими завоеваниями славянских земель. Однако не забота о славянах была задачей Маккиндера, а предотвращение «опасной» для «Британии — Океана» континентальной системы с Германией во главе «осевого пространства Евразии» — линии от Балтики до Средиземного моря. Его хрестоматийная формула о «Сердцевинной земле» — «Хартленде» как ключе к доминированию на территории от Атлантики до Урала гласит: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым

¹ *Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. W.D.C., Henry Holt and C°, 1996. P. 99, 186.*

островом, господствует над миром»¹. Если понимать, что кроется за этой экзотической тирадой, то она приобретает совершенно рациональный смысл.

Малые государства на стыке соперничающих геополитических систем не могут быть независимыми, они — либо в орбите России, либо в иной конфигурации. Какой может быть эта конфигурация, если не германской? Только **англосаксонской**. Но это в силу удаленности Восточной Европы и Балкан от англосаксонских стран может быть осуществлено только через международные наднациональные институты, которые в зависимости от обстоятельств, политической и идейной конъюнктуры получают разные формы: военно-политических союзов, универсальных организаций или систем коллективной безопасности. Если Россия готова войти в подобную систему, та перестает служить главной цели англосаксов, поэтому либо ей отказывают, либо деятельность этих институтов парализуется.

Взгляд из дня сегодняшнего побуждает лишний раз оценить глубину анализа министра П.Н. Дурново, предупреждавшего обо всех геополитических факторах, обрекавших Россию на серьезную историческую неудачу при любом ходе надвигавшейся войны. Этот мудрец, объявленный советской историографией реакционером, в своей записке Государю перед самой войной предсказал все, что переживут Россия и Германия. Предвидел он и то, что окажутся напрасными любые жертвы — и «основное бремя войны, которое падет на нас», и уготованная России «роль тарана, пробивающего брешь в толще немецкой обороны», «поскольку Англия не в состоянии внести существенный вклад в войну на континенте», а Франция «будет придерживаться сугубо оборонительной тактики». Причина в следующем: **«Россия не сможет обеспечить себе какие-либо стратегически важные территориальные приобретения постоянного характера»**, «потому что она воюет на стороне Великобритании — своего традиционного геополитического противника».

Дурново предсказал даже неизбежность революции в побежденной стране, которая обязательно перекинется на страну-победительницу. А главное — то, что мирный договор даже в случае победы будет «продиктован интересами Англии», которая не допустит никаких важных территориальных обретений России,

¹ *Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History. Geographical Journal. Vol. № 23, № 4 (April 1904), London.*

кроме, возможно, Галиции. Но это лишь спровоцирует центробежные тенденции в России и идею отторжения Малороссии, которую лелеют галицийские униаты. Впечатляет прозорливость его предупреждения: кто присоединит Галицию, потеряет империю!¹

Не это ли не произошло в 90-е годы в Восточной Европе и на постсоветском пространстве — территории исторической России? Нетрудно вспомнить, как сразу после так называемого московского путча августа 1991 года галицийские униаты мгновенно захватили идеологические рычаги политической жизни Украины. Теории о расовом отличии «арийских украинцев» и «туранской Московщины», якобы незаконно присвоившей и софийские ризы, и киевскую историю, с которыми в прошлом веке витийствовал с парижских кафедр провинциальный поляк Францышек Духинский, были сразу подняты на галицийские знамена. Но и коммунистическая номенклатура после августовского путча 1991 года быстро перехватила галицийскую идеологию.

А что говорить об «оранжевой революции» в Киеве 2004 г. и позиции Запада? Еще перед Первой мировой войной именно Гельфанд-Парвус и венское правительство участвовали в создании организации «Освобождение Украины», чтобы оторвать Украину от России, где еще не было никакого коммунизма, с остатками которого якобы боролись на Майдане в ноябре 2004 года. О заседании в Вене в 1914 году по украинским делам с участием представителей военного и внешнеполитического министерств Австро-Венгрии, а также митрополита-униата А. Шептицкого и самого Гельфанда-Парвуса писал русский генерал Ю.Д. Романовский, этот факт подтвержден и в работе Э. Хереш².

Первая мировая война стала той вехой, когда на авансцену мировой политики вышли США с Программой «14 пунктов» В. Вильсона, которую некоторые американские авторы трактуют идеалистически, не видя в ней «реальной политики». Но разбор всех перипетий вступления США в Первую мировую войну показывает конкретную цель — при минимальных издержках выве-

¹ Дурново П. Записка на имя Николая II до начала Первой мировой войны // Родина. 1993. № 8/9. С. 10—13.

² Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия // Украинский сепаратизм в России. М.: Москва, 1998. С. 303; См. также: Heresch Elisabeth. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Langen Müller, Wien, 2000.

сти Соединенные Штаты на первые роли в мире. Хауз и Вильсон полагали, что интересам США не соответствует усиление какой-либо европейской группировки и не выгодно ни победа Германии, ни общее усиление держав Антанты, тем более укрепление влияния России в Евразии и зоне Проливов, демонстрируя типично англосаксонское геополитическое мышление. Похожую стратегию и тактику США применили перед самой Второй мировой войной.

В 1914—1915 гг. рекомендовалось, сохраняя нейтралитет, открыто не поддерживать ни одну из воюющих сторон и вместе с тем использовать любые возможности для усиления экономической в военно-политической мощи Америки¹. США объявили о намерении сыграть роль «честного маклера», как Бисмарк на Берлинском конгрессе 1878 года, что сулило использование противоречий между континентальными соперниками для укрепления позиций США, которые, не воюя, могли стать одним из главных участников послевоенного урегулирования. США предполагали примирить интересы Англии и Германии, но, уже точно, не Германии и России, сталкивать которых — главная цель англосаксов.

Послевоенная Европа, где лидерами могли бы стать самодержавная Россия и Франция, уже совсем не устраивала ни Вильсона, ни американских банкиров как геополитически, так и идеологически. Такие расчеты в итоге не оправдались из-за неуступчивости Германии, остроты англо-германских противоречий, отказа Франции, несмотря на дипломатические уговоры США, смириться с потерей в пользу Германии Эльзаса и Лотарингии и других причин, и США рисковали упустить шанс стать мировым арбитром². Наблюдая военные успехи Германии, Вильсон выразил беспокойство: «если Европа попадет под господство одной военной державы», «он будет настаивать на вмешательстве Америки в войну»³.

¹ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Международные отношения, 1989. С. 44—45.

² См.: Гершов Э.М. «Нейтралитет» США в годы Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962.

³ См.: Шаццло В.К. Президент Вильсон от посредничества к войне. 1914—1917 гг. // Новая и новейшая история. М.: 1993. № 6. С. 69—86.

Этот тезис практически будет повторен президентом Ф. Рузвельтом в докладе кабинету о стратегии США по отношению к надвигающейся Второй мировой войне.

Новая «миротворческая» инициатива была представлена Хаузом воюющим сторонам в начале октября 1915 года. Это и была программа первой «перестройки» международных отношений — на деле первая концепция глобализации и «глобального управления». Она касалась трех вопросов: создания всемирной организации для решения международных проблем, в которой именно США становились главным арбитром, проблемы сокращения вооружений и принципа «свободы морей». План был разработан в сотрудничестве с англичанами и получил их полную поддержку. Это было зародышем Программы из «14 пунктов», которая в окончательных очертаниях была предложена уже на фоне революции в России. Вскоре после того, как США вступили в войну в апреле 1917 года, Вильсон писал полковнику Хаузу: «Когда война закончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем другом, будут в финансовом отношении у нас в руках»¹.

США выходят из своей «изоляционистской» доктрины с программным документом, имеющим характер универалистского проекта, автором которого был полковник Хауз. Эта фигура, недооцененная историками, имела самые неожиданные связи в американских политических, предпринимательских и религиозных кругах начала века. Известно, что изначально положительная оценка политики США, явно инспирированная англосаксонским лобби среди большевиков в лице М. Литвинова, в советской литературе изменилась именно в результате перевода и публикации «Архива полковника Хауза», где расшифровывались многие геополитические эскизы, спрятанные за демократическими лозунгами. Программа «14 пунктов» предлагала создать условия для действий новых сил и для новых методов политики.

Главное в этом документе — отказ от национального интереса как основы политики и снижение традиционной роли национальных государств, создание первого образца универсальной международной организации — Лиги Наций и интернационализация международных проблем. США сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах. Г. Киссинджер представляет эту подмену в качестве

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1994. С. 199.

моральной и политической победы Нового Света над имперским Старым: «Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение столетий и ради которого предположительно вступила в войну. Америка с презрением отвергла концепцию равновесия сил и считала практическое применение принципов «Realpolitik» аморальным. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение — прежде ни один из этих принципов не лежал в основе европейского урегулирования»¹.

При обсуждении Версальского мира в 1919 г. сенаторы США получили в свое распоряжение шокировавшие их документы о роли американских банкиров в формировании и смене позиции США по отношению к войне, в происхождении вильсоновской концепции послевоенного мира под эгидой Лиги Наций и позиций по отношению к революции в России. Отечественная историография не без причин всегда обходила стороной позицию этой части финансовых кругов США, именуемой в документах и литературе того времени в Европе и самой Америке именно «банкирами». В результате до сих пор их роль в финансировании и поддержке революции остается, в основном, темой экзальтированной публицистики, основанной на эмигрантской мемуарной литературе, не опирающейся на источники.

Э. Хереш, исследовавшая посредническую роль Гельфанда-Парвуса, связного между германским штабом и Лениным, подтверждает, что с Парвусом были связаны не только германские и австрийские ведомства, но и американские «банкиры», а Я. Шифф еще перед Русско-японской войной финансировал вооружение Японии, чтобы обеспечить победу ее над Россией — «врагом человеческого рода,» и руководил сбором денег среди еврейских кругов США на «освобождение от репрессивного царистского режима»².

«Агитация еврейских эмигрантов из России в США против русского самодержавия делала свое дело», — отмечал М. Литвинов в закрытой записке НКВД. Он это хорошо знал, ибо сам и

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1994. С. 196.

² Heresch E. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Wien, Langen Müller, 2000. S.188.

осуществлял в РСДРП «англосаксонскую связь» в годы Первой мировой войны, немало потрудясь в Лондоне и США, чтобы война была не успешной для Антанты и разрушительной для России, став катализатором революции¹.

Конечно, интересы американских финансистов, которые открыто требовали отказать России в кредитах на закупку вооружений и даже денонсировать торговый договор из-за ее «антисемитской» политики, простирались шире обычно упоминаемой цели способствовать революции в России. Сенаторы Бора (председатель сенатского комитета по иностранным делам), Брандиджи, Моузес, Нокс, Вильямс, Гардинг, Маккамби, выступившие резко против участия США в мировом наднациональном органе, ограничивающем суверенитет государства, вызвали на допрос Вандерлипа и других. Комитет по иностранным делам наконец-то обратил внимание на то, что американские банкиры до решения США о вступлении в войну явно делали ставку на Германию, о чем свидетельствовала активность созданного Я. Шиффом «Американского комитета по вопросу о нейтральной конференции», который взял на себя задачу «установить мир с победоносной Германией»².

Но позиция Варбургов и Шиффа вплоть до 1917 года была враждебна Антанте в целом, а значит, имела под собой не только какие-то сугубо антирусские или антисамодержавные основания, но и более широкую заинтересованность в победе Германии. Особую активность здесь проявляли американские Варбурги — Пауль и Феликс, женатые на свояченице и дочери Я. Шиффа. Германская ветвь — семья их брата, Макса Варбурга — владела главным пакетом акций «Hamburg-American and German Lloyd Steamship Lines» и вложила огромные деньги в германское судостроение и военный флот. Роль Варбургов, Я. Шиффа, Моргана, Вандерлипа в подготовке послевоенного устройства мира, новых экономических условий для Германии и идейных постулатов первого проекта «единого мира» стала предметом серьезного и скандального разбирательства в американском конгрессе. Сенатор Бора призвал названных банкиров объяснить, каким образом им оказался из-

¹ АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, № 209, папка 25, лист 16.

² Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee on foreign relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Washington, DC, The GPO, 1919. P. 1150.

вестен секретный текст документов Парижской конференции и, особенно текст Пакта о Лиге Наций¹.

В американском Сенате впоследствии прямо ставился вопрос о том, «кем навеяны постулаты Лиги Наций и кто предаёт анафеме “старую дипломатию”, якобы ответственную за развязывание войны, коль скоро пропаганду этих идей начал некий господин Хойбш — коллега Я. Шиффа по тому самому Комитету, который еще недавно разрабатывал условия установления мира между США и победоносной Германией»².

Введение в действие вильсонской доктрины самоопределения и «мировой демократии» как универсалистских постулатов неразрывно связано с одновременным продвижением наднациональных структур, первой из которых должна была стать Лига Наций. Хотя патриарх британской политики Маккиндер, не привыкший к идеологическим концепциям, не был удовлетворен постулатами В. Вильсона, именно его геополитическая схема была создана в 1919 году Версальской конференцией под давлением Антанты, вернее, ее англосаксонских участников. Франция, раздавленная войной, заботилась не о новой архитектуре Евразии, а о репарациях и своей границе с Германией, имевшей для французов прежде всего экономическое и военное значение. Ллойд Джордж и Хаус-Вильсон были архитекторами этой конфигурации Европы, предполагавшей раздробление Центральных держав («Mittelmächte») и создание из Австро-Венгрии и западных территорий Российской империи буферных государств-лимитрофов. Цели стереть следы австро-германского и русского присутствия на Балканах служило и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, в котором англосаксы не забыли связать и парализовать сербский потенциал прогерманскими хорватами и македонскими националистами.

Как и предсказал Данилевский, Австрия прекратила существование как великая держава, не справившаяся со «своей германской задачей» — объединением немцев, и ролью подлинной империи. Австрийские историки иногда сетуют на то, что перестройке Австро-Венгерской монархии на принципах подлинного федерализма или триализма всячески сопротивлялась венгерская

¹ Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee on foreign relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Washington, DC, The GPO, 1919. P. 1149—1151.

² Там же.

знать, откровенно враждебная к православному славянству, которая неизбежно лишилась бы при такой перестройке главенства над не менее чем 15 миллионами славян, живших в двойственной Дунайской империи в составе Венгерского королевства. Однако собственные венские проекты будущего вовсе не предусматривали ни освобождения габсбургских славян, мечтавших о самостоятельности, ни прекращения экспансии на Балканы. Германия и Австрия, наоборот, затеяли одновременно очередной «Дранг нах Остен» и «Дранг нах Зюден».

Необузданные амбиции и Пруссии, и Австро-Венгрии, их одержимый натиск на славян не принесли успеха немцам. Перед немцами в целом как перед историческим субъектом в середине XIX века было два пути, но ни австрийская католическая империя, ни лютеранская Пруссия не взяли на себя исторических функций объединения, когда этому еще не могли помешать англосаксы, а планировали усиливать свой потенциал не объединением немецких земель, но завоеванием славянских! Еще Н.Я. Данилевский показал историческую бесперспективность и рискованность для самих немцев дальнейшего удерживания в австро-германской орбите славянских земель, чехов, словаков, сербов. Мыслитель панорамного склада, Н.Я. Данилевский, как через столетие А. Тойнби, весьма интересно рассуждал о путях мировой истории. Он оставил любопытные, сегодня, наверное, не совсем «политкорректные» размышления о раздробленности немецкого потенциала в контексте интересов ведущих европейских держав в середине XIX века, о циркулировавших тогда идеях его соединения, о роли исторической Австрийской империи для западного мира в предыдущие века (как заградительного вала от Турции) и ее неспособности «выполнить свою историческую задачу». Данилевский даже признавал правомерность, естественного стремления немцев, как любого народа, тем более великого своей культурой, к собиранию в единое государственное образование.

«Исключение Австрии из Германии было, конечно, только предварительным действием, чтобы развязать руки Пруссии, и, конечно, в умах немецких патриотов не должно и не может иметь своим последствием отчуждение от общего великого отечества 5 или 6 миллионов немцев... Осуществление части этой задачи, то есть присоединение к единой Германии действительно немецких

земель, каковы: Эрцгерцогство Австрийское, Тироль, Зальцбург, часть Штирии и Каринтии, нельзя даже не назвать справедливым и законным». Данилевский, однако, прозорливо не очень верил в способность немцев укротить свои амбиции: «Невозможно предположить, чтобы этим справедливым ограничилось прусско-немецкое честолюбие, оставив Славянские земли устраиваться, как они сами пожелают. Это было бы не только сочтено всеми Немцами за измену немецкому делу, но даже просто не может и войти в немецкую голову» (курсив Н. Данилевского)¹. Так и произошло: восточные и антиславянские авантюры Вены и Берлина были виртуозно использованы другими силами, немного радевшими о славянах, расчленявшими и предававшими их впоследствии, но постаравшимися навсегда предотвратить превращение немцев в ведущую нацию европейской политики.

Дискуссия о германской истории и сегодня занимает немецких интеллектуалов, размышляющих о философском и геополитическом ракурсах, в каких осуществлялась реализация их мощного исторического потенциала. Что за идейные и политические импульсы рождали бурные внутренние и внешние устремления в немецкой истории, кем и как были использованы противоречия между Центральными державами и Россией и славянами чтобы истощить и немцев, и русских, кто выиграл от необузданных амбиций к завоеванию, дважды возобладавших в немецком сознании, какова была расплата за эти соблазны и какие шансы были утрачены — вот та рама, в которой Ренате Римек в нашумевшей работе об исторической судьбе так называемой *Mitteleuropa*, вышедшей двумя изданиями (1966, 1997), панорамно разбирает события со второй половины XIX до середины XX столетия, по ее мнению, определившие ход истории к концу II тысячелетия².

Процессы конца XIX века не только привели к Первой мировой войне, но и направили потенциал европейских исторических субъектов в определенное русло, заложив структуру международных отношений XX века и определив, кому суждено в будущем политическом веке стать вершителями судеб мира. Новая

¹ Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи. М.: 1998. С. 31, 32.

² *Riemeck Renate. Mitteleuropa. Bilanz eines Jahrhunderts.* Stuttgart, 1997.

архитектура Европы, разработанная в Версале, имела в качестве идейного обоснования соответствующую политическую идеологию — «демократию и самоопределение». Этот принцип относился не ко всем. Многонациональными государствами были только Австро-Венгрия и Россия. Лига Наций признает потом право на самоопределение лишь за странами, «охваченными войной и революциями». Именно эти состояния — «войны и революции» («бархатные» тоже подходят!) — позволяют ввести в действие доктрину демократического переустройства и самоопределения, в рамках которой сразу подлежат пересмотру статус не только побежденных стран, но и других участников войны и все границы затронутого войной ареала. В результате обретается право требовать по окончании войны создания новых государств, в новых границах, расчленять старые.

В этом свете программа «14 пунктов», особенно пункт 6 о России, как и неслучайное деление и соединение осколков Австро-Венгрии при переконфигурации Восточной Европы и Балкан, выглядит как осуществление продуманного исторического и геополитического плана. Черты его можно разглядеть и в концепции Атлантической хартии, и в позиции США в отношении СССР и Восточной Европы после перестройки.

Заметим, что на основе новой программы мироустройства Вильсона—Хауза, проработанной в Версале специальной аналитической группой «Inquiry», из которой вырос влиятельнейший мозговой центр США — Совет по международным отношениям¹, должен был возникнуть именно англосаксонский мир, в котором не только обанкротившиеся немцы, но и Франция после многовекового доминирования становились второстепенными субъектами.

После Второй мировой войны этот англосаксонский мир становится уже окончательно *Rex Americana*. Ставшее хорошим тоном скептическое отношение к геополитике, связываемой, в основном, с пангерманистами, призвано заслонить исторический факт: все планы, которые не удались немцам ни в Первую, ни во Вторую мировые войны, прекрасно воплощены в последовательной стратегии англосаксов и вполне реализованы к концу XX века. А тогда, после Первой мировой войны, хрупкая конфигурация, начертанная Ллойд Джорджем и Вильсоном в Версале в отсутствие

¹ См.: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: 2004.

России, определенно, заложила зерно будущей войны, что широко признавалось исследователями разных стран еще недавно, до последней демонизации СССР. Хотя в концепцию была заложена идея «демократической перестройки» имперского Старого Света, условия мира для поверженного соперника многократно превышали возмездие имперских веков.

В отличие от Венского конгресса, увенчавшего разгром наполеоновских амбиций, побежденные страны не были вообще представлены на Парижской мирной конференции. Но Веймарской Германии предлагали верить в «14 пунктов», в «демократические принципы» и «мягкое» урегулирование. Оттокар Чернин, австрийский министр иностранных дел, вспоминал в мемуарах, что «программа Вильсона заключала в себе целый мир надежд», и даже К. Каутский изображал Вильсона спасителем человечества, призванным подарить ему идеальный мир. Однако цель дипломатии Антанты — обмануть противную сторону проповедями Вильсона — признает даже его команда в Париже: «Идеи Вильсона достигали своих целей и относительно Центральных держав: еще большего распада уже расшатанного единства»¹. Поэтому, когда в июне 1919 года «миротворцы» обнародовали результаты, «немцы были потрясены» и в течение двух последующих десятилетий от них избавлялись².

Исход Первой мировой войны позволил англосаксонским диктаторам нового Запада закрепить разделение Австрии и Германии. Грех гитлеризма дополнительно обанкротил немецкий исторический импульс и дал шанс к концу XX века взять Германию под англосаксонский контроль и оформить доминирующую роль США и Великобритании сначала во всей Европе, затем, в конце XX века — в мире.

¹ Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Бекера. М.—Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 7

² Там же.

РУССКИЙ ВОПРОС НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В советской историографии главной целью и сутью политики западных стран в отношении России всегда объявлялась яростная борьба с советской властью.

Попробуем отойти от тезиса, будто главное содержание внешней и мировой политики составляет классовая борьба, посмотрим на реальные идейные и политические устремления мировых держав в отношении России—СССР в важнейшие моменты ее собственной внутренней истории и резких изменений ее международных позиций. Окажется, что вокруг России на переломах ее исторического пути или нападений на нее разыгрывались весьма преемственные геополитические сценарии. Так было в 1917—1919 гг., во время обеих мировых войн, в момент распада СССР и после него.

Документы, касающиеся позиции США и Британии в отношении охваченной Гражданской войной России, использовались советской историографией очень выборочно по очевидной причине: многие из них неопровержимо свидетельствуют не о цели сокрушить советскую власть, а о нежелании допустить восстановление территории Российской империи и православного самодержавия, о закулисной игре (прежде всего США) с большевиками и беспринципном параллельном сотрудничестве союзников с Красной армией против Белой, а отнюдь не об однозначной поддержке белых.

Когда в России грянула революция, полковник Хауз, этот архитектор вильсонизма — основы современного глобализма США, немедленно предупредил президента, что «ничего не нужно делать, кроме как заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми воз-

можными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку»¹.

Это разительно отличалось от мнения Черчилля, воздавшего дань скорбного уважения русской трагедии. Сэр Уинстон Черчилль философски был далек от тех сил на Западе, что взрастили идею мировой революции. «Я не признаю права большевиков представлять Россию... Их идеал — мировая пролетарская революция, — говорил Черчилль в Палате общин 5 ноября 1919 г. — Большевики одним ударом украли у России ее два наиболее ценных сокровища: мир и победу... Немцы послали Ленина в Россию с обдуманном намерением работать на поражение России»².

Но полковник Хауз принадлежал уже к тем космополитическим силам с универсалистскими претензиями, в пользу которых революция крушила традиционные христианские общества и которые любой системе симпатизировали более, чем православному самодержавию. Хотя революция и выход Советской России из войны, ее сепаратный мир с Германией резко меняли положение Антанты, конкретно для США это не играло осязаемой роли. США приветствовали революцию, что говорит, во-первых, о сильнейшей, несравненной с державами Старого Света идеологизации внешней политики США, во-вторых — об особой «реальной политике» заокеанского правительства, имевшей дальний прицел. Хаузу и Вильсону удалось объединить англосаксонские усилия в перестройке международных отношений после краха России и Первой мировой войны только с Ллойд Джорджем и Бальфуrom.

Интервенция Антанты в Россию также служила в гораздо большей степени реализации восточноевропейского эскиза, а не задаче сокрушить большевизм или помочь Белому движению восстановить единую Россию. Советская историография акцентировала внимание на классовых и идеологических мотивах западных держав, которые, безусловно, окрашивали отношение к красным или белым. Задача предотвратить распространение большевизма на другие страны, которые сами были на грани революции (что могло окончательно смешать карты европейских союзников), также не вызывают сомнения. Но главные побуждения носили геополитические.

¹ См.: Seymour Ch. (ed.) *The Intimate Papers of Colonel House*. London: Ernest Benn, 1928. Vol. IV.

² *Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897—1963* / Ed. R.R. Games. New York, 1974. Vol. 2.

литический и военно-стратегический характер, что и объясняет попеременное сотрудничество то с Красной армией против Белой, то наоборот, закончившееся в целом предательством Антантой именно Белой армии. М.В. Назаров, проанализировавший практически все имеющиеся эмигрантские свидетельства того времени, пишет о весьма сложных взаимоотношениях Белого движения и Антанты¹.

Это неудивительно, ибо все белые структуры стояли твердо за сохранение единой России и не шли ни на какие компромиссы даже ради поддержки со стороны Запада, большевики же, как открывают документы, были готовы торговать территориями. Записи заседаний так называемого Совета десяти — узкой группы из нескольких делегаций, секретно решавшей все вопросы в ходе подготовки Версальского мира 1919 г., переписка эмиссаров США по русскому направлению с Государственным департаментом, документы Комитета по иностранным делам Сената США показывают ориентацию Британии и США на закрепление отделения от России прежде всего Прибалтики и черноморских территорий. Причем англичане активно действовали в Прибалтике и в Закавказье, а США — в основном, в Прибалтике.

Англичане появились в Прибалтике в декабре 1918 года, после ухода оттуда немцев не для того, чтобы восстановить ставший уже ненужным Восточный фронт, а для формирования подконтрольного им санитарного кордона от Балтики до Черного моря, для чего нужны были независимые прибалтийские правительства. Эти режимы, созданные еще при поддержке немецких штыков, быстро переориентировались на Англию. В августе 1919 года английский эмиссар назначил Северо-Западное правительство при генерале Юдениче и, как пишет М. Маргулиес, лично участвовавший в составлении списка этого правительства, на плохом русском языке потребовал от всех членов подписать лист, в котором значилось «признание эстонской независимости, иначе Антанта прекратила бы помощь». Помощи не последовало даже в дни наступления Юденича, а «независимое» эстонское правительство в ответ на просьбу о помощи ответило, что «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это»².

¹ Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М.: Русский вестник, 1999. С. 65.

² Там же. С. 69—70.

Предпоследний царский министр иностранных дел С. Сазонов, будучи в Париже, вел дипломатические дела А. Деникина и постоянно передавал в Ставку, что западные державы не будут помогать России. «Весь генералитет не только Деникина, но и Врангеля считал, что союзники в ответ на лояльность к ним, переходившую действительно за грань житейской логики, не только должны, но и в самом деле помогут Добровольческой армии, — вспоминает «связной» Г. Михайловский, — верить противоположному они не хотели, считая, что Сазонов... не желает дать себе труда представить союзникам аргументы достаточно веские»¹.

Антанта так и не признала ни одного из белоэмигрантских правительств России, в связи с чем А.И. Деникин горько отмечал, что одновременно союзники охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России. Особенно это касалось англосаксонской части Антанты. Франция все же признала де-факто правительство Врангеля, воздав ему за помощь в спасении Ю. Пилсудского и Польши — оплота французского влияния на востоке Европы. Сделано это было не бескорыстно, а с целью дать Врангелю юридический мандат, чтобы он мог воспользоваться дореволюционными русскими средствами за границей и оплатить закупки вооружения у Антанты. Но когда Пилсудский с помощью Врангеля остановил Буденного, а большевики, заключив советско-польский договор, перебросили войска на юг, ни поляки, ни французы помогать белому Крыму не стали. А Пилсудский цинично заявил, что никакого смысла помогать Врангелю не видит: «Пусть Россия еще погниет лет 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и укрепим»².

Это подтверждают не только опубликованные за рубежом белоэмигрантские архивы и книги³, но и записки Г. Михайловского, который работал и жил в довоенной Праге, был захвачен НКВД и

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В двух книгах. Книга 2. Октябрь 1917-го — ноябрь 1920-го. М.: Международные отношения, 1993. С. 207.

² Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон, Канада: Заря, 1983. С. 91—94.

³ Мельгунов С. Трагедия адмирала Колчака. Белград. Русская типография, 1930; Маргулис М. Год интервенции. Берлин. Изд-во З.И. Гржебина, 1923; Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж: Издательство Союза добровольцев, 1939.

сгинул в советских лагерях. Записки, изъятые в Праге в 1945 году Красной армией и пролежавшие в московских архивах до публикации еще почти полвека, ценны тем, что не были отредактированы на основании более поздних обобщений. «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики. Если одной рукой они поддерживали на юге России Деникина, а в Сибири — Колчака, то другой — явных врагов Деникина и вообще России. Подобно тому как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку... на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы, желавшие отделения. Этот общий тон английской политики *expressis verbis* был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что сомневается в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России»¹.

Англосаксонская часть Антанты весьма быстро взяла ориентацию на признание окончательности распада Российской империи, тем более что большевики, заключив сепаратный Брестский мир, нарушили обязательства России. У С. Сазонова имелись сведения касательно «грандиозного плана Англии, имевшего целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею... и Турцией и Персией... таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан, чтобы раз и навсегда преградить путь в Индию. Персия попадала целиком под власть Англии, а “независимость” Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями»².

Подобные очертания промелькнули в ходе Второй мировой войны в некоторых англосаксонских эскизах послевоенных конфигураций, перечеркнутых победой Советской армии. Этот план — прообраз великого передела мира на рубеже XX—XXI веков.

Внешне это противоречило пункту 6 о России программы Вильсона, но Ллойд Джордж быстро нашел с Вильсоном общий язык.

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В двух книгах. Книга 2. Октябрь 1917-го — ноябрь 1920-го. М.: Международные отношения, 1993. С. 209.

² Там же. С. 209.

К тому же на Версальской конференции работала американская группа экспертов «Inquiry», возглавляемая Хаузом и находящаяся в постоянной связи с американскими банкирами. Расшифровка в «Архиве полковника Хауза» подлинного плана для России вполне с этим совмещалась, совпадая и со схемой Маккиндера. Провозглашенные в программе «14 пунктов» принципы не применялись универсально ни во времена Версаля, ни после Второй мировой войны, ни после расчленения СССР и Югославии в 90-е годы XX века. Вильсон предназначил их для расчленения Австро-Венгрии, чтобы начертать границы новых государств так, как это требовалось англосаксам, но Россию на том этапе охарактеризовал в открытой части Программы как единое государство. Такая же позиция была четко донесена (и постоянно подтверждалась) через «личного друга и представителя Вильсона» в Париже Шотуэлла до «ведомства» Сазонова, игравшего роль «министерства иностранных дел» Белой армии, которое планировало так и не состоявшуюся поездку делегации «деникинских» дипломатов в США¹. Поскольку впоследствии «забота» о единстве России превратилась в борьбу за свободу «порабощенных» Россией наций, можно полагать, что США вначале выжидали и пробовали разные варианты, выбор которых зависел исключительно от тех выгод, которые он давал с точки зрения роли США на послереволюционном построссийском пространстве.

США вовсе не были заинтересованы в том, чтобы прибалтийские, украинское и закавказские образования попали не в американскую сферу влияния, а в британскую или германскую, — при такой конфигурации Европа не нуждалась бы в покровительстве США и в новой американской идеологии мироустройства, а сохранила бы старые коалиции. Дипломатическая переписка американских эмиссаров в России с государственным департаментом и американской делегацией на Парижской мирной конференции свидетельствует о постоянном несогласии с союзниками и с Японией по вопросам будущего Сибири, Дальнего Востока и Прибалтики.

США высадились на Дальнем Востоке для того, чтобы предупредить оккупацию его Японией и осуществлять связь с белочехами,

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В двух книгах. Книга 2. Октябрь 1917-го — ноябрь 1920. М.: Международные отношения, 1993. С. 250.

которым было дано указание удерживать Транссибирскую магистраль. Тайные рекомендации американского генерального консула в Москве генконсулу США в Омске гласили: «Вы можете официально известить чехословацких вождей, что впредь до дальнейших указаний союзники с политической точки зрения будут рады, если они будут оставаться на своих нынешних позициях... желательно, прежде всего, чтобы они обеспечили контроль над Транссибирской железной дорогой, а если возможно, удерживали контроль на территории, где они теперь господствуют»¹.

Когда Япония начала проникновение в Маньчжурию с перспективой занять Забайкалье, эмиссары США, полагая необходимым немедленно увеличить американское военное присутствие, даже ценой конфликта с большевиками, в донесении выражали сожаление о том, «американские банкиры запретили Америке воевать с большевиками»². В итоге американские представители по указанию из Государственного департамента нашли общий язык с большевистской властью, предпочитая ее японцам, и большевики в конце концов провожали американские корабли с оркестром.

До сих пор недоступны полные документы, касающиеся секретной миссии У. Буллита в Советскую Россию. В одном из документов, представленных У. Буллитом американскому Сенату (Bullitt Exhibit № 11), содержалась запись беседы Ллойд Джорджа и В. Вильсона в кабинете французского министра иностранных дел М. Пишона на Кэ д'Орсэ. Вильсон сказал, что «американские войска не готовы войти в Россию и сокрушить большевиков» и объясняется это неуверенностью в том, что «в случае сокрушения большевизма это не приведет к восстановлению старого порядка». Далее Вильсон пояснил — такова, мол, позиция американского народа, симпатии которого он понял, выступая по русскому вопросу перед аудиторией, с энтузиазмом откликнувшейся на его слова о том, что «США сделают все возможное, чтобы помочь угнетенным народам»³.

¹ АВП РФ. Фонд 0512, опись № 4, № 209, папка 25, лист 20.

² Memorandum by Lieutenant A.A.Berle, Jr., December 10, 1918. Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. the GPO, 1942. P. 472.

³ Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Wash. D.C. The GPO, 1919. P. 1238.

Расшифровка вильсоновской программы «14 пунктов», в лучах которой должна была померкнуть имперская идеология Старого Света с ее традициями раздела мира на сферы влияния, в так называемом Архиве полковника Хауза¹ гласила: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов». Пункт 6 предполагал на территории Российской империи «*признание де-факто существующих правительств*» и «*помощь им и через них*»². Речь шла об Украинской Раде, оккупированных кайзеровскими войсками Эстонии, Латвии, Литве, а также большевиках и белых по отдельности на занимаемых ими территориях, как и о выводе из самопровозглашенных образований **всех иностранных войск**. Под иностранными войсками на «признаваемых де-факто существующих территориях» имелись в виду и Белая, и Красная армии, стремившиеся в той или иной форме восстановить единство страны, а также силы Антанты — конкретнее, британские войска, которые, естественно, поставили бы регион под контроль Британии, что тогда тоже не устраивало Хауза и Вильсона. По сути, это означало международное признание и закрепление расчленения исторической России.

Тщетно последний русский посол в Вашингтоне Бахметьев направлял Государственному департаменту перечень условий мирного урегулирования, в который входили «безоговорочное аннулирование Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 г. с властями, действующими от имени России, или политическими и национальными группировками, претендующими на власть в любой части территории бывшей Российской империи», «вывод германских войск с территории бывшей Российской империи», «реституция всех судов», «золотого запаса, слитков, облигаций и ценных бумаг, переданных ей (Германии. — *Н.Н.*) действующей властью после 7 ноября 1917 г.»³.

¹ Перевод разделов, относящихся к России, был сделан в Народном комиссариате иностранных дел во время Второй мировой войны и издан небольшим тиражом.

² См.: Seymour Ch. (ed.). *The Intimate Papers of Colonel House*. London, Ernest Benn, 1928. V. IV. P. 202—204.

³ «Acting Secretary of State — to Committee to negotiate peace. Dec. 13, 1918». *Foreign Relations of the United States*. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. The GPO, 1942. P. 477.

В это время молодой А. Даллес (вместе с братом, Дж.Ф. Даллесом, тоже участвовавшим в формировании американской позиции по этому вопросу) шлет из Прибалтики совсем другой план, предлагая немедленно воспользоваться независимостью Литвы и антирусскими настроениями Ю. Пилсудского. Но независимость Литвы была провозглашена еще прогерманскими ставленниками кайзеровской армии в условиях германской оккупации. Такая независимость с точки зрения международного права не должна была всерьез рассматриваться лояльными России союзниками! Даллес же подчеркивает «необходимость срочной военной помощи», с тревогой сообщая, что «литовское правительство (Тариба) отошло на запад от Вильно к Ковно, а в Вильно сформировалось советское правительство»¹.

Британия — союзница России — фактически признает Латвию и направляет действия ее самопровозглашенных властей. Роль латвийского представителя в Лондоне выполняет британец Г. Симсон, который передает послу США «протест от имени временного правительства Латвии в связи с тем, что германские войска вопреки статье XII перемирия, продиктованного маршалом Фошем 11 сентября 1918 г. и подтвержденного 13 декабря 1918 г., покидают Латвию, не получив какого-либо приказа союзных держав», что «германские войска настроены против организации местной власти», «оставляют все оружие, обмундирование и укрепления большевистским войскам»². Союзница России Британия, таким образом, прилагает усилия к тому, чтобы после капитуляции Германии (общего противника для России и Британии!) освобожденные от германской оккупации российские территории не вернулись в Россию, а были от нее отторгнуты! И Британии были одинаково неудобны и белые, и красные, потому что они под разными флагами могли объединить распадавшуюся страну.

Вместо помощи белым армиям и правительствам на территории России США и Англия размышляли над способом и форму-

¹ Memorandum by A. W. Dulles. 30 December 1918. // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. The GPO. P. 481—482.

² «Ambassador of the USA in Britain (Davis) — to acting Secretary of State». London, 20 Dec. 1918. // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. The GPO. P. 479.

лой признания расчленения России во всеобъемлющем договоре. Хауз и Ллойд Джордж продвигали идею пригласить на Версальскую конференцию все «фактические» правительства, возникшие на территории исторической России, в этой связи зондировались различные промежуточные механизмы (конференция на Принцевых островах и др.)¹, что вызвало возмущение лидеров Белого движения.

В январе 1919 года Антанта одновременно предложила большевикам, белым структурам, а также всем самопровозглашенным правительствам принять участие в конференции на Принцевых островах. Было также предложено белым немедленно начать переговоры с большевиками, что возмутило белых до крайности, но было принято к рассмотрению большевиками. У. Буллит в своем отчете американскому Сенату представил документ о поручении некоему У. Баклеру (W.H. Buckler), который провел в Стокгольме интенсивные переговоры с М. Литвиновым с участием британского посла в Швеции. Литвинов фактически был неофициальным послом большевиков при Антанте, которая именно с ним вела дела — каждое заседание «Совета десяти», где главную роль играли Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо, в Париже при подготовке Версальского мира начиналось с зачитывания телеграмм от М. Литвинова, а вовсе не от Бахметьева!

Литвинов сделал «различные предложения и представления», которые Баклер, в свою очередь, телеграфировал в Париж делегации США и которые были президентом Вильсоном «сочтены столь важными, что тот зачитал их полностью “Совету десяти”». Все эти документы на сотне страниц опубликованы в приложении к документам сенатского комитета по иностранным делам Конгресса США в связи с рассмотрением ратификации Версальского договора.

Далее в отчете Буллита говорилось, что именно «встреча Баклера с Литвиновым была тем событием, которое склонило совещание в пользу конференции на Принцевых островах, предложение о которой было сделано Ллойд Джорджем... Ллойд Джордж предложил пригласить в Париж представителей различных русских правительств». Ллойд Джордж даже сравнил планируемый форум с «созывом Римской империей правителей своих отдален-

¹ См.: Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции. М.: Госполитиздат, 1949.

ных государств-данников для отчета об их действиях»¹. При этом, как явствует из документов и литературы², эстонские и латвийские представители не без консультаций с Англией согласились прибыть, обуславливая это признанием их независимости великими державами и ограничивая свое участие переговорами о мире с Советской Россией. Грузия заявила, что не приедет, так как обсуждаться будет Россия, а «Грузия — не Россия».

Весной 1919 года Антанта начала второй этап «интервенции», смысл которой отражал не классовые и идеологические мотивы западных держав, но их геополитические и военно-стратегические цели, что и объясняет попеременное сотрудничество или партнерство то с Красной, то с Белой армией. Американцы поддерживали красных партизан против Колчака, который не устраивал США, и тот даже просил Антанту удалить американских эмиссаров, чтобы те окончательно не испортили отношений Колчака с США³. Второй этап был нужен для поддержания самопровозглашенных правительств. 6 мая 1919 года Клемансо, Вильсон и Ллойд Джордж потребовали от Колчака признать все новообразованные государства⁴.

Англичане появились на Кавказе и в Закавказье к ноябрю 1919 года, заняв Баку и железную дорогу до Батуми. Бальфур сделал примечательное заявление, воспроизведенное британской газетой «Гардиан» в сентябре 2004 года в связи с событиями вокруг Грузии и захватом заложников чеченскими террористами в Беслане: «Единственное, что меня интересует на Кавказе, это кто контролирует дорогу, по которой качается нефть, а аборигены могут хоть разорвать друг друга на куски».

¹ «Bullit Exhibit № 11». Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Wash. D.C. The GPO, 1919. P. 1235, 1236.

² См.: The Bullit Mission to Russia. //Foreign Relations of the USA. Russia. 1919. Wash., GPO, 1942; *Lloyd George. The Truth about Peace Treaties; The Intimate Papers of Colonel House*, London: Ernest Benn, 1928; *Черчилль У.*, Мировой кризис. М.: 1937; *Князь Г. Трубецкой*. Годы смут и надежд. 1917 — 1919. Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1981.

³ *Мельгунов С.* Трагедия адмирала Колчака. Берлин: Русская типография, 1931. ч. III, Т. 1. С. 113—114.

⁴ Там же, 1930. Ч. 1. С. 51—53.

При поощрении англичан грузины заняли враждебную к русским позицию вообще и к Добровольческой армии в частности. Когда честный представитель военной миссии, британский полковник Роулинсон обратился с призывом к горским народам подчиниться власти Вооруженных сил Юга и сказал, что противодействие генералу Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам, Британия публично его дезавуировала, опубликовав «письмо Верховного комиссара Англии в Закавказье» Уордропа на имя «министра иностранных дел» Гегечгори, в котором указывалось, что мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства... и Гегечгори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России»¹.

О «русском вопросе» на Парижской мирной конференции написана книга, автор которой Б.Е. Штейн, сотрудник Народного комиссариата иностранных дел, в основном, готовил для служебного пользования аналитические записки и владел документами, фактами и обстоятельствами событий. Сугубо прагматический тон его секретных записок, ныне доступных в Архиве внешней политики России, разительно отличается от принятого в то время задиристого стиля его книги. Но факты и цитированные документы дают практически тот же вывод, что и белоэмигрантские свидетельства: главная цель Антанты — расчленение исторической России, отделение от нее стратегических территорий. Штейн весьма сожалеет о срыве конференции, признавая, что большевики готовы были идти на торг территориями, и обвиняет некоторые западные державы в закулисных кознях по срыву конференции. Франция, как пишет Б. Штейн, направила белогвардейским правительствам «дружеский совет» не участвовать².

Советское правительство ответило нотой согласия, обусловив его позициями, главными из которых был вывод всех иностранных войск с территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии и тех, что «содержатся правительствами Согласия (Антанты. — Н.Н.) или пользуются их финансовой, военной или иной поддержкой»³. Телеграмма народного комиссара

¹ Деникин А. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Т. 5. Берлин, 1925. С. 127.

² Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции. М.: Госполитиздат, 1949. С. 102.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М.: Издательство Высшей партийной школы, 1944. Т. 1. С. 227—229.

по иностранным делам также предлагала концессии на полезные ископаемые и лесные ресурсы и обещала принять к рассмотрению вопрос о последующей аннексии российских территорий державами Антанты¹. В связи с такой откровенностью Ллойд Джордж на заседании «Совета десяти», посвященном фактическому провалу конференции на Принцевых островах, даже предложил решительно отвести «предположение, что такие цели послужили мотивом к интервенции в Россию»².

В Париже, где находился бывший царский министр иностранных дел С. Сазонов, который вел с Западом дипломатические дела А.И. Деникина и его Добровольческой армии, было образовано так называемое Политическое совещание из представителей всех белых лидеров — Колчака, Деникина, Чайковского и Юденича. На имя секретариата конференции поступила нота за подписью Сазонова и Чайковского от имени «объединенных правительств» Сибири, Архангельска и Южной России, в которой говорилось, что не может быть и речи об обмене мнениями с большевиками. Тогда последовал меморандум У. Буллита полковнику Хаузу от 30 янв. 1919 года, содержащий настоятельную рекомендацию срочно и недвусмысленно «информировать правительство Архангельска, что мы перестанем далее снабжать его оружием, раз оно не принимает предложения союзников»³.

Весьма красноречивым стало «путаное», по оценке Б. Штейна, выступление президента Вильсона 14 февраля 1919 г. перед «Советом десяти» Антанты. Если до этого, в ноябре 1918 года, Вильсон, оправдывая высадку Антанты для замены германских войск, говорил, что союзники не намерены более придерживаться «пассивной тактики по отношению к большевизму», то в 1919 году Вильсон изрек сокровенное: «Союзные войска не делают ничего хорошего в России, более того, они помогают реакции» (то есть белым. — *Н.Н.*). Здесь американский президент уже более открыто высказал намерение установить отношения с большевиками, раз «другие русские правительства не хотят встретиться с союз-

¹ Foreign Relations of the USA. Russia. 1919. Wash. D.C. The GPO, 1942. P. 39.

² Там же, 1943. P. 14.

³ «Bullit Exhibit № 12». Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Wash. D.C. The GPO, 1919. P. 1239.

никами на Принцевых островах»¹. США с самого начала были в контакте с большевиками, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, что подтверждено как эмигрантскими свидетельствами, так и российскими исследованиями. М. Светачев, продемонстрировавший на документах двойную деятельность США, имел все основания для вывода, что «значительная доля вины за Октябрь 1917 года... лежит на США»².

Полный смысл и содержание миссии Буллита и части его отчета американскому правительству еще предстоит исследовать. Однако именно связанная с США группа сильно проросла в советско-партийном руководстве, особенно в той ее части, что осуществляла стратегию внешней политики. Троцкий, чей приезд из Америки был, как показывают новейшие исследования, организован при полном содействии американских властей и британских спецслужб³, судя по документам, стал первым наркомом иностранных дел и потребовал немедленно опубликовать все тайные договоры России, чтобы разрушить систему взаимных обязательств и освободить США и Британию от связывающих обещаний. Эти договоры и были опубликованы в «Нью-Йорк Таймс».

Косвенное и весьма осторожное влияние и идеология этой, условно говоря, проамериканской группы чувствовались вплоть до начала 40-х годов, о чем свидетельствуют записки и рекомендации определенной направленности из канцелярии М. Литвинова, где анализ внешней политики США делался с очевидным замалчиванием важнейших документов и фактов, дающих ключ к пониманию ее сути. Это способствовало утверждению определенного клише в ранней советской историографии, положительно выделяющей «молодую демократическую Америку» из

¹ Foreign Relations of the USA. 1919, vol. III, Wash. D.C. The GPO, 1943. P. 1041, 1042, 1043—1044.

² Светачев М. США и Россия. 1917 год: пролог к интервенции. Вестник Центра по изучению международных отношений в Тихоокеанском регионе. № 2. Хабаровск, 2001. С. 116.

³ Об этом говорят недвусмысленно редкие документы, найденные при подготовке фильма «Лев Троцкий. Тайны мировой революции», создатели которого работали в библиотеке Конгресса США и других архивах России и Европы.

старых империалистических хищников, которое было отчасти создано еще М. Покровским¹.

Сам Литвинов в аналитической записке в мае 1945 года, суммирующей внешнюю политику США по отношению к России за XX век, в целом ее оценивал весьма позитивно. Он особо отметил, что США дольше всех не признавали новых реалий на территории исторической России, предлагая верить словам из ноты Кольби, объяснявшим воздержание США от признания новых государств, в том числе и советской власти, «чувством дружбы и честным долгом к великой нации, которая в час нужды оказала дружбу США», и тем, что якобы США не хотели быть причастны к «разрешению русской проблемы неизбежно на базе расчленения России».

Но уже в 1925 году Сеймур издал «Личные записки полковника Хауза» в четырех томах, а вскоре русский перевод разделов, касающихся России, был выполнен в НКВД и опубликован небольшим тиражом в СССР, что полностью перевернуло толкование «общедемократических принципов». М. Литвинов не мог этого не знать, тем более что именно с ним в Стокгольме вела переговоры Комиссия по мирному урегулированию, готовившая в Париже Версальский мир. Именно с ним специальный эмиссар В. Вильсона У. Баклер вел переговоры в Стокгольме о конференции на Принцевых островах и договаривался о выводе из Архангельска 10 тыс. войск Антанты. Литвинов тогда дал «гарантию», что большевики, вступая в Архангельск, дадут союзникам спокойно уйти и «не будут преследовать тех русских, что сотрудничали с союзниками», о чем было сообщено У. Баклером В. Вильсону². Именно М. Литвинов был неофициально признанным послом большевиков в Великобритании, которому «британцы позволили находиться в Стокгольме и вели там с ним дела», как рассказал сенаторам У. Буллит в том же отчете.

Парвус создал контору в Лондоне и имел связь с Литвиновым. Именно Литвинов был в курсе того, что англосаксонская

¹ *Вильсон Вудро*. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Бекера. М. — Петроград: Государственное издательство, 1923. Предисловие Мих. Павловича.

² «Bullit Exhibit № 11». Hearings before the Committee of Foreign Relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Wash. D.C. The GPO, 1919. P. 1238.

часть Антанты не намеревалась делать ставку ни на Деникина, ни на Колчака, ни на какое-либо белое правительство, которое могло бы объединить страну. Ллойд Джордж на заседании «Совета десяти» в присутствии Клемансо, Орландо и Соннино, предлагавших вести дела с каким-то единым выбранным центром белых, настаивал на оценке всех белых структур как «нерепрезентативных», а в отношении Колчака даже предостерег: тот «собирает вокруг себя представителей старого режима и, кажется, является в душе монархистом». Именно Литвинов был тем самым представителем большевиков, через которого передавались и отправлялись все позиции и условия Совета десяти, в том числе и условие приглашения на Принцевы острова: немедленно вывести войска из Польши и Литвы. В. Вильсон, обеспокоенный «непосредственной угрозой уничтожения всех надежд в прибалтийских областях», требовал «жестко дать понять, что большевики должны полностью уйти из Литвы и Польши»¹.

«Демократическая Америка» действительно была весьма терпима к большевикам и оказывала им немалую помощь средствами и кадрами революционеров в самые ранние годы, а затем вела с ними переговоры, параллельно участвуя в финансировании походов Антанты. Именно США были готовы немедленно признать большевиков на удерживаемой ими небольшой части России с одновременным признанием всех самопровозглашенных территорий. Однако, когда в 1922 году та же большевистская власть сумела восстановить единство страны, США долгое время (до 1933 года) отказывались признать в форме СССР основную историческую территорию России.

На этапе, когда главным игроком в Прибалтике была Британия со своими войсками, США заверяли Белое движение в незыблемости американской позиции о безусловной необходимости сохранения Прибалтики как части России². США действительно

¹ Запись У. Буллита беседы в кабинете М. Пишона на Кэ д'Орсэ. Hearings before the Committee of Foreign Relations. United States Senate. 66th Congress, First session. Wash. D.C. The GPO, 1919. С. 1236, 1237, 1238.

² Личный представитель и «друг» президента В. Вильсона Шотуэлл в Париже заверял в этом делегацию деникинского внешнеполитического ведомства в Вашингтоне. См.: *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М.: Международные отношения, 1993. Книга 2. С. 380.

позже других признали независимость прибалтийских республик и даже сопроводили ратификацию признания подтверждением своего негативного отношения к расчленению России.

Как за философией нового мира, так и за избирательностью ее применения скрывалась амбициозная «Realpolitik» при иной внешнеполитической идеологии. США по весьма очевидным причинам взвешивали, насколько полезным для них может стать распад Российской империи: меньшевистская Грузия имела Потийское соглашение с кайзеровской Германией, Литовская Тариба (правительство) в Ковно, созданная германскими оккупационными властями в декабре 1917 года, провозгласила вечную и нерушимую дружбу опять же с Германией, а потом быстро переориентировалась на Британию. Украина была почти оккупирована германскими войсками. Переориентация их элит на англосаксонскую часть Антанты в тот момент означала не американское, но британское влияние, соблазн для Британии продолжать традиционную политику коалиций.

Но потом, когда Британия в 1940 году признала правомерным восстановление дореволюционной территории России и возвращение Прибалтики в Советскую Россию, США последовательно не признавали восстановления суверенитета СССР над этими территориями. Дело было не в самих большевиках, а в возрождении в новой форме геополитического гиганта и в соперничестве за контроль над стратегическими балтийскими территориями.

США признали СССР лишь после того, как в ходе засекреченного до сих пор визита в 1929 году в США группа из пяти высокопоставленных большевиков «отчиталась» о дальнейших планах коммунистической власти загадочному Совету по иностранным делам. По словам У. Мэллори, исполнительного директора Совета, эти делегаты дали ответы, которые «удовлетворили аудиторию, состоящую из американских банкиров, но могли бы дискредитировать этих людей дома»¹. Удалось установить, что одним из них был М. Литвинов, имевший давние связи в англосаксонском мире, женатый на дочери английского историка и ставший наркомом иностранных дел.

¹ Алексеев В.А. «Третий Рим», или Гарвардская школа. М.: Обозреватель, 1994. С. 29.

«БОЛЬШЕВИСТСКАЯ» РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ ПОСТВЕРСАЛЬСКОГО ЗАПАДА

Когда американский Конгресс, в котором доминировали «почвеннические» настроения, усомнился в пользе для Америки вовлеченности в мировые дела, отказался ратифицировать Версальский мир и вступить в Лигу Наций, США оказались (уже в 1920 году) вне Версальского договора, и на значительный промежуток времени их внешняя политика перешла в руки консерваторов-изоляционистов с лозунгом «Подальше от Европы». Потребовались определенные усилия, чтобы укрепить в США соответствующие круги для проведения линии Хауза — Вильсона, и понадобился весь XX век для реализации их международного замысла.

Если Запад медленно, но неуклонно шел к глобализации, то СССР, наоборот, переживал обратный процесс — некоторого восстановления преемственных государственных начал. Идеология большевиков вначале зижделась на тотальном отрицании преемственности истории и на претензии построить совершенно «новый мир». Борьба этого доктринерства и реальности отразилась как в истории мировоззрения, так и в практической жизни СССР. Правда, воспевая доктрину пролетарского интернационализма, русские большевики строили социалистическую федерацию не по Энгельсу с его этосом поглощения «неисторических» и неразвитых народов, а, скорее, по М. Бакунину, «протягивая руку братства» всем, невзирая на «разную степень культурного и промышленного развития».

Формально в основу создания СССР был положен проект Ленина, который отстаивал Троцкий, как наиболее близкий ему по взглядам, против концептуально отличавшегося предложения Сталина.

Ленинско-троцкистская доктрина призвана была сделать СССР не продолжателем «упраздняемой» исторической России, а объединением неизвестно откуда взявшихся «независимых и самостоятельных» наций. Сталинский проект, также произвольно кроивший страну по национальному признаку, все же предполагал вхождение «социалистических наций» в Российскую Федерацию на правах автономий — то есть признавал историческую преемственность, факт, что эти нации являлись частями исторического государства Российского. Именно против такого преемства возражали ортодоксальные большевики — Ленин, Троцкий, Бухарин, Ларин.

Начав с сокрушения российской государственности, СССР в своем реальном историческом бытии сам в известной мере преодолел замысел безнациональной «всемирной социалистической федерации». Идея мировой революции потерпела крах, хотя за нее было заплачено историческими стратегическими позициями — результатами Ништадтского мира и Берлинского конгресса: Прибалтикой, Карсом, Ардаганом, Бессарабией. Для восстановления контроля над территорией собственной страны СССР вынужден был пойти на прагматический компромисс между революционными войнами и практикой мирного сосуществования. Угроза мировой войны, а значит, необходимость обороны от внешних сил — от «братьев по классу» во вражеской форме, — понуждала обратиться к исторической памяти и традиционной внешнеполитической идеологии — защите национальных интересов.

Изменение ортодоксальной марксистской концепции происходило не только в области идеологии. В сфере государствовительства на практике реализовывалась «автономизация», а не конфедеративная модель на ленинских принципах национальной политики. Внешняя политика СССР, провозгласив отмену «тайной дипломатии царизма» и «неравноправных» договоров, уже в первое десятилетие вовсе не была полностью подчинена целям «мировой революции» и «международного рабочего движения», а обеспечивала и геополитические интересы исторического ареала. Уже «в 1920 году советская политика сделала окончательный шаг в сторону возврата к более традиционной политике в отношении Запада», признает Г. Киссинджер, приводя известное заявление Г. Чичерина. Верна и его характеристика формы возврата к традиционной внешнеполитической идеологии: «Невзирая на революционную риторику, в конце концов, преобладающей целью

советской внешней политики стал вырисовываться национальный интерес, поднятый до уровня социалистической прописной истины»¹.

«Постановление» об исторических науках 1934 года было сменой идеологических ориентиров: русскую историю частично реабилитировали, густо приправив ее классовыми заклинаниями. Пушкина перестали называть камер-юнкером, Св. Александра Невского — классовым врагом, Наполеона — освободителем, как требовала «школа» историка-марксиста Покровского и С.А. Пинотковского, двух столпов из образованного сословия, создававших красную профессию. В позднесоветские годы об этом идеологическом нюансе не вспоминали, так как вся советская история уже представляла собой «непрерывную линию», а осуждение «культы личности» Сталина делало как бы неприличным любой непредвзятый анализ его периода даже в личном сознании людей.

К концу «перестройки» с целью «развенчания» «сталинщины» и опровержения штампа о Л. Троцком как «злейшем враге ленинизма» отечественными ортодоксальными ленинцами была переиздана с берлинского издания 1932 года книга Л. Троцкого «Сталинская школа фальсификации» — сборник документов и стенограмм партийных форумов и дискуссий, ставших секретными в СССР, и комментариев к ним Троцкого. Из документов ясно, что действительно не Сталин, а именно Л. Троцкий был в 1917 году настоящим alter ego Ленина в радикальном взгляде на мировую революцию и на Россию, как «вязанку хвороста», а также в стратегии и тактике в отношении войны и мира, в бескомпромиссном требовании единоличной власти большевиков, в отношении к Временному правительству. Но редколлегия во главе с П.В. Волобуевым не только констатировала «общность их взглядов по многим кардинальным вопросам», для чего имела все основания, но и предлагала пересмотреть «иконизацию Ленина... в духе сталинских представлений» и восстановить уважение к Л.Д. Троцкому, низвергнутому Сталиным для того, чтобы «загнать страну в казарменный социализм»².

Однако эта публикация адептов ультрамарксистского раннего большевизма, мировой революции и пролетарского интерна-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 233, 232.

² Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990 (Репринт. Берлин, Гранит, 1932). С. 299.

ционализма становится для сегодняшнего исследователя, если он только сам не придерживается взглядов Ленина и Троцкого, чем-то вроде «Валаамова благословения». Из материалов очевидно, что Сталин не только в период своей «автократии», но задолго до победы революции постоянно совершал отступления от ортодоксального марксизма и политического максимализма и действительно не был воплощением большевистской идеологии и тактики ленинского типа. В документах и комментариях Троцкого он в период ленинской эмиграции, «пытаясь самостоятельно выработать линию партии», постоянно выступает как «оппортунист», «полуоборонец», его позиция «в отношении германской революции 1923 года насквозь пропитана хвостизмом и соглашательством», а «в вопросах английского рабочего движения есть центристская капитуляция перед меньшевизмом». Сталин даже предлагал сотрудничать с Временным правительством и поддержать его воззвание к правительствам воюющих стран, что вызвало бешеную критику Троцкого и резкий отпор В.И. Ленина, явившегося к концу мартовского совещания партийных работников 1917 года со своими апрельскими тезисами.

Документы и комментарии Троцкого не оставляют сомнений, что в случае победы линии Ленина—Троцкого Россию ожидали бы не менее, а даже более яростные репрессии. Из книги также очевидно, что репрессии, уже точно, были бы направлены исключительно на носителей национального и религиозного начал и проводить «кровавую коллективизацию» деревни было бы просто не среди кого. Чуждые революционной идеологии элементы, уже попавшие под нож в начале 20-х годов, при Ленине с Троцким, продолжали, безусловно, погибать и в сталинские периоды насилия вопреки иллюзиям коммунистов-сталинистов, но эти репрессии также были нацелены и на гвардию пламенных революционеров.

Троцкий на этот счет не оставляет сомнений: «Всякая власть есть насилие, а не соглашение». Сравнивая ход русской революции с французской, он совершенно обоснованно именуется себя и ленинскую когорту большевиков якобинцами, «группой Робеспьера», а победившую линию — «Термидорианской реакцией». Комментируя репрессии, Троцкий нисколько не обеспокоен самим фактом, но возмущен фальшью бросаемых в адрес самых верных поборников мировой революции обвинений в контрреволюции. «Французские якобинцы, тогдашние большевики, гильоти-

нировали роялистов и жирондистов. И у нас такая большая глава была, когда и мы... расстреливали белогвардейцев и выслали жирондистов. А потом началась во Франции другая глава, когда французские устряловцы и полуустряловцы — термидорианцы и бонапартисты — стали ссылать и расстреливать левых якобинцев — тогдашних большевиков... Революция — дело серьезное. Расстрелов никто из нас не пугается... Но надо знать, *кого, по какой главе расстреливать*. (Курсив Троцкого. — *Н.Н.*) Когда мы расстреливали, то твердо знали, по какой главе»¹. Пожалуй, Сталин не дотягивает до Троцкого...

Но Запад все равно щадит Ленина и даже с некоторым восхищением порой пишет о Троцком. Осудив их подобно тому, как демонизируется Сталин, пришлось бы сочувствовать Великой России, «единой и неделимой», а она-то и есть главный предмет отторжения, сталинский СССР после мая 1945-го — всего лишь вторая мишень, и вовсе не из-за репрессий, ненавистных и самим русским, а из-за победной державности. Поэтому ленинская Советская Россия, где убивали священников и рушили церкви, расстреливали крестьян и гимназисток без суда и следствия, не вызывает такого осуждения. В. Ленин ведь был западником, а большевизм — формой неприятия не только всего национального, русского, но и всего державного — российско-го. Для Ленина именно Европа должна была найти образцовое воплощение в революционной России.

«Сталинизм» же, если оценивать идеологическую особенность его исторической философии по сравнению с ранним большевизмом, сохранял революционное отторжение православно-русского мировоззрения, но осуществил некую инкорпорацию «российской великодержавности». Это произвело мутацию марксизма на почве русского сознания масс, трансформированный марксизм получил к тому же колоссальное вливание традиционализма благодаря «духу мая 1945 года». С ним советское великодержавие достигло уровня системообразующего элемента мирового устройства. В ответ западная историография во второй половине XX века прочно и окончательно привязала клише «советский империализм» к русской и древнерусской истории.

¹ *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990 (Репринт. Берлин, Гранит, 1932). С. 99,148 —149.

Реакция окружающего мира на преодоление максималистских установок раннего ортодоксального большевизма была отрицательной! Восстановление традиционных ориентиров во внешней политике СССР вызывало еще большее противодействие Запада, хотя идея мировой революции ему как раз уже не грозила. В ответ на рецидив великодержавия корни «сталинского деспотизма» сразу стали искать не у Робеспьера, Томаса Мюнцера или Иоанна Лейденского — родоначальников революционного террора, даже не у Петра Великого, но у Ивана Грозного и Чингисхана, хотя большевиков Октября 1917-го первоначально рассматривали как «наследников Просвещения и Великой французской революции», закрывая глаза на их революционный террор.

В отличие от отечественных исследователей западные историки всегда были осведомлены о сущности коллизии между Троцким и Сталиным. А. Тойнби, среди прочего, полагал, что «Троцкий стремился сделать Советский Союз инструментом для продвижения мировой коммунистической революции, а Сталин мечтал сделать коммунизм инструментом для обеспечения интересов Советского Союза»¹. Именно в этом смысле «деленинизация» революции, но не репрессии, которые были лишь развитием и продолжением революционного террора при В.И. Ленине, вызывает неприятие послеленинского периода в СССР.

Что может быть красноречивее, чем добросовестное признание мангеймского профессора-советолога Э. Яна, исследовавшего нюансы западной советологии: «Чем менее рабочий класс за пределами Советского Союза проявлял себя как революционная сила, тем более увеличивалась традиционная дистанция между Россией и Европой». «Русификация советского представления об истории еще более углубляла пропасть между образами “полуазиатской” России и Европы... Здесь до сего дня находятся точки соприкосновения сталинизма и постсталинизма с до-революционным антизападническим славянофильством»². (Выделено автором).

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.—СПб., Прогресс, 1996. С. 106—107, 111—114, 282—300.

² Эгберт Ян. Исследования проблем мира и конфликта «Восток—Запад». Доклад Гессенского фонда исследований проблем мира и конфликтов. М.: Lit-Прогресс, 1997. С. 183.

Именно последняя оценка как нельзя лучше характеризует содержание, которое вкладывает либерально-западническое сознание как за рубежом, так и в сегодняшней России в термины «сталинизм» и «постсталинизм». Это добавление весьма красноречиво — этим термином уже, очевидно, обозначено вовсе не злое время репрессий, как раз роднящее Ленина и Сталина, а некая историко-философская аксиоматика интерпретации мировой истории, в которой российское великодержавие перестает быть бранным словом. Это вполне соответствовало духу поздне-советской космополитической интеллигенции, которая ненавидела Сталина не столько за репрессии, где он не был первым, как за его «великодержавный шовинизм», хотя в этом не признавалась.

Но в свое время все эти изменения были немедленно замечены русской эмиграцией и даже побудили некоторых сделать, увы, преждевременный вывод об уничтожении марксизма и отставке коммунизма. Так, Г. Федотов — социолог и философ либерального направления, откликнувшийся в эмигрантских изданиях на все нюансы советской жизни 30-х годов, даже счел идеологические изменения того времени долгожданной подлинной «контрреволюцией», справедливо полагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы.

Он отмечал возвращение советским людям национальной истории вместо вульгарного социологизма ортодоксального марксистского обществоведения и полагал, не без оснований, что «несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советскими поколениями, возымеют больше влияния на умы, чем тонны пропаганды коммунистических газет». Любопытно, что Г. Федотов с удовлетворением комментировал в парижской «Новой России» (№ 1, 1936) «громкую всероссийскую пощечину», которую получил Н. Бухарин, редактор «Известий», за «оскорбление России».

Николай Бухарин — один из пламенных ультралевых большевиков по мировоззрению, известный активностью в погроме традиций русской жизни и литературы, обрушившийся на поэта Сергея Есенина. Ведущий американский советолог Стивен Коэн с очевидной тоской называет именно его «последним русским большевиком», «последним русским интернационалистом» — «альтернативой сталинщине». Коэн почти восхищается Бухариным,

хотя сам приводит леденящие душу факты его биографии: Бухарин, выросший в русской православной семье, еще подростком стал воображать себя антихристом, а так как «мать антихриста должна быть блудницей, то он допрашивал свою мать... не блудница ли она»¹.

В статье, посвященной памяти Ленина, 21 января 1936 года Бухарин назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», говорил о его «азиатчине и азиатской лени». Неожиданно за свои совершенно ортодоксальные марксистские сентенции Бухарин получил резкую отповедь. Газета «Правда» назвала его концепцию «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за его «революционную энергию», но и за гениальные создания его художественного творчества и даже за грандиозность его государства.

Г. Федотов писал, что русскому исследователю должно быть «совершенно неинтересно, смог или не смог оправдаться Бухарин перед судом ленинского трибунала», созданию которого сам Бухарин так способствовал. Действительно, в этом он подобно Троцкому совсем не раскаивался, о чем говорит его предсмертное письмо Сталину из камеры. В нем он пишет об «искренней любви к партии и всему делу», что с пониманием относится к периоду репрессий и готов поработать на это замечательное дело «с большим размахом и с энтузиазмом» в Америке, «перетянуть большие слои колеблющейся интеллигенции», вести «смертельную борьбу с Троцким». Бухарин даже предлагает послать для слежки за ним квалифицированного чекиста, а «в качестве дополнительной гарантии на полгода задержать здесь жену», добавляя: «Пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К^о»².

Интересна та сторона расправы над Бухариным, в которой именем одного демона революции — Ленина другой демон революции — Сталин «сводил счеты с самим Лениным». По мнению русской эмиграции, вполне обоснованному, бухаринская «гнилая концепция» была как раз чисто ленинской, но также имела за собой почтенную историческую давность, восходя к Салтыкову-

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М.: Прогресс, 1988. С. 32.

² Письмо от 10.XII. 1937 г. Архив Президента Российской Федерации. Источник, Родина. 1993, № 2. С. 32—34.

Щедрина, Белинскому и Чаадаеву, то есть всем поколениям «ненавидящей и презирающей» просвещенной интеллигенции¹.

Итак, когда в Советской России начиналось постепенное возвращение российской истории в общественное сознание, на Западе именно это вызвало куда большее отторжение, чем большевистский нигилизм. В это время, в 30-е годы, Советская Россия совсем не была великой державой и не имела никаких реальных амбиций. Наоборот, революция была оплачена утратой территорий, которые до революции никем не оспаривались. Большевики в обмен на сохранение «цитадели революции» сдали Антанте Прибалтику, Турции — Карс и Ардаган, Румынии — Бессарабию, Польша захватила Белоруссию, был потерян выход к Балтийскому морю, которого так хотел лишить Россию в будущей войне с ней канцлер фон Бюлов. Страна вплоть до Победы едва справлялась с внутренним хаосом и внешним давлением, которое было весьма велико по всем границам. Но именно с началом отхода от ортодоксальной марксистской внешнеполитической идеологии, когда извлеченные с «исторической свалки» «отеческие гробы» вдруг опять стали национальными символами, антагонизм со стороны «капитализма» явно усиливается, хотя непосредственная угроза «экспорта революции» в страны Запада очевидно ослабевает.

Идеология либерального универсализма В. Вильсона и англосаксонские интересы диктовали после Первой мировой войны консолидацию совокупного Запада, но этому помешала Германия своим дерзким желанием реванша, далеко превышавшего потери. Прометеевский «сумрачный германский гений», оторвавшийся от облагораживающей готической католическо-христианской почвы, родил в специфических условиях версальского унижения свой уродливый плод в виде германского нацизма. Его глубинной религиозно-философской основой было наступление язычества на христианство, но этот импульс соединил варварский «эрос войны» с извечным побуждением к безудержному расширению западной цивилизации, столь явным со времен Крестовых походов и конквисты.

Приближалась война, и мешающий мондиалистским силам гитлеризм надо было направить на СССР, оказавшийся неожиданным гибридом, произведенным Россией из семени западного

¹ Цит. по: Федотов Г. Полное собрание статей. В четырех томах. III, Тяжба о России. (Статьи 1933—1936 гг.). Париж: YMCA-Press. 1982.

марксизма, мутировавшего на русской почве. Если У. Черчилль с самого начала усматривал в возрождающейся Германии опасность, то стратегия официального Лондона и США основывалась на уверенности в успехе направления Германии на Восток.

К этому времени европейская политика уже испытывает сильное влияние англо-американского финансового капитала, особенно после плана Дауэса, который, по единодушному суждению историков, сыграл важнейшую роль в деле подготовки Второй мировой войны. Отличительной его особенностью была добровольность его принятия Германией. Вскоре последовал и план Юнга, который отличался от предыдущего, среди прочего, организацией Банка международных расчетов, ставшего прообразом современных мировых финансовых механизмов и впервые институционализировавшего роль международного капитала. В результате к моменту прихода к власти Гитлера Германия полностью освободилась от репараций и смогла поднять голову и заявить о желании реванша. Что же демократический Запад?

Главным в политике Британии и США не только в 20-е годы, но и перед войной было вовсе не сопротивление языческому нацизму, не борьба с идеологией гитлеровской Германии, не стремление установить везде демократию. Главные усилия были посвящены развороту германских амбиций от Запада на Восток, предотвращению передела Западной Европы.

О НАЦИЗМЕ, ФАШИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм распространилась вовсе не в период холодной войны. Она вынесена на знамя либерального универсализма после того, как Россия сама отказалась от коммунизма. Хотя острота разногласий с недавними союзниками в 50-е годы была сильнее, чем сейчас, вся мировая общественная наука всегда признавала фашизм, тем более германский нацизм, главным антиподом коммунизму.

Эту идею в 50-е годы не приняли бы на Западе те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северные конвои. В домах миллионов людей еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свою знаменитую сказку, еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор, лежащим на Востоке, вовсе не СССР, как убеждены не сведущие в истории постсоветские западники, а гитлеровскую Германию.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте, учеником М. Хайдеггера, в начале 1970-х, когда установился паритет в ядерной силе, а идеологическая борьба «тоталитаризма и демократии» настоятельно требовала пересмотра всех прежних суждений о мировой политике. Так, Россию стали обвинять даже и в развязывании Первой мировой войны. Западная историография, ничтоже сумняшеся, приняла трактовку марксиста М. Покровского, с подачи которого Первая мировая война до сих пор называется империалистической, хотя ей больше подошло бы название Второй Отечественной — как-никак России угрожали отторжение Прибалтики, Украины и лишение выхода в Средиземное море. Комиссия по установлению ответственности за Первую мировую войну в 1919 году в Версале однозначно

постановила, что вина лежит на Германии и Австро-Венгрии, с ней согласился и американский Конгресс. Но большевикам нужно было оправдать лозунг «поражения собственного правительства в войне».

Борьба с «империей зла» требовала новых идеологем, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Э.Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола»¹.

Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становятся советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Молотова—Риббентропа, которые якобы и стали причиной Второй мировой войны.

¹ *Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Propiläen. 1997.*

ОТТЕНКИ ФАШИЗАЦИИ ЕВРОПЫ

Западная и постсоветская литература постепенно наполнилась прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма, формулируемыми в русле двух основных концепций. По одной из них, СССР и Германия будто бы уже с договора Рапалло, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1922 года с целью избежать изоляции на мировой арене и установить экономические отношения, повели дело к войне и к пакту Молотова—Риббентропа, планируя завоевание мира.

Вторая концепция, выдвинутая Э. Нольте, более сложна: это интерпретация истории межвоенной Европы как всеобщей, не знающей границ борьбы двух антилиберальных идеологий, «партий гражданской войны» — фашизма и коммунизма. Причем фашизм родился как реакция на коммунизм, для защиты либерального государства и лишь потом «скопировал» тоталитарные структуры.

В первой концепции совершается натяжка исторических фактов, ибо Договор Рапалло был заключен Советской Россией с Веймарской республикой, в которой мало кто как внутри страны, так за рубежом предвидел ту Германию, которая явилась затем миру в облике победоносного Гитлера и национал-социализма. В. Ратенау не только не вынашивал планов долгосрочного партнерства с СССР, но испытывал огромные сомнения даже в момент заключения договора. В ходе ночного «пиджамного совещания» он проявлял наибольшие колебания, порывался отклонить советское предложение и звонил британской делегации (участникам Генуэзской конференции). Далее, «рапалльская линия» в политике Германии практически истощается именно с приходом Гитлера к власти, и Договор 1939 года, как к нему ни относиться, не преемственен той линии, он явился итогом обстоятельств и политики непосред-

ственно предшествовавшего периода, итогом безуспешных усилий СССР склонить западные державы к иным конфигурациям.

Концепция Э. Нольте расширяет парадигму темы и предлагает исследовать явление фашизма на широком социологическом фоне без клише. Однако его призма, проясняющая некоторые аспекты темы, делает невидимым различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом.

Неразличение Э. Нольте фашизма и национал-социализма позволяет ему манипулировать категориями, а это готовит почву в сознании для полного пересмотра смысла войны. Главное, концепция Э. Нольте с легкостью позволяет оправдывать гитлеровские завоевания, раз Вторая мировая война — это «всееропейская война» идеологий, начатая в 1917 году именно большевизмом. Так обесцениваются жертвы нашего народа, понесенные за право на историю, так внедряются политические мифы, которые по истечении времени заменят историческую правду.

Можно согласиться с тезисом Нольте, что фашизм возможен только в либеральном обществе, которое порождает крайности — коммунистические и фашистские. Действительно, традиционные, выстроенные на религиозно-этическом основании общества руководствуются не философией прогресса, двумя детищами которой являются коммунизм и либерализм — двоюродные братья.

Убедительна и обрисованная Э. Нольте картина упадка и беспомощности социальных структур после Первой мировой войны и революций. Нольте демонстрирует самонадеянность и близорукость европейских либералов, преждевременно торжествовавших по поводу сокрушения традиционных обществ, приводя слова одного из ярких представителей итальянского либерализма начала XX века, премьер-министра Италии Дж. Джолитти, изрекшего в ноябре 1918 года: «Последние милитаристские империи пришли к своему концу, и это великолепное свершение... Милитаризм ослаблен. Демократия выдержала свое последнее, самое страшное испытание и празднует триумф по всему миру, и, значит, бесчисленные жертвы принесены не напрасно».

Нольте полагает, что само появление «либеральной системы» — первая предпосылка к фашизму: «Без Джолитти нет Муссолини, по крайней мере нет успешного Муссолини». Поскольку Муссолини рассматривается как представитель некоей системы, то «он не может быть проявлением лишь чисто итальянской жиз-

ни. Явления, с которыми он полемизировал, раскол, которым он воспользовался, опыт, к которому он прибег, — все это в большей или меньшей мере было близко всем странам Европы»¹.

Действительно, фашизм итальянского типа или хотя бы его элементы возникли одновременно, что не может быть случайным, почти во всех европейских странах на фоне удручающих итогов Первой мировой войны и революций в Европе. Нольте дает обзор фашистских движений, которые имели место во всех культурно-самобытных частях европейского мира: в Европе романской и католической — Франции, Испании, Португалии, Италии; в Европе англосаксонской и германской — Англии, Австрии, Германии; в Бельгии, Нидерландах, Дании, Скандинавии; наконец, в Европе православной и славянской — Греции, Болгарии, России, Югославии и даже в полумусульманской Албании. Наконец, самая соль его трактовки фашизма, в которой очевидна некая антиномия: «Если фашистские движения и могут возникать лишь на почве либеральной системы, то сами они не есть некое изначальное выражение радикального протеста, который возможен на этой почве. Они гораздо более объяснимы в качестве ответа на этот радикальный протест и направлены вначале достаточно часто на защиту этой системы от натиска, перед которым государство кажется бессильным. Не бывает фашизма без вызова коммунизма».

Нольте, разумеется, рассматривает либерально-секулярную систему как прогрессивную и даже игнорирует то, что в религиозной общественной философии она воспринимается как апостасийное явление, и здесь он совсем не оригинален. Но его трактовка фашизма как импульса защиты этой системы от коммунизма стала отходом от доминирующей в либеральном обществоведении концепции фашизма и коммунизма как главных врагов либерализма, что и вызвало огромную дискуссию. «Хотя в большинстве стран революционная попытка потерпела неудачу ранее, чем всерьез началась, — пишет Э. Нольте, — там, где она оставила более глубокие следы, она положила начало новому контрдвижению, именно фашизму, который вызвал даже в наименее затронутых странах широкую симпатию к противодействию, энергия которого шла из глубин общества и казалась направленной на спасение государства».

¹ *Nolte Ernst. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, Propyliden, 1971, S. 9.*

Однако ответ на вопрос, какие основы государства стремилась спасти эта «энергия», вызванная, скажем, из недр архиконсервативной католической или албанской мусульманской глубинки, представляется не столь однозначным. Ей, скорее, были одинаково чужды все формы левого общества, включая либеральную. Сам Нольте приводит пример Португалии, где представители либеральных сил утвердились во власти без всяких предпосылок.

Помимо великодержавных и геополитических противоречий, Первую мировую войну подготовили силы идеологические. Ученые обязаны проявлять сдержанность в суждениях о степени их влияния и реальном участии в действиях, однако фактом является то, что антикатолические и антиправославные, антимонархические, социал-демократические и марксистские, теософские и масонские организации (все — транснациональные) одинаково планировали уничтожение христианских монархий и традиционных структур, хотя имели различные проекты будущего. Для них положительным итогом даже при поражении своих правительств было завершение «всего того, что не закончила Французская революция, европейские революции XIX века и Парижская коммуна», о чем свидетельствуют бесчисленные документы этих организаций¹.

Далекий от этих сил Р.У. Сетон-Уотсон дал Первой мировой войне меткое определение: «Это не только самая опустошительная из всех войн: это была революция, причем сразу национальная, политическая и социальная, на обширных просторах Европы. Одним словом, война была одновременно годом 1815-м и 1848-м»². Заметим, не 1917-й! Сетон-Уотсон имеет в виду сотрясение монархий в Европе либерализмом, но не коммунизмом.

Э. Нольте сам приводит примеры отторжения частью европейского общества именно либерализма, когда такие ученые, как Макс Шелер и Вернер Зомбарт, «перевернули общепризнанное состояние вещей» и «объявили нормальным и здоровым все то, что ранее считалось отсталостью Германии по сравнению с более свободным буржуазным развитием Запада, и стали рассматривать войны Германии против Англии как войну против капитализма как английской болезни»³. Католическая церковь, несомненно, не

¹ *Jouin E.* L'après-guerre, la guerre, l'avant-guerre 1870—1914—1927. Paris, Revue internationale des sociétés secrets. 1927.

² *Seton-Watson R.W.* Britain and the Dictators. Cambridge, 1938. P. 52.

³ *Nolte Ernst.* Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München: DTV, 1971. S. 9—17.

приветствовала «либеральную систему», в которой секуляризировались все общественные институты и образование, а антиклерикальные силы заполнили властные структуры и прессу.

Фашизм итальянского типа был интуитивным ответом традиционных слоев. Он, конечно, не был «орудием монополистического капитала», космополитичного по природе, лишь вынужденного сотрудничать с режимом. Это была реакция отторжения космополитизма и атомизации общества, реакция уродливая, но именно реакция против уничтожения фундамента единства личного и национального бытия вместе с бесспорным отторжением максималистского коммунизма, который и был единственной идеологией гражданского раскола.

Нольте так и не доказал, что фашизм, делавший главный упор на внутринациональной солидарности, есть идеология гражданской войны. Как раз оказалось, что в Западной Европе, утратившей сущность христианского поиска, проще всего консолидировать атомизированное общество на идее супергосударства и мирового господства и превосходства своей нации. На христианскую антитезу отчуждению и космополитизму западноевропейские общества оказались уже неспособными. Здесь Нольте прав: фашизм — порождение либерального общества, а значит, мог воспользоваться лишь его инструментарием, в результате чего порыв проявил все признаки вырождения — отношение к Церкви и к власти как служебному инструменту (Франко и Муссолини), насилие, экстремизм, шовинизм, экспансия.

Сущность фашизма попадает под разные исследовательские призмы, в зависимости от того, чему он противопоставляется и что интерпретируется как его побудительный мотив — защита либеральной системы от коммунизма или защита традиционных основ от обоих детищ Просвещения. Еще Платон предсказал, что тирания рождается именно из демократии.

Концепция Нольте заслоняет вопрос первостепенной важности: в противопоставлении фашизма либеральной системе исчезает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом и главный грех их обоих сводится к отсутствию «американской демократии». Однако нежелание какого-либо народа установить у себя демократию есть его право и само по себе не несет вызова или угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора. Не угрожали же все монархии миру?

Что же было вызовом и угрозой миру со стороны гитлеровского рейха, который развязал войну со всей Европой? Попытка преодоления результатов Первой мировой войны и Версальской системы, в которой англосаксы примерно наказали немцев по принципу «горе побежденным!», была бы естественным явлением мировой политики, какие наблюдались едва ли не после каждой неудачной для какого-либо государства войны. Если бы окрепшая Германия ограничилась локальными конфликтами и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало чем отличался бы от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел бы к Нюрнбергскому трибуналу.

Но Гитлер провозгласил претензии на территории и страны, никогда не бывшие в орбите германских государств ни на Западе, ни на Востоке Европы. Такой проект нуждался в оправдании. Его дала языческая нацистская доктрина неравномерности людей и наций, отсутствовавшая у фашизма итальянского типа и у коммунизма. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной классической немецкой философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этического неравенства людей. По сути, они были возвратом к язычеству, к философии: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет» (вспомним рассуждения отпавшего от Бога Раскольниковова у Достоевского).

Вместе это и стало грандиозным всеобщим вызовом — как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль и которые не могут быть средством для других. Именно универсальность вызова определяла масштабы целей, позволяла истреблять «второсортные» народы, которые должны были стать лишь историческим материалом, уничтожить их культуру, жечь целые города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

Тем не менее с легкой руки Э. Нольте коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, сегодня стали отождествлять с гитлеровским нацизмом — сравнение с философской точки зрения поверхностное и продиктованное политической

задачей дать интерпретацию Второй мировой войны не как войны за геополитические пространства, войны, которая имела аналоги в прошлом и известные отражения в будущем, а как столкновения способов организации общества. В этой части своей концепции Нольте сближается с легковесным американским автором У. Лакером, который также полагает корректным считать «итальянский фашизм как стоянку на полдороге к законченному тоталитарному государству»¹, только стадией, на которой задержался процесс его становления.

Поверхностная трактовка тоталитарного тождества нацизма и большевизма превратилась в клише, будто вырабатываемые на Западе в «демократических» «ведомствах пропаганды» или «идеологических отделах» либеральной империи. Сегодня общественная наука на Западе, похоже, перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии. Теперь главный критерий — отсутствие «американской демократии». Если бы наука биология заявила, что медведь-коала и гусеница — существа одного биологического класса, поскольку едят листья эвкалипта, ученых бы подняли на смех. Так можно объявить, и, по сути, это уже делается, «фашистскими» или «тоталитарными» все цивилизации мира и государства до XX века — монархии, общества религиозные...

Примерно так и говорилось в Парламентской ассамблее Совета Европы, где шведскому депутату Линдбладу, зубному врачу по профессии, было поручено подготовить доклад с суждением о величайших по драматизму и сложности происхождения явлениях и событиях XX века. Даже не понимая, насколько он проявляет либо инфантильность своего уровня осмысления глубочайших исторических драм, либо политический заказ осудить СССР, Линдблад рекомендовал всем в своем выступлении книгу советского диссидента Н. Щаранского в качестве учебного пособия по общественной науке. Это все равно что всерьез рекомендовать изучение сущности и основ западноевропейской цивилизации по книжкам советского агитпропагандистского «Общества “Знание”», таким, как «Акулы империализма перед судом истории» или «Ленин и пигмеи истории».

¹ Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. Проблемы Восточной Европы, 1991. С. 259

Но объединять советский коммунизм с гитлеризмом — не только безнравственно, но и абсолютно антинаучно. Такой подход продиктован политической задачей дать интерпретацию Второй мировой войны как войны не за передел мира, не за историческую жизнь народов, а как войны именно за «американскую демократию». Интересно было бы посмотреть, насколько жесткой была бы критика нацизма из-за отсутствия демократии, не объяви он только немцев господами и не покусись он на исторические земли всех европейских народов, а пригласи всех западноевропейцев в свою расу господ?

У. Лакер в книге под характерным для всей концепции названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера» пытается доказать родство двух режимов — гитлеровского и советского. Поэтому ему необходимо свести главный ужас немецкого «фашизма» к «тоталитаризму», поэтому он даже не акцентирует внимания на расовой теории и последовавших чудовищных идейных обоснованиях репрессий против евреев, насильственного перемещения рабской рабочей силы — «остарбайтеров», занятия Черноземья СССР и Украины колонистами и программы сокращения «второсортных» русских, белорусов и украинцев на 40 млн человек. Иному автору никогда бы не простили такого «занижения» удельного веса Холокоста в преступлениях гитлеризма, но тут цель оправдывает средства и все прощается. Целенаправленное идеологическое программирование сделало свое дело: сегодня принято объединять коммунизм с нацизмом, а гитлеровский нацизм — с фашизмом итальянского типа.

Цель ясна: доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе.

Абсолютно антинаучная трактовка тождества нацизма и большевизма стала клише западного обществоведения, которым уже оперируют образованнейшие и именитые авторы. Директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль даже «удивляется» «противоестественности» антигитлеровской коалиции, для него — это «странный альянс», соединение двух демократий и империи, носившей «такой же тоталитарный характер, как и режим, который предстоя-

ло сокрушить»¹. Но французам из Соппротивления и летчикам эскадрильи «Нормандия—Неман», проливавшим кровь вместе с русскими не за идеологию, а за свою любимую «прекрасную Францию» и ее право остаться собой, такой союз не казался противоестественным. «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм», — обронил и крупнейший современный французский историк Ф. Фюре².

Что уж говорить о ведущем американском историке-русисте Р. Пайпсе, который преподает свою китч-версию русской истории в Гарварде — кузнице американской политической элиты. Этот автор в наиболее плакатной форме выражает свой нигилизм в отношении России — как старой, так и советской. Он также называет русский большевизм «провозвестником» «теории элит», «тоталитаризма» и фашистских государств. Неприличный для «свободного» западного ученого социальный заказ проявляется в абсурдном добавлении, «что большевистская партия поддерживала свое “великорусское лицо” на протяжении всей истории своего существования»³. Совсем не-великорусское лицо первых большевиков и тотальное отвержение ими русской истории давно уже стало притчей во языцех.

Именно эти книги переведены на русский язык постсоветскими либералами-западниками в постперестроечные времена. Но тезис о родстве нацизма как с классическими христианско-консервативными философскими направлениями, так и с «российским» коммунизмом не выдерживает анализа. И об этом говорят честные европейские интеллектуалы. Один из авторитетнейших ведущих русистов Франции Франсуа Ксавье Кокен в фундаментальной историко-философской статье прямо говорит, что такое

¹ *Монбриаль Тьерри де*. Память настоящего времени. М.: Международные отношения, 1997. С. 54.

² *Фюре Ф*. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998; *Монбриаль Т*. Указ. соч.; *Лакер У*. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон. Проблемы Восточной Европы, 1991; *Максименко В*. Три силы. Размышления по книге Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии». Pro et contra. М.: лето 1999, № 3.

³ *Pipes R*. Three Whys of the Russian Revolution. USA, Random House, 1997; *Пайпс Ричард*. Три «почему» русской революции. М.: Феникс, 1996. С. 30—40.

отождествление есть оружие пропаганды и холодной войны, перенесенное в область истории, переписанной победителями, которые, как обычно, кричат: «Горе побежденным!»¹

Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого приносилось все национальное. И это диаметрально отлично от расовой теории нацизма. Первые пламенные большевики не скрывали, что Россия для них — «вязанка хвороста» для костра мировой революции. Через призму религиозно-философских основ истории это учение, взятое в идеальных критериях, есть порождение так называемой философии прогресса, которая, в свою очередь, родилась в христианском мире на пути отступления от христианства. Она выводится из хилиазма — учения о возможности тысячелетнего царства Божия на земле с праведниками и идеи утвердить в земной жизни равенство, даже насильно.

Уже сегодня считается, что война против Гитлера уже, оказывается, велась США и Британией не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «универсальное торжество либеральной американской демократии». И эта война продолжилась в Европе уже в виде холодной войны, пока второй «тоталитарный монстр», СССР, не самоустранился, чтобы «западная демократия», уже его не пугаясь, могла осчастливливать народы наискорейшим образом — с бомбардировщиков.

Однако рассекреченные документы об истинных целях политики перед началом Второй мировой войны опровергают новые схемы еще убедительнее, чем советские штампы. Сопоставление даже известных фактов и событий, тем более изучение архивов показывают весьма знакомые геополитические константы мировой политики. Вся стратегия Запада перед Второй мировой войной была игрой вокруг того, куда первой направится гитлеровская агрессия и что будет с Восточной Европой.

¹ Перевод статьи см. на экспертно-аналитическом портале «Перспективы» Фонда исторической перспективы. www.prospekts.ru.

МЕЖДУ ВЕРСАЛЕМ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Европа и Восточная Европа перед войной представляли собой совершенно новый мир — только что скроенный по лекалам англосаксонской части Антанты. Следует иметь в виду при оценке мотиваций во внешней политике то, что этот мир после сотрясения Первой мировой войной воспринимался не окончательным, а, скорее, как предварительный эскиз для будущих инициатив. И это относилось далеко не только к Германии, претерпевшей шок от поражения, разгрома и невиданного возмездия англосаксов, что и породило гитлеровскую расовую доктрину и план всемирного владычества.

Хотя доминирующие течения в современной европейской науке с величайшим скепсисом относятся к «геополитике», скомпрометированной натуралистической школой пангерманистов, полезно панорамно представить себе некие геополитические закономерности устремлений великих держав к созданию зон влияния и контроля, которые проявляются именно в периоды неустойчивости системы международных отношений. Термин «геополитика» был введен шведом Р. Челленом, классические разработки принадлежат К. Риттеру, К. Хаусхоферу, Ф. Ратцелю¹, чьи антропогеографические и политико-географические воззрения и составили «питательный бульон», вскормивший геополитику XX в. Все они были пангерманистами и идеологами расширения немецкого «*Großraum*». Этим объясняется увязывание этих доктрин с германской экспансией на Восток в двух мировых войнах.

¹ *Ratzel. F. Anthropogeographie. Stuttgart, 1921; Haushofer K. Grenzen in ihre geographischen und politischen Bedeutung. Hdlb., 1939.*

Но, например, русская школа политической географии заслуживает самого серьезного внимания, ибо абсолютно свободна от мессианизма, языческого этноландшафтного географического мистицизма, но опирается исключительно на эмпирический и исторический материал. Эта мысль дала блестящий панорамный анализ геополитического соперничества на рубеже XIX—XX вв. К русской школе аналитической политической географии неприменим сам термин «геополитика». Судя по трудам, русские аналитики этого термина не знали и им не пользовались.

Анализ исторически и географически обусловленных столкновений интересов Англии и России А. Снесаревым, председателем Русского общества востоковедения, типология В.П. Семенова-Тян-Шанского теоретически осуществимых и опробованных в истории «систем могущественного территориального владения» — «сфер влияния», объяснение европейских противоречий С.Н. Южаковым, интереснейшие размышления о географических возможностях и препятствиях для установления зон влияния В.А. Ламанского, исследование Восточного вопроса П.А. Чихачевым¹ можно отнести к современному жанру политической аналитики. Но эта школа мышления — антипод пангерманистской геополитике того же времени, основанной на социал-дарвинизме и географическом детерминизме.

Блистательное исследование В.П. Семенова-Тян-Шанского посвящено анализу существовавших в истории крупных систем «могущественного территориального владения», под которым ученый понимает не суверенитет над территорией, а способность к бесспорному удержанию территории в сфере своего влияния.

Ученый выделил несколько регионов, названных им «*средиземными*» морями, расположенными приблизительно на одной широте — вокруг 45-го градуса северной широты, а именно: Средиземное море с Черным морем, водная система Китайского и Японского морей, а также Карибское море и Мексиканский залив.

¹ *Снесарев А.* Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. СПб., 1915; *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915; *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка, СПб., 1892; *Южаков С.Н.* Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1885.

Европейское Средиземное море с Черным морем к тому же является «наиболее вдавшейся в материк бухтой мирового океана», вокруг которой, как еще писал адмирал Мэхэн, не прекращаются соперничество и войны. Семенов подметил, что вокруг этих морей в течение всей истории складывались цивилизации, бывшие носителями просвещения для окружающих и ставшие «господином мира».

Он прозорливо утверждает, что «не произошло таких геологических переворотов, которые могли бы сколько-нибудь существенно изменить значение этих трех морей и их побережий, а что касается Средиземного моря, то битвы за контроль над ним продолжаются уже два тысячелетия, но понятие “господина мира” увеличилось во много крат. Поэтому “господином мира” все-таки будет тот, кто может владеть одновременно этими тремя морями, или тремя “господами мира” будут те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей»¹.

Ученый выделил как самую древнюю «кольцеобразную» систему контроля стратегических морей — Средиземного с Черным морем, Китайского и Японского морей, а также Карибского моря и Мексиканского залива, вокруг которых складывались зоны влияния, делавшие государства «господами мира». Семенов-Тян-Шанский определил тип зоны контроля Британской империи как «клочкообразную» зону, разбросанную по миру, которая держится на превосходящей морской силе, колониальном рабстве аборигенов, контроле морских путей и вспомогательной опоре на зависимые «государства-буферы» для успешной защиты от сильного континентального соседа своих заморских владений.

Действительно, в стратегии всех амбициозных, бурно растущих наций Европы возникала опробованная в античности «кольцеобразная система» территориального владения, предполагающая контроль одновременно над северным и южным побережьями Средиземного моря. Вслед за Древней Грецией за такой контроль вел с переменным успехом войны с Римом Карфаген. Только Третья Пуническая война создала римлянам кольцеобразную систему и превратила Рим в «господина тогдашнего западного мира». Че-

¹ Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии (доложен Отделению Физической географии в 1912 году). СПб. Типография М.М. Стасюлевича, 1915. С. 9—12.

рез несколько веков это повторили арабы, удерживавшие контроль над Средиземноморьем в течение нескольких веков, затем турки. В Новое время создать кольцеобразную систему пробовал Наполеон, посягнувший одновременно на европейское и африканское побережья и который преуспел бы, если бы не покусился по наущению своей соперницы Англии на Россию. Смысл Венского конгресса 1815 года был в закреплении хотя бы на время равновесия с помощью множественного присутствия в Средиземном море.

Можно продолжить список примеров, данный Семеновым-Тянь-Шанским в 1912 году. Именно на создание кольцеобразных систем — региональной и всесредиземноморской — были нацелены амбиции Италии еще в Версале, требовавшей порт Фиуме (сейчас г. Риека в Хорватии), а затем и аппетиты Муссолини, чья доктрина «*mare nostrum*» относилась как к Адриатическому морю, предполагая контроль над далматинским и албанским побережьями, которые Италия оккупировала, так и к Средиземноморью в целом, — идея Триполитании, что уже сталкивало ее с Британией. Борьба за кольцеобразные системы контроля вокруг важных в военно-стратегическом отношении морей стала содержанием международных отношений в XX веке. Семенов-Тянь-Шанский предсказал, что «кольцеобразную систему попытаются осуществить по отношению к Мексиканскому и Китайскому морям — американцы и японцы». Япония стремилась завладеть Кореей и превратить Охотское и Японское моря в свои внутренние моря, а в годы Второй мировой войны эти амбиции уже простирались на Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря, о чем говорят карты военных наступлений и вторжений Японии. Экспансия США в Карибском бассейне и вытеснение европейских интересов из Западного полушария — это и есть содержание доктрины Монро.

Всемирные амбиции США после Второй мировой войны побудили их создать точки опоры по всему миру из зависимых «стран-буферов», военных баз и блоков, то есть сконструировать «кучкообразную» систему, опирающуюся на принципиально новые военно-морские силы для ведения боевых действий далеко от собственной территории — авианосцы. Ключки этой всемирной системы — это кольцеобразные системы вокруг стратегических морей и проливов. Не чем иным, как созданием «кольцеобразной системы», является столетняя борьба Британии, затем США за полный контроль над Персидским заливом, вступившая в за-

вершающую или решительную фазу на рубеже XXI столетия в условиях обостряющегося соперничества за ресурсы, для чего необходимо сделать из Ирака и Ирана — западного и восточного побережий Персидского залива — подчиненные «государства-буферы» с базами.

Семенов-Тянь-Шанский обратил внимание, что самая географически осуществимая система «от моря до моря» по меридиану от Балтики до Средиземноморья никогда никем в Европе не была еще построена. Для России путь к ней означал бы выход в Средиземное море и к Персидскому заливу от Балтийского моря «через создание Малоазийско-Кавказской системы», которая потребовала бы обязательного обладания Черноморскими проливами. В отличие от пангерманских и британских геополитиков, нацеливавших свои нации на завоевание, русский политический географ, верный своему кредо — «не играть в политику в географии», полагал, что России ни в коем случае не следует бороться за такую конфигурацию, невозможную в контексте интересов великих держав, а необходимо укреплять имеющуюся уже свою территорию от Буга до Тихого океана.

Семенов-Тянь-Шанский очень метко подметил, что сложившейся системе английского влияния и контроля угрожают трансконтинентальные железные пути, которые «наносит значительный вред клочкообразной системе, так как по ним сообщение значительно быстрее, чем морским путем кругом материков». Железная дорога Берлин—Багдад толкнула Англию к сотрудничеству с Россией в Антанте! Семенов-Тянь-Шанский не сомневается в будущих попытках Англии «местами скомбинировать» свою клочкообразную систему с системой «от моря до моря» и связать непрерывной полосой свои владения между Капом и Египтом. Также «не прочь бы они связать таким образом и Индокитай, Индостан и Средиземноморье, устроив южный трансконтинентальный путь между Африкой и Азией через Сирию и Палестину». Через 3 года после написания этих строк именно это Англия запросила в секретном соглашении с Россией 1915 года, даже пообещав согласие на контроль России над Константинополем! Но британским планам, заметил русский геополитик, в тот момент препятствовала соперница Англии — Германия.

Германия тогда же «пожелала одновременно применить и клочкообразную систему в виде отдельных колоний в разных частях света, и систему сплошного континентального движения на восток и юг, через славян к Средиземному и Черному морям. Такая погоня одновременно за двумя зайцами неизбежно повлекла за собою катастрофу всего германского колониального движения в нынешней великой европейской войне»¹. Сказано это за два года до реальной Первой мировой войны.

Итак, в своей борьбе за овладение миром Германия и Италия будут неизбежно пытаться так или иначе захватить контроль над Балтикой, Средиземным морем, над Черным морем. Те, кто должен был выстоять перед натиском Германии, должны были опереться для этого противостояния на те же ключевые стратегические позиции. Британия в своих расчетах будет стремиться к еще более долгосрочным целям, думая о том, кому после схватки достанется контроль над Восточной Европой от Балтики до Средиземного моря.

На этом фоне очевидно катастрофическое значение для России Брестского мира, подписанного большевиками в угоду своим спонсорам в Берлине и Вене и ради сохранения революции. Веря в европейскую революцию, прежде всего в Германии, и в движение к всеевропейской социалистической федерации, большевики считали итоги Брестского мира промежуточным этапом в жизни России и Европы, а сдаваемые после Версаля по договоренности с Антантой территории — лишь временным отступлением.

Благодаря Брестскому миру у Британии возникают шанс и соблазн попытаться навечно закрепить утрату петровских достижений — позиций России на Балтике. Форин офис, как пишет, опираясь на свои источники в Лондоне, С. Сазонов, извлекает на свет архивы времен Петра Великого. Прибалтика, Польша и Германия в новых границах неизбежно становятся узлом стратегической политики между двумя мировыми войнами.

Брестский мир, как пишут советские учебники, служил главной цели большевиков — «передышке». Она же, как поясняется, была необходима для «борьбы с внутренней контрреволюцией»,

¹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии (доложен Отделению Физической географии в 1912 году). СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. С. 14.

значит, для войны против собственного народа и против той самой царской армии, которая сражалась на полях Первой мировой войны как раз за то, чтобы «Брестский мир» никогда не случился. Большевики заключили сепаратный мир с Германией, лишив Россию результатов Полтавы, Измаила, крови, пролитой на Шипке и за Севастополь, одним росчерком пера отбросили ее к временам Московского царства.

Брестский мир, подписанный большевиками 18 марта 1918 года, отнял у России около 1 млн км². Все обретения Петра I на Балтике переходили к Германии. От России отторгались часть Белоруссии и вся Украина. Россия расчленялась — Германия требовала признания самопровозглашенных властных группировок. Росчерком пера уничтожались итоги Русско-турецкой войны: Карс, Ардаган и Батум, отошедшие к России после Берлинского трактата 1878 г., передавались Турции, которая их немедленно оккупировала. Румыния сразу оккупировала Бессарабию, отошедшую к России по Берлинскому трактату.

Эта национальная и геополитическая катастрофа, последствия которой в полной мере проявились в конце XX века, случилась не в результате военного поражения и не диктовалась внутренними причинами. Напротив, после кровопролитных четырех лет войны, несмотря на расшатывание государства, революцию и разложение армии, победа России и союзников уже была очевидна. И в этот момент цели Германии в войне и крушение трех веков русской истории были осуществлены самими новыми властителями России. «Согласно поверхностной моде нашего времени, — писал У. Черчилль, — царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо... пожираемая червями»¹.

Это предательство стало одним из ключевых событий, повергших Россию в Гражданскую войну.

Сам В.И. Ленин действительно не намеревался долго соблюдать «похабный», по его «изящной характеристике», Брест-

¹ Черчилль У. Мировой кризис. М.: 1937. С. 175.

Литовский договор, по которому территориями было заплачено за сохранение «цитадели революции». В отличие от старой русской дипломатии большевики, как и их духовный отец К. Маркс и «марксиды», приведшие своей этикой в ужас А. Герцена, вообще не связывали себя скрупулами. Они предназначали не только Россию и ее исторически преемственные интересы, но и весь «старый» мир, с которым вели дела, для мусорной свалки истории. Вместо него должен был засиять в лучах первого «нового мышления» мир «новый», перестроенный на вечных общечеловеческих (тогда коммунистических) стандартах, которые заменят «архаичные национальные интересы».

Однако тогда и потом весь остальной мир, включая союзников России, не забывал своих национальных интересов, всегда пользовался не «новым мышлением», а «старым» и искусно извлекал пользу как из предательства, так и из инфантильности внешнеполитического мышления или доктринерства другой стороны. Заключив сепаратный мир с Германией, большевики освободили союзников России по Антанте от обязательств по договоренностям предвоенного и военного времени, чем те не преминули воспользоваться самым коварным образом, одновременно отказываясь признавать большевистский переворот.

Старая русская дипломатия и Министерство иностранных дел, которые в отличие от большевиков привыкли к тому, что Россия всегда соблюдала данные ею международные обязательства, были в ужасе, так как полагали, что Брестский мир станет отправным пунктом для внешней политики на многие годы. Некоторые сотрудники российского внешнеполитического ведомства, которое в полном составе, от дипломатов до барышень-стенографисток, отказалось в первые дни после революции сотрудничать с большевиками и Троцким — новым народным комиссаром иностранных дел, даже посчитали своим долгом профессионально помочь соблудности максимум интересов страны хотя бы в мелочах.

Барон Б.Э. Нольде, бывший директор правового департамента, рассказывал и о «смехотворных курьезах, которые вкрались в эти акты вследствие безграмотности в дипломатическом отношении “русских авторов” Брест-Литовского мира, в то время как германская и австро-венгерская дипломатия гениально использовала невежество своих контрапартнеров... Такая простая вещь, как взаимность тех или иных положений в Брест-Литовском мире,

совершенно отсутствует... правовые или экономические преимущества Германии не компенсируются ничем в пользу России, и нет никаких признаков, чтобы русская делегация этот принцип взаимности выдвигала». Когда К. Радек от имени Троцкого потребовал у Обнорского, заведующего Славянским отделом российского внешнеполитического министерства, сведений о состоянии дел, тот, по его собственным словам, «ни в малейшей мере не сочувствуя большевизму... тем не менее как русский человек не мог уклониться от «исторической миссии» помочь русской делегации в Брест-Литовске по такому важному для России вопросу»¹. Благодаря переданным аналитическим запискам Холмская область отошла не к Польше, как та требовала, а хотя бы к Украине, в связи с чем в Варшаве и Кракове был объявлен трехдневный траур. Большевики потом «исправились» и все же отдали Холмскую область Ю. Пилсудскому в Советско-польском договоре.

После капитуляции Германии Ленин немедленно отказался от Брестского мира². Но неблагодарные союзники России, составлявшие текст условий капитуляции в Компьенском перемирии, закрепили в нем вывод германских войск со всех ранее оккупированных территорий, **кроме Прибалтики, опираясь именно на Брестский мир.**

С. Сазонов, понимавший, *что* означает однажды признанное от имени властей России расчленение страны, предсказал: «Во что обошлись русскому народу навязанные ему интернационалом отказ от долга чести и отречение от заветов истории, станет ясно лишь будущим поколениям»³, как будто предвидя парад суверени-

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В двух книгах. Книга 1. Август 1914-го — октябрь 1917-го. М.: Международные отношения, 1993. С. 20, 18.

² Подлинный текст Брестского мира исчез, его нет ни в Архиве внешней политики России, ни в Берлине, ни в Вене, сохранились лишь подлинные ратификационные грамоты. Это подтвердилось при документальной подготовке фильма «Кто заплатил Ленину?» в 2004 году, в котором автор этой книги была научным консультантом и комментатором. Причем в переписке большевистских дипломатов вопрос об исчезновении подлинника поднимался уже в 1924 г.

³ Сазонов С.Д. Воспоминания. Репринтное воспроизведение издания 1927 г. Париж. М.: 1991.

тетов в 1990-х годах, отсчитывающих свою независимость именно от 1918 года.

Сегодняшняя общественная и историческая мысль настолько методологически приблизилась к Марксовому историческому материализму, что события даже полувековой и вековой давности рассматриваются с точки зрения приближения к царству вселенской демократии, как ранее в советской историографии все оценивалось с точки зрения приближения к революции и торжеству классовых битв. Однако не стоит оставлять вне поля зрения серьезные факты и сигналы, говорящие о преемственности очень многих геополитических констант. Геополитика обеих мировых войн и цели держав, которые они пытались достичь, лавируя между друг другом и между Гитлером и его жертвами, становятся понятнее при знании разных слоев внешнеполитической и исторической мысли в Западной Европе.

В Англии с 1888 года циркулировала некая карта будущего облика Европы, которая была в 1920 году опубликована в сборнике документов и исследований о роли масонства в предвоенной истории Европы¹. По этой карте можно судить, как должна была выглядеть Европа после мировой войны, которая в реальности случилась через 25 лет! Габсбургская монархия подлежала расчленению, а Германия — уменьшению вдвое, в результате чего образовался бы «дунайский союз». Российская империя подлежала преобразованию в «славянскую конфедерацию». Все выходы к морю Западной Европы, все ее побережья заштрихованы как «регионы, формально независимые, но под политическим влиянием Англии». Все они сейчас — в НАТО, кроме черногорской Боки Которской и албанского побережья. Эти задачи были реализованы поочередно в двух мировых войнах, в холодной войне и в 90-е годы XX столетия.

Еще более красноречивой является другая карта «будущей Европы», которую поместил член парламента и издатель лондонского еженедельника «Truth» Генри Лабушер в рождественском номере 1890 года, за 24 года до начала Первой мировой войны. Эта карта² отражает геополитические и философские

¹ Heise R. Die Entente-Freimaurerei und Weltkrieg, Basel, Ernst Finckh Verlag, 1920.

² Карта переиздана в серии Faksimile-Dokumentation в 1992 г. бременским издательством «Faksimile-Verlag», издающим редкие документы на основе оригиналов или нотариально заверенных копий.

планы «совсем иных людей». Она сопровождается сатирическим изображением усыпленного гипнозом кайзера. Во «сне» кайзер видит проект будущего. Вместо монархий — секулярные республики. Что касается последних христианских монархий, то венчаные на царство Александр III, кайзер Вильгельм, а также царь Болгарии и король Италии под конвоем идут в рабочий дом, причем над ними ярко сияет яacobинский красный колпак. Более всего впечатляет геополитический пасьянс, в котором трудно не узнать приблизительных очертаний Европы 90-х годов XX столетия. Австрийская и Германская империи разложены на части: Богемия — сегодняшняя Чехия, Германия сведена к сегодняшним границам и разделена на земли с республиканским правлением, между ними даже польский коридор, Силезия стала Польшей, на Рейне — французы. На месте России стоит «Desert» — «пустыня», под которой авторы, надо полагать, имели в виду исчезновение великой державы и независимого субъекта истории¹.

Разрушение Центральных держав и русская пустыня создавали вакуум силы в огромном регионе, который должен был быть заполнен иным влиянием. На фоне последующих событий XX века, шаг за шагом приведшего в исполнение эти наброски, исследователи вполне вправе размышлять, являются ли приведенные высказывания и «картографический» разгром политико-географического облика мира лишь игрой воображения и упражнениями в политическом шарже или все это вместе отражает некую программу, которая давно была известна определенным кругам в Лондоне и в Ватикане, в тех местах, где замыслили революции и перекройку империй. Очевидно, что некоторым кругам англосаксонского мира, если они имели иные виды на собственную роль в будущем управлении Восточной Европой, не могла не мешать Центральная Европа — Mitteleuropa начала XX века в лице мощных и амбициозных Германии и Австро-Венгрии. Судьба славян, стремившихся к независимости, для США и Британии не имела самостоятельного значения, что было продемонстрировано постыдной сдачей Чехословакии Гитлеру в Мюнхене и сербов — в Дейтоне.

¹ Карты см.: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.

Поскольку англосаксы намеревались стать «просветителями» и патронами восточноевропейских славян, что вполне осуществилось в конце XX века, Mitteleuropa должна была перестать быть центром силы, России надлежало по возможности быть оттесненной от Балтики и от Черного моря, а Восточную Европу и Балканы, изъятые из-под контроля как немцев, так и России, фрагментированные и политически обезличенные, предстояло лишить самостоятельной исторической инициативы. В осуществлении этих планов немало помогли сами «Центральные державы». Австро-Венгрия не только не отпускала балканских славян, но и взяла авантюристический курс на захват Боснии и дальнейшее поглощение славянских территорий. «Германцы» же в условиях версальского унижения родили уродливый плод в виде нацистской идеологии, необузданных амбиций и невиданных планов мирового господства.

Чехословакия, Румыния, Венгрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, в котором англосаксы не забыли повязать сербский потенциал прогерманскими хорватами, были новыми государствами с границами, начертанными в Версале. Детищами Брестского мира и торга большевиков с Вильсоном и Ллойд Джорджем стали прибалтийские государства, в которых Британия была особенно заинтересована, ибо, как только грянула революция, она сделала все возможное, чтобы закрепить утрату Россией Балтики и вовлечь Восточную Европу в орбиту своей политики, чему затем стала мешать окрепшая гитлеровская Германия.

Полная смена геополитического ландшафта произошла на Балканах, в зоне Проливов и на Ближнем Востоке. Стамбул благодаря ставке на него Британии сохранил роль оплота британской политики к востоку от Суэца. Турция, единственная из побежденных стран, не только не утратила территории, но и закрепила за собой оккупированные с согласия большевиков Карс и Ардаган. Вспомним декларацию Бальфура, где заявлялось, что британское правительство «относится благосклонно к установлению в Палестине “национального очага” (“national home”) для еврейского народа и приложит все свои усилия, чтобы облегчить достижение этой цели». Этот документ был по настоянию Англии полностью включен в Севрский договор с Турцией и в мандат на Палестину. Так, письмо министра иностранных дел Великобритании на имя банкира лорда Ротшильда стало частью Версальской системы и международным обязательством. Официально декларация Бальфу-

ра мотивировалась стремлением заручиться помощью российских и американских евреев в войне против Австро-Германского блока, но на деле Британия имела цель уклониться от выполнения соглашения с арабами 1915 года и соглашения Сайкса—Пико и оправдать захват стратегически важной Палестины в дополнение к обещанной ей Месопотамии. Декларация действовала до истечения мандата на Палестину в 1947 году. Вот где главный для англосаксов будущий театр политики и военных действий во Второй мировой войне. При этом открытие второго фронта в Западной Европе откладывалось до середины 1944 года: пусть «демократии» пострадают под гитлеровской пятой, важнее — Средиземное море, Африка, Суэц, Иран!

Первая мировая война изменила положение в Средиземноморье и на Балканах. Появилась Албания, причем границы ее были начертаны великими державами еще в 1912—1913 годах с таким расчетом, чтобы сдерживать сербский потенциал. Оформление освобождавшихся в ходе неизбежного распада Оттоманской империи славян, будь то в рамках Габсбургской монархии, будь то независимое, по замыслу британцев, должно было быть внутренне неоднородным. Тогда исторический и политический потенциал этих народов был бы нейтрализован и обезличен, а они — превращены в материал для маккиндеровского яруса между Германией и Россией «от Балтики до Средиземного моря» под контролем англосаксов. Современный оксфордский славист Дж. Бернс признает, что именно желание ограничить влияние России на Балканах побудило Англию, в частности, на Берлинском конгрессе препятствовать собиранию сербских земель — Сербии было отказано в получении Приштинского санджака, несмотря на прошения косовских сербов о воссоединении косовского вилайета с Сербией и изъятие у Болгарии закрепленной за нею в Сан-Стефано части географической Македонии¹.

В 1913 году Флорентийский протокол начертал границы между новообразованной Албанией и ее соседями, решив споры в пользу Албании, несмотря на то что Конференция послов 1912 года в Лондоне констатировала: в Албании оказалось около миллиона сербо-черногорского и македонского населения. Албанцы, следуя концепции Призренской лиги, провозглашенной еще в ходе подготовки Берлинского трактата 1878 года, требовали еще более

¹ *Burns J. The Echoes of History rumble on. All the «Questions» remain, unanswered. Europe and the Eastern Question (1878—1923). Исторически институт Српске Академије наука и уметности. Београд. 2001. Р. 103—105.*

обширных границ, которые бы охватили половину сегодняшнего государства Македония, огромную часть Сербии и Черногории. Впечатляет прозорливость русского консула И. Ястребова, который сугубо отрицательно для российских интересов оценил создание Призренской лиги и не обольщался «албанским освободительным движением» против Порты, сообщая, что «в митингах и протестах с целью воспротивиться расширению границ Сербии и Черногории» «албанцами орудовало также турецкое правительство», которое «помогало им объединиться для составления протеста, снабдив их деньгами и ружьями новейшей системы»¹. Но советская литература по идейным канонам была обязана придавать албанскому движению прогрессивную роль и относила «предвзятость» в оценке сущности Лиги в донесениях Ястребова к тому, что он-де «чувствовал социальную опасность происходивших на Балканах процессов для абсолютизма»².

Поскольку требования Призренской лиги — идею «великой Албании» — перед Первой мировой войной поддерживала Австрия, заинтересованная в ее антисербской роли и вынашивавшая проект самостоятельного католического албанского княжества в области Мирдита, другие великие державы утвердили лишь половинчатый вариант, оставив, по выражению британского автора Дж. Суайра, «в сердце Балкан язву», подлежащую неизбежному кровавому хирургическому вмешательству. Уже тогда албанцы, уходя с конференции, пообещали усеять Косово поле сербскими костями. Дж. Бернс сравнивает эти решения с Дейтонскими соглашениями и предложениями Холбрука. Именно в начале XX века были заложены конфликты его конца, а принципиальные западные установки сохранились в неизменности, как и контекст великодержавных интересов. Между тем албанское побережье уже тогда стало еще и объектом вожделений Италии — будущей союзницы Гитлера. Италия получила Додеканезские острова, и ее роль в Средиземном море, претензии сделать его своим внутренним морем волновали Британию в 30-е годы и в ходе Второй миро-

¹ Донесение русского консула в Рагузе (Дубровнике) И.С. Ястребова товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу. Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX века. Документы и исследования. М.: Наука, 1982. С. 243—244.

² Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX века. Документы и исследования. М.: Наука, 1982. С. 224.

вой войны гораздо больше, чем угроза западным демократиям со стороны нацизма.

Особенно важно представлять себе на исходе Первой мировой войны страну, на которую особую ставку делал Запад и в 20-е, и в 40-е годы, и, как будет ясно ниже, в 90-е годы. Это Польша.

Интересный портрет поведения Польши в хаосе русской революции, распада Австро-Венгрии и поражения Германии нарисовал В. Фалин. Блестящий знаток фактов и документов, он составил краткий кондуит действий Пилсудского, которые даже сделали того persona non grata на Версальской конференции. Тем не менее, как подмечено Фалиным, архитекторы Версаля почему-то не зафиксировали восточных границ Польши, как бы оставляя их открытыми. Пилсудский в угаре заявил, что и не подумает следовать линии Керзона и рекомендации Антанты учитывать этнический принцип при территориальном переустройстве в Восточной Европе. Он мечтал о Польше «от моря до моря» (от Балтики до Черного моря), что потом, уже в годы Второй мировой войны, повторяли в Лондоне польские эмигрантские структуры.

В ноябре 1918 года польские войска захватили Львов, через месяц, рассчитывая поставить Версальскую конференцию перед свершившимся фактом, поляки созвали конгресс своих сторонников из Силезии, которая уже почти 400 лет признавалась частью Пруссии, а также Западной Пруссии и Познани и устроили столкновение с немецкой милицией. Наконец, 19 апреля 1919 года Польша отторгла Вильнюс от Литвы. Французы поддержали это, ибо Польша была их исторической ставкой. Именно французский генералитет, как пишет Фалин и подтверждают русские эмигрантские источники, помог в самой крупной авантюре Пилсудского — походе на Киев, который, если бы повезло, планировалось превратить в поход на Москву. Перед нападением Польша отвергла предложение Советской России установить линию соблюдения мира, которая проходила даже восточнее линии Керзона. Пилсудского это уже не удовлетворяло. 13 марта Пилсудский в категорических выражениях заявил западным союзникам, что не примет никакой иной границы с Россией, кроме границы 1772 года, возможно, мечтая о входе в Москву подобно 1612 году.

Имея на то все основания, В. Фалин обобщает: «Восточная программа Пилсудского обрела статус польской национальной

догмы»¹, ведь после взятия Киева он был увенчан старым лавровым венком Стефана Батория и короля Владислава IV! Однако Красная армия подошла к Варшаве, которая едва спаслась с помощью поставок от Франции и благодаря Белой армии, ударившей в тыл большевикам. Так потерпела крах очередная попытка реализовать древнюю польскую мечту о восточной империи от Балтики до Черного моря. Эта мечта вела поляков в арьергарде Наполеона, побуждала профессоров Краковского Ягеллонского университета в 1915 году рассуждать о союзе с кайзеровской Германией ради оттеснения «азиатского», «варварского» «северного медведя» и сожалеть в 2006-м, как это делал П. Вечоркович, о несостоявшемся союзе с Гитлером. Необузданные амбиции сохраняются до сих пор.

Поскольку большевики были на грани выживания, им пришлось вновь торговать территориями ради сохранения цитадели революции. Советско-польский договор повторял Брест-Литовский, отдавал даже больше. Это был раздел Украины и Белоруссии, которого поляки вовсе не стесняются, до сих пор называя захваченную ими в 1920 году Западную Украину и Западную Белоруссию «Восточной Польшей». Именно эти территории СССР и возвратил себе после пакта Молотова—Риббентропа — это были территории Российской империи, никем до революции не оспариваемые. Отчего же сегодня мировое сообщество не считает раздел поляками Белоруссии и Украины позорным дележом добычи хищником, а возвращение этих территорий России—СССР в 1940 году приравнивает чуть ли не к преступлению века?

Вот такая Польская республика, с такой исторической идеологией и геополитическим проектом «Польши от моря до моря» и стала соучастником Гитлера в растерзании западной части Восточной Европы после Мюнхена. Но Чехословакия почему-то не считается жертвой в той степени, в какой до сих пор считается Польша. Не потому ли, что чехи даже после правомерной обиды за 1968 год не опустились до растаптывания исторической памяти? Даже во времена эйфории от возвращения в «Европу», даже во время В. Гавела с его брезгливым превосходством над «азиатской Россией», которую он не рекомендовал принимать в «семью цивилизованных народов», чехи в массе своей не допускали глумления

¹ Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 18—20.

над Победой в войне, а значит, не стали пересматривать главный итог этой Победы — сохранение у народов права на историю и на выбор, который они через 50 лет и сделали.

Когда разбирают пакт Молотова—Риббентропа, почему-то не учитывают, что Польша с самого начала сама себя позиционировала как главного врага России в любом ее обличье.

Что же великие? Ведь война и новый невиданный передел мира начинаются до пакта Молотова—Риббентропа! Отметим вехи этого кровопролитного передела, который почему-то не побудил западные демократии вмешаться, подвергнуть агрессоров осуждению, бойкоту и изоляции. В.М. Фалин справедливо указывает, что этот передел мира на Дальнем Востоке унес жизни более 35 миллионов людей — прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией уже в 1931 году. Япония тогда захватила территорию, равную площади Франции. При попустительстве мирового сообщества Япония в 1933 году захватила еще и провинцию Жэхэ, а в 1935 году вторглась в Чахар и Хэбэй.

В 1935 году Италия нападает на Абиссинию и применяет отвращающие вещества против незащитного населения. Если Лига Наций высказывается за санкции, то Англия и Франция ограничиваются лишь символическими жестами, даже отказавшись от нефтяного эмбарго, которое могло бы резко ограничить Италию. Но британский кабинет счел нецелесообразным противодействовать акциям в Африке, цинично объяснив такое попустительство целью умиротворить агрессоров и удержать их от «коренного изменения расстановки сил в Европе». Хотя этот шаг Муссолини полностью подорвал пакт Бриана—Келлога — всеевропейскую систему безопасности, президент Рузвельт поспешил опубликовать декларацию о нейтралитете, который означал полный карт-бланш не только для Италии и Японии, но и для Германии. Она незамедлительно сделала первую пробу — провела военный демарш в Рейнской области и заявила о недействительности Локарнских соглашений. Европа все это приняла и промолчала, что, конечно, было понято правильно Берлином.

В. Фалин справедливо обращает внимание на аргументацию Берлином своего разрыва с системой Локарно: Германия назвала заключение Парижем союзного договора с СССР «враждебным шагом по отношению к Германии». Фактически Германия направила Западу некое послание: раз Запад гарантирует неприкосно-

венность статус-кво на востоке Европы — там, где расположены СССР и послеверсальские страны, — Германии придется нарушить статус-кво на западе Европы. И это послание было воспринято: Германию стали откровенно подталкивать на Восток.

Стало уже хрестоматийным упоминать, что с 1933 года, года прихода Гитлера к власти, до 1939 года Германия израсходовала на перевооружение в три раза больше средств, чем США, Франция и Великобритания, вместе взятые. Сегодня можно уже слышать, что виноват в этом чуть ли не СССР.

Но именно с момента прихода Гитлера к власти сразу начинается сворачивание сотрудничества в военно-технической сфере с СССР, начатое договором Рапалло. Советское руководство не только прекрасно поняло планы Германии, но и было хорошо осведомлено, среди прочего, из донесений советской разведки о внутренних обсуждениях европейской стратегии в кабинете Рузвельта и в европейских столицах. Немцам вполне официально было заявлено советскими представителями, что «отношения между вооруженными силами как государственными институтами не могут быть отделены от большой политики правительств», а «политика Германии стала двуличной».

Англия и Франция понимали, что приход Гитлера ставит окончательно крест на Версале, но зато, что для них было важнее, скоро покончит и с духом Рапалло, не дававшим им покоя! И это побудило их даже заключить «пакт четырех» — «пакт согласия и сотрудничества», подписанный с гитлеровской Германией правительствами Франции, Англии и США, чьи архивы на этот счет до сих пор закрыты. Даже не ратифицированный из-за протестов французского общества, этот пакт, справедливо анализирует В. Фалин, ввел Гитлера в круг «признанных». Его более не ограничивали, ему лишь «предлагали» держаться в рамках. Дорога к Мюнхену была открыта. Но в итоге СССР ничего не оставалось, как альтернативным шагом резко поменять приоритеты Гитлера в августе 1939-го. За это пакт Молотова—Риббентропа и демонизируется сегодня.

Аншлюс, раздел и захват Чехословакии с попустительства западноевропейских держав прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился лорд Ллойд. «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР, — пояс-

нял он.— Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии»¹.

Япония не заставила себя долго ждать и, удостоверившись в намерении США, Англии и Франции не вмешиваться и заручившись обещаниями Германии и Италии «оказать поддержку, если СССР окажется союзником Китая», начала осуществлять «меморандум Танаки», содержание которого было известно советскому руководству уже в 1928 году. В Нанкине японцы убили более 200 тысяч человек — каждого второго жителя, а в целом японская агрессия стоила Китаю 35 млн жизней, которые, как справедливо отмечает В.М. Фалин, почему-то не принимаются в зачет в совокупной цифре потерь Второй мировой войны. Мировая война, по мнению Запада, началась лишь с нападением на Польшу!

Европа тем временем последовательно умиротворяла Гитлера и не препятствовала Италии, которая вторглась в апреле 1939 года в Албанию и 7 апреля включила ее в свой состав, приблизившись к реализации своей концепции «*mare nostrum*» — «кольцеобразного» контроля над Средиземным морем. Но пока Германия не нападет на СССР, Британия не станет воевать за свои извечные геополитические интересы. Именно они побудят Британию воевать в Северной Африке, именно в соответствии со своей преемственной стратегией Англия, вместо того чтобы прежде всего спасти демократии в Европе, бросится ограждать от будущего влияния потенциального победителя — СССР регион Проливов, Средиземноморье, Балканы, Малую Азию, Иран. Все настояния Сталина открыть второй фронт в Западной Европе будут наталкиваться на предложения Британии выступить на южном фланге. Накануне Тегеранской конференции Черчилль в качестве альтернативы плану «Оверлорд» предложит правофланговое наступление из Северной Италии на Вену, а также на «восточную часть Средиземного моря» — Родос, Эгейское море, Проливы.

Но путь к этому еще лежал через Мюнхен, аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии — действительно подлинной жертвы в отличие от Польши, уничтожившей себя своей ложной политикой.

¹ Цит. по: *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 39.

Примечательны состоявшиеся 25—26 марта 1935 года во дворце канцлера в Берлине секретные переговоры сэра Джона Саймона, министра иностранных дел Великобритании, и Гитлера, запись которых стала достоянием советской разведки и была впервые опубликована в 1997 г. Гитлер отвергает даже намек на возможность сотрудничества с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы», заявляя, что «немцы больше боятся русской помощи, нежели нападения французов», и утверждая, что из всех европейских государств вероятнее всего ожидать агрессии именно от России. Разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преимущества с ней у будущего советско-германского пакта 1939 года налицо. Именно Саймон предложил рассматривать СССР лишь как геополитическую величину и настаивал, что «опасность коммунизма скорее является вопросом внутренним, нежели международного порядка».

Однако главный смысл его «послания» Гитлеру совсем в другом — в санкционировании аншлюса Австрии. Когда Риббентроп попросил Саймона высказать британские взгляды по австрийскому вопросу, тот прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может относиться к Австрии так же, как, например, к Бельгии, то есть к стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Удовлетворенный Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия в вопросе о саарском плебисците и по всем другим вопросам, в которых оно заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии», — речь шла о конференции в Стресе 1935 года по вопросу о нарушениях Германией военных положений Версальского договора, когда Британия отвергла предложение о санкциях в случае новых нарушений¹.

А какие цели были у Соединенных Штатов, которых представляют сейчас не только как главного спасителя Европы, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, а вовсе не за собственные интересы?

США полностью повторяли свое поведение в 1914—1917 годах и вообще собирались выждать в надвигавшейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока уже не начнутся геополитические изменения структурного по-

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. В шести томах. Том 3, 1933—1944 годы. Приложение. М.: Международные отношения, 1997. С. 463—464, 467.

рядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 года. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина. Главным содержанием переговоров был вопрос о нейтралитете США в грядущей войне. Позиция Ф. Рузвельта в итоге была сформулирована так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и по настоянию Рузвельта Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»¹. Последний тезис почти полностью повторяет стратегию нейтралитета в Первой мировой войне: вмешаться, когда Евразия окажется под преимущественным контролем одной континентальной силы. Эти тезисы делают ясным, какой неприятностью для США оказался пакт Молотова—Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истожили друг друга, и собирались вмешаться лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую геополитическую доктрину «яруса мелких несамостоятельных восточноевропейских государств между немцами и русскими» от Балтики до Черного моря. Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на Восток. До сих пор распространено суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера². Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. В шести томах. Том 3, 1933—1944 годы. Приложение. М.: Международные отношения, 1997. С. 468.

² Демидов С.В. Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933—1939 гг. Рязань, Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина, 2001.

и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом». Во-первых, оно уже опозорило себя, принеся чехов в жертву своим интересам.

Во-вторых, это было бы соединение немецкого потенциала в одном государстве, это была бы ревизия Версаля, причем такая, против которой потом трудно было бы возражать — эти территории не были завоеваниями 1914—1918 годов, но входили в Германию и Австро-Венгрию до Первой мировой войны. Наконец, это ставило крест на проектах дунайской конфигурации и пан-Европы, которые усиленно прорабатывали англофил, член всевозможных обществ, австрийский граф Р. Куденхов-Каллерги и словацкий политик М. Годжа¹. Патриарх британской балканистики, блестящий знаток Восточного вопроса, а значит, хитросплетений интересов великих держав, Р.В. Сетон-Уотсон, написавший одну из своих последних работ накануне аншлюса, успел добавить в приложении скороспелый комментарий к случившемуся. В нем он едва ли не более всего сокрушается о крахе надежд на «дунайскую конфедерацию» — план, начертанный на карте 1888 года, повторенный Черчиллем Сталину в Тегеране!² Извечная стратегия — отделить Пруссию с ее выходом к Балтийскому морю от «южных немцев», которых лучше привязать к балканским славянам, чтобы предупредить обладание немцами сразу балтийским и средиземноморским побережьями в «осевом» геополитическом пространстве Евразии, а также связать дунайские водные пути, в которых Британия заинтересована, со Средиземноморьем.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его более безболезненным для его отношений с Западом продвижением на Восток, а не на Запад, и англосаксонский расчет на необузданность амбиций был точным. Агрессия на Восток давала повод вмешаться и при удачном стечении обстоятельств довершить геополитические проекты не только для стран, подвергнувшихся агрессии, но для всего ареала. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

¹ Громова А.В. Планы Дунайской федерации в программе Р. Куденхова-Каллерги и плане М. Годжи (1932—1938). Международный диалог. М, Институт международных экономических и политических исследований РАН, 2000, № 1.

² *Seton-Watson R. W. Britain and the Dictators. Cambridge, 1938. P. 441.*

В этом вопросе была активна Польша, предлагавшая Гитлеру свои услуги при завоевании Украины и заявившая сразу после присоединения Судетской области к Германии претензии на Тешинскую Силезию, отошедшую по Версалию к Чехословакии после четырех веков в составе Габсбургской империи. Уже в январе 1939 года польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза», а затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа с поляками, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю¹.

Однако англосаксонская стратегия не была успешной. Агрессия против СССР была отложена до разгрома Западной Европы.

Мюнхен и позиция «демократических стран» показали безрезультатность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии, символом которой был М. Литвинов, не без оснований считавшийся англосаксонским лобби в СССР. При нем внешняя политика СССР не просто плавно переместилась от рапальской линии в антигерманский лагерь, что было естественно после прихода Гитлера к власти. СССР вступил в Лигу Наций и начал активно демонстрировать надежду на согласие с Западом в поиске коллективной безопасности. Однако хрестоматийная история бесконечных попыток и планов показывает одно: эти переговоры и затягивания со стороны западных стран, среди прочего, имели цель отвлекать внимание СССР от поиска самостоятельных возможностей, предупредить его обращение к «сепаратному» модус-вивенди с Германией. Ни один проект не давал гарантии прибалтийским государствам — западной границе СССР, все они практически заканчивались уклонением от решительного шага². Как только М. Литвинов перестал быть наркомом иностранных дел, началось срочное рассмотрение возможности альтернативного — спасительного в тех обстоятельствах внешнеполитического курса. В итоге очень интенсивные и напряженные попытки добиться результата от западноевропейских партнеров ничего не дали, что и привело к заключению пресловутого пакта Молотова—Риббентропа 1939 года.

¹ Очерки истории Российской внешней разведки. М.: Международные отношения. С. 289—290.

² См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 2. М.: Политиздат, 1981.

Этот договор демонизирован западным мнением и историографией, хотя в нем нечего особенно больше стыдиться, чем другим державам за их «эгоистические», корыстные договоры многовекового имперского прошлого и «демократического» настоящего. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения со всеми западными странами. К тому же искони государства заключали подобные договоры с партнерами-антиподами по внутреннему культурно-этическому, социальному, правовому порядку. Христианские государства имели отношения с языческими, где приносились человеческие жертвы. Правительство Турции, страны, где сажали на кол, а отрезанные головы христиан выставлялись напоказ, в дипломатическом лексиконе именовалось «Блистательная Порта». Наконец, кроме кусочка Буковины, Сталин лишь возвратил те территории, что были «отхвачены» у России в ходе Гражданской войны. Этот термин в отношении сфер влияния, очерченных протоколом к Советско-Германскому договору, использует Киссинджер тогда, когда забывает, что через несколько страниц надо приняться за демонизацию «нацистско-советского пакта».

Э. Нольте в своей книге «Европейская гражданская война. 1917—1945» доводит свою концепцию до апогея, интерпретируя международные отношения в межвоенный период и движение к войне как схватку двух идеологий, представляющих вызов гражданскому миру и обществу, а саму Вторую мировую войну не как кульминацию стремлений к территориальному господству и к новому переделу постверсальского мира, а как начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну». Нольте предпочитает не интересоваться фактами, а те, что общеизвестны, низывает на свою схему. **Но фактом является то, что решение о дате нападения на Польшу 1 сентября 1939 года было принято Берлином еще весной 1939 года. И советское руководство было прекрасно осведомлено об этом решении. Так что тезис о том, что якобы именно пакт Молотова—Риббентропа привел к нападению на Польшу, абсолютно антиисторичен.**

Нольте называет «пакт Гитлера—Сталина» «европейской прелюдией» ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, где говорилось, что вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, ка-

ковы могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего развития политической ситуации. Фраза эта почти совпадает с текстом из цитированных заметок фон Бюлова, сделанных еще в 1890-м году в отношении планов кайзеровской Германии. Так что можно предположить, что этот тезис отражал прежде всего мышление Берлина. Фон Бюлов также полагал, что «вопрос о восстановлении Польши в какой-либо форме и присоединения Балтийских провинций следует оставить в стороне», так как разгромленная и оттесненная на Восток «Россия скорее будет удобным соседом, чем восстановленная Польша». Польским пангерманистам, столь активно интриговавшим против России перед Первой и против СССР — перед Второй мировой войной, было бы полезно знать подлинную цену Польши в глазах немцев.

Но и Москве Польша открыто и всячески демонстрировала откровенную враждебность, отнюдь не будучи невинной жертвой. Ее драматичная судьба на стыке соперничающих геополитических комплексов в момент обострения общей борьбы была предопределена не в последней степени ее извечной неприязнью к России. Давно известные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что «Польша сохраняла отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии» (посол Гжибовский — Литвинову)¹.

В.Я. Сиполс приводит ранее засекреченный материал по дипломатической подготовке войны, закулисному торгу и судорожным попыткам ряда восточноевропейских стран — прежде всего Польши, Венгрии и Румынии — получить свой кусок в ходе начатого Германией слома территориального статус-кво. Новый архивный материал не оставляет сомнений в позиции Польши: она не только исключала участие в каком-либо фронте вместе с СССР, но и немедленно заявила свои претензии на Тешинскую Силезию к Чехословакии, у которой Гитлер только что отнял Судеты. А ее виды на украинские и литовские земли даже толкали ее ревностно убеждать германскую сторону сделать ставку на Польшу, а не на «Великую Украину» — и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»².

¹ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). М.: Политиздат, 1971. С. 265.

² Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. М.: Институт российской истории РАН, 1997. С. 39.

Парадоксально, но общее впечатление о роли Польши накануне войны только подтверждают ценные материалы другой книги, где Польше посвящено два глубоких, серьезно документированных раздела, хотя их авторы — идейные и научные оппоненты В. Сиполса. Н. Лебедева приводит архивные документы о системных практических действиях СССР с целью использовать момент для возвращения утраченных территорий и как можно скорее вытеснить с белорусских территорий неизбежно нелояльных в будущей войне поляков. Негативное отношение Н. Лебедевой к этой объяснимой по целям, но, безусловно, проводимой большевистскими методами политике определено ее нигилизмом к феномену России — СССР, что побуждает сожалеть об их территориальном могуществе.

С.З. Случ с похожих идеологических позиций, ясных из характерного названия главы «Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши», объясняет лавирование Польши и ее неблагоприятное поведение драматическим положением между Сталиным и Гитлером с их «хищническими» планами. В известной мере признавая некоторую ответственность Варшавы и «явный крен во внешней политике Польши к сближению с Третьим рейхом (по инициативе Берлина)... наносивший серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе», автор тем не менее главную вину явно возлагает на возникший «устойчивый антипольский синдром» у наркоминдела и Сталина, для которого якобы «не существовало понятия “сбалансированного компромисса интересов” и значимыми величинами во внешней политике были прежде всего “сила” и “страх”, что в полной мере проявилось в отношении Польши в 1938—1939 годах»¹.

Польше было мало Западной Украины и Западной Белоруссии, которую со времен похода Ю. Пилсудского, вырезавшего там немалую часть православного населения, до сих пор называют «восточной Польшей». Что же делала Польша? Она играла опасную игру между Германией и Россией.

Общее течение политики 30-х годов привело к выделению достаточно очевидных несовпадающих интересов: западные державы, среди которых инициатива постепенно переходила к Британии, гитлеровская Германия с другими фашистскими режимами

¹ Восточная Европа между Сталиным и Гитлером. 1939—1941. М.: Индрик, 1999. С. 93.

и СССР. Британия фактически повторила свою стратегию перед Первой мировой войной и стремилась отвести агрессивный потенциал немцев на Россию. Неизбежность полной перекройки Европы становилась очевидной, и все страны, прежде всего Восточная Европа, искали свой выход из создавшегося положения, размышляли над возможностью использовать в кризисе соперников и над шансами реализовать не осуществленные ранее исторические планы.

После смерти Ю. Пилсудского руководство польской внешней политикой перешло к Ю. Беку — министру иностранных дел, который весьма способствовал ее сближению с германской. Провозглашенная «равноудаленность» между СССР и Германией оказалась фикцией.

Чехословацкие события весны-лета 1938 года воздействовали на все без исключения страны Восточной Европы, показывая, что британская стратегия «пакта четырех» начинает приносить плоды. После аншлюса Австрии и начала чехословацкого кризиса, в котором западные государства оказывали давление на терзаемую Прагу, польская дипломатия посчитала момент удачным для осуществления плана «третьей Европы». Похоже, Варшава, сохранив идеологию Пилсудского и Бека, озвученную в 2005 году историком Павлом Вечорковичем, и в начале XXI века мечтает стать организатором региона. Ю. Бек видел в самом существовании Чехословакии препятствие для польских планов стать во главе государств Дунайского бассейна и стремился привлечь к участию в дележе добычи Венгрию и Румынию, которая сообщила, что союз с Польшей будет иметь для нее большее значение, чем с Прагой, и в случае советско-польских осложнений из-за Чехословакии Румыния будет на стороне Варшавы и не пропустит советских войск.

Мюнхен узаконил оккупацию Германией Судетской области. На Западе не любят вспоминать, что их решение вполне официально сводилось к «обузданию» не агрессора, а жертвы! В.М. Фалин совершенно прав, вновь привлекая внимание историков и аналитиков, что именно это соглашение не просто деформировало всю систему международных отношений, но и стало началом захватов и полного передела Европы, которое лишь позднее перешло в кровавую стадию. До пакта Молотова—Риббентропа западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие

договоры и франко-польский союз, положили конец малой Антанте. Лига Наций фактически почилла в бозе, но главным итогом стало то, что СССР был почти загнан в геополитический мешок, лишенный инициативы. Очевидно, что именно это и было главной целью Британии.

Варшава, весьма обозленная тем, что ее не пустили стать пятым участником сговора, выдвинула ультиматум несчастной Праге с требованием отдать ей Тешинскую Силезию. Уже 2 октября «победоносные» польские войска вступили в Тешин, после чего и Венгрия заявила претензии на большую часть Словакии и Закарпатье. Амбиции стать реорганизатором «третьей Европы» неизбежно делали Польшу соучастником гитлеровских планов.

Официальная реакция Варшавы на Мюнхен была безучастной, и в Берлин поступило сообщение о том, что Варшава считает расчленение суверенного государства в центре Европы всего лишь «внутренним делом Австрии». Более того, на фоне всеобщего внимания к Австрии Польша предпринимает «пробу сил» на литовском направлении — еще бы! С Люблинской унии Варшава считает литовские, белорусские и украинские земли своей вотчиной. Ультиматум Литве после инцидента на польско-литовской границе 11 марта 1938 года не исключал «использования силы» в случае его отклонения. Литва составляла важнейшее место в польских планах «третьей Европы» и «балтийской Антанты», которые должны были осуществиться в конечном итоге через «свободное объединение этих стран». Хотя Берлин явно намеревался втянуть Польшу в свои планы, Гитлер вовсе не собирался позволить Польше самостоятельно овладеть Литвой. Литва использовалась Берлином как приманка, ее Германия якобы планировала передать Польше в качестве компенсации за передачу польского коридора рейху!

Сам же Берлин тем временем уже готовился к входу в Прагу. Британия с Францией впервые обратились к Гитлеру с нотой о предоставлении гарантий послемюнхенской Чехословакии. Но Германия чувствовала конъюнктуру и не стеснялась — Гитлер уже совсем бесцеремонно отверг ноту. Для Лондона становилось ясно, что главные события мирового значения перемещаются в Восточную Европу, и это вполне соответствовало британским планам. Но Польшу Гитлер обманывал, ибо для него временное попустительство польским амбициям нужно

было лишь для «активизации союзников» на чехословацком направлении, для привлечения к делу добычи дополнительных участников, что продемонстрировало бы мировому сообществу бесперспективность иностранного противодействия разделу Чехословакии.

На что надеялась Польша? Неужели у нее могли быть иллюзии в отношении Германии? Берлин никогда бы не подтвердил западных границ Польши, а целями Германии было возвращение Данцига! Германия, в конечном итоге, не стала бы признавать интересы Польши в Литве! Но движимая ненавистью к России Польша, что чрезвычайно суживало ее горизонт видения, не хотела понимать сугубо временную заинтересованность Берлина в Варшаве как союзнике. Но в 2005 году П. Вечоркович полагает, что Варшава могла договориться с Гитлером и занять место в отношениях с Берлином, подобное Италии.

Умиротворять Польшу даже на этапе, когда она могла послужить рейху, Берлин намеревался только за счет Чехословакии, а реальные гитлеровские планы окончательного будущего вообще не включали Польшу, что обесмысливало все польские подлости в отношении Праги. Но Варшава демонстративно сконцентрировала значительные войска в южной Силезии, чтобы оказать давление на Прагу, и параллельно провела мощные учения на границе с СССР, как бы сигнализируя Берлину, что она не пропустит советских войск, если СССР захотел бы помочь Праге. Но СССР реально не мог помочь Праге, ибо в Москве прекрасно понимали, куда развиваются события.

Даже убежденный апологет польской судьбы «между Сталиным и Гитлером» С. Случ, одновременно, безусловно, очень добросовестный исследователь, признает, что «загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства», «польское руководство пошло на открытое сотрудничество с нацистской Германией»¹. Берлин превосходно воспользовался этим. И Польшу до сих пор не смущают известные сентенции Гитлера о поляках как о пушечном мясе: «Каждая польская дивизия в конфликте с СССР сбережет одну немецкую дивизию».

¹ Случ С. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши. // Восточная Европа между Сталиным и Гитлером. 1939—1941. М.: Индрик, 1999. С. 91.

Предвоенный политический кризис 14—15 марта 1939 года, захват Праги Гитлером и провозглашение марионеточной Словакии вроде бы побудили Британию пойти на систему некоторых гарантий, из которых гарантия Польше потом переросла в соглашение о взаимной помощи. Это понятно, если вспомнить общую стратегию овладения контролем над линией Балтика—Черное море. Если бы удалось постепенно через последовательные успехи Германии на востоке Европы отвлечь агрессивные намерения Гитлера от западного направления, стимулировать этими успехами решение Германии сделать бросок в первую очередь на СССР (прибалты приносились при этом в жертву!), то британские гарантии Польше позволили бы Лондону обосновать вход в Восточную Европу «для ее защиты» и вывода ее, в конечном итоге, из-под влияния как Германии, так и СССР, истощивших бы друг друга в неимоверной схватке.

Предложение СССР заключить широкое соглашение, включающее и прибалтийские страны, было западными странами отвергнуто, а сами прибалтийские страны — полуфашистские, давно отказавшиеся от парламентаризма и котировавшиеся в европейском политическом и общественном мнении почти как гитлеровский режим, и вовсе отрицательно к нему отнеслись. В это же время — в апреле 1939 года в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вейс», и СССР был об этом прекрасно осведомлен, как и о том, что Гитлер определил крайнюю дату нападения на Польшу — 1 сентября.

Происходит замена Литвинова на Молотова. Руководство СССР, осведомленное обо всех закулисных переговорах, постепенно приходит к убеждению, что промедление может сделать процесс движения Германии на Восток необратимым и очень быстрым. Приостановить Германию тогда могло только широчайшее и очень сильное по взаимным обязательствам всеобщее международное соглашение с гарантиями странам, окружавшим Германию по всем периметрам ее границ и по стратегическим пунктам Европы. В таком соглашении Москве было отказано. Впереди маячила перспектива германского нападения, в ходе которого западные страны наблюдали бы за истреблением России до тех пор, пока «не начались бы изменения структурного порядка». Именно об этом говорилось в упомянутом докладе Ф. Рузвельта своему кабинету о позиции США в возможной войне между Гер-

манией и СССР без участия западноевропейских стран. Какие же изменения структурного порядка ожидали СССР в случае, если бы Германия решила сначала напасть на СССР?

В таком гипотетическом случае Германия, быстро истощая силы совершенно не готовой и обескровленной репрессиями советской армии, оттесняла бы СССР за Волгу и Урал, с Кавказа с его нефтью и с Черного моря. Наверное, следуя канонам своей многовековой геополитики, Британия постаралась бы запретить Проливы со стороны Средиземного моря, а со стороны Балтики и Северного моря помогла бы Польше. Заманив Гитлера как можно дальше на советскую территорию своим начальным бездействием и не пошевелив пальцем, чтобы помочь русским, пока тех не отодвинут далеко на Восток, англосаксы, конечно, не позволили бы Германии стать хозяином Евразии. Но они били бы его с Запада на российской территории, одновременно оттесняя Россию навеки из Восточной Европы, с Балтики и с Черного моря. Нешуточный конфликт разгорелся бы и на дальневосточных рубежах, куда ринулась бы Япония. Но этому, уже по канонам американской геополитики, проявившейся в годы Гражданской войны, скорее всего, воспрепятствовали бы США. Они ведь уже однажды высаживались во Владивостоке в 1919 году, чтобы предотвратить выход Японию к Забайкалью. Британия и США воспользовались бы положением России, чтобы навсегда отодвинуть ее в глубь континента от морей. (Та же стратегия в совершенно иных формах явно просматривается и в начале XXI века!) *В любом итоге России пришлось бы оказаться в тундре, что означало бы конец ее истории.*

Одновременно в Москве знали и о германских планах агрессии на Запад. Интрига состояла в том, на кого сначала пойдет Гитлер. То, что она имела уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада, было известно всем.

Даже если рассмотреть не доказанные и не доказуемые документами «намерения» СССР первым совершить упреждающее нападение на Германию, для Варшавы имелось лишь два варианта, причем с единой константой — все равно быть раздавленной в столкновении. Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться что-то полу-

читать до того и смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торгового обмена только с Германией. Это и предопределило ее судьбу в тот момент.

Готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая к тому же накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины, как и воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции, ничем не отличалась по прагматизму или, если угодно, цинизму от уже приводимых слов Саймона, открывшего Гитлеру, что «Британия не может беспокоиться об Австрии, как о Бельгии», или от нежелания западных стран гарантировать в пакте коллективной безопасности не только границы Польши, но и прибалтийских режимов, открывая путь на СССР.

Сами прибалтийские государства также стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии, и, как сообщал в Государственный департамент американский поверенный в делах в Литве, были «настроены резко против упоминания их в качестве государств, в отношении которых принимаются гарантии, в любых соглашениях между группами других держав и поэтому относятся крайне неодобрительно к предложению, сделанному недавно советским комиссаром по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих балтийских государств с Советским Союзом». Представитель Литвы «выразил надежду, что западные державы придут к соглашению в отношении ситуации в Восточной Европе без упоминания государств этого региона». Он также «подсказал» американскому дипломату, каким образом уже данная Польше гарантия Великобритании могла бы быть реализована в отношении Литвы: «Поскольку Польша по соглашению с Британией имеет право сама определять, когда независимость Польши подверглась угрозе... нападение Германии на Литву надо будет воспринимать как шаг по окружению Польши»¹.

¹ «The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State». Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939. Wash. D.C. The GPO, 1952. P. 936.

Э. Нольте называет Советско-Германский договор «пактом войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не имел аналогов в европейской истории XIX—XX веков, поэтому «оба государства, заключившие его, должны быть государствами совершенно особого рода»¹. Такое утверждение может вызвать иронию у историка. От Вестфальского мира до Дейтона двусторонние договоры, тем более многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и демократического настоящего были начертанием одними державами новых границ для других, а дипломатические секреты только этому и посвящены.

Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию, Венский конгресс, чтобы предупредить усиление ряда государств, добавил к территории Швейцарии стратегические горные перевалы. Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «Грабят Турцию». Австрия в 1908 году аннексировала Боснию, получив дипломатическое согласие держав. В секретном соглашении 1905 года между президентом США Т. Рузвельтом и премьер-министром Японии Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США соглашались на право Японии оккупировать Корею. В Версале победившая англосаксонская часть Антанты с вильсонскими «самоопределением и демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет (македонцы), кому, как Галиции перейти от одного хозяина к другому, кому, как сербам, хорватам, словенцам, быть *volens polens* вместе. В Потсдаме и на сессиях Совета министров иностранных дел были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Дж. Кеннан в 1993 году в предисловии к переизданию Доклада Фонда Карнеги 1913 года прямо призвал начертать новое территориальное статус-кво на Балканах и «применить силу», чтобы заставить стороны его соблюдать, что и было сделано в Дейтоне.

Гитлеровские геополитические планы совпадают с планами пангерманистов перед Первой мировой войной, а границу Германии по Волге требовали установить в 1914 году берлинские

¹ *Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Propiläen. 1997. S. 310—311.*

интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», а христианской России.

Советско-Германский договор 1939 года действительно изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное, договор перевернул геополитическую конфигурацию после победы.

В современной западной историографии, и более всего в публицистике, договор намеренно демонизируется как якобы чуть ли не единственный и решающий толчок к войне. Тем самым отвлекается внимание от Мюнхена и аншлюса Австрии, которые и сделали войну неизбежной. Известно, что Гитлер непременно планировал захватить устья Шельды (Бельгия) — стратегический пункт против Британии. Договор 1939 года поменял всего лишь «расписание» войны, а, следовательно, послевоенную *конфигурацию*, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР

Пакт Молотова—Риббентропа 1939 года является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать.

Для Британии наименьшие издержки сулило вступление в войну после того, как Гитлер пошел бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в их глазах меньшую ценность по сравнению с «антисоветской» Польшей, на которую с Версаля делала ставку Антанга. Британия предполагала выступить в защиту Польши, что и сделала в 1939 году. Но Лондон рассчитывал, что Германия нападет на нее в одном походе на Восток, ввязавшись в обреченную войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы малой кровью, а также сулило шанс войти в Восточную Европу с Запада «для ее защиты».

Г. Киссинджер также не удержался от суждения, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его же «приговор» и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения. Так, он приводит слова Гитлера от 11 августа 1939 г.: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренность с Россией, разбить Запад, а потом, после

его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами». Киссинджер соглашается, что «это действительно было четким отражением первоочередных задач Гитлера: от Великобритании он желал невмешательства в дела на континенте, а от Советского Союза он хотел приобрести Lebensraum, то есть “жизненное пространство”. Мерой сталинских достижений следует считать то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но это же максимум возможного и не может быть оценено иначе как выдающийся успех дипломатии! Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его высшим достижением средств, которые «вполне могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века»¹.

Что касается У. Лакера, то этот американский автор, с титулом «председателя Совета международных исследований вашингтонского Центра по изучению стратегических проблем международных отношений», даже не удосужился анализировать внешнеполитические и геополитические цели СССР и Германии. Лакер возглашает, что у тоталитарных государств их нет, как не бывает у них и внешней политики, поскольку «при тоталитарном режиме роль дипломатов сводится к роли курьеров и они не самые надежные источники для определения действительных намерений их хозяев...». Мол, ни в нацистской Германии, ни в Советском Союзе министры иностранных дел не принадлежали к ближайшему окружению диктаторов. Молотов для него, скорее, подтверждение «правила», выведенного Лакером, — «верный подручный при Сталине», фон Нейрат — «совершенный аутсайдер», а Розенберг и Риббентроп — «в лучшем случае, пребывали на отдаленных орбитах гитлеровского окружения».

В. Молотов, судя по архивным документам сессий СМВД, блестяще представлял взаимосвязь геополитических измерений и самых различных дипломатических ходов и был искуснейшим дипломатом, с яркой собственной манерой жесткого переговорщика. Он обладал великолепным умением разгадывать намерения оппонента, что и есть искусство дипломата, парировать его остроумной и обескураживающей прямолинейной аргументацией, как и вести тщательно взвешенный обмен козырями и пешками. Записи его бесед с Бирнсом и Бевиным — интереснейшее чтение не только для историка. Даже если бы было иначе, необычного в том нельзя было бы усмотреть.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 298, 302.

Именно в либеральной системе, где по конституции внешняя политика — это прерогатива президента, правительства или парламента, министр иностранных дел — несамостоятельная фигура. «Есть основания полагать, — открывает якобы нечто особое, на деле же распространенное явление У. Лакер, — что Сталин нередко поступал как раз обратно тому, что советовали ему его дипломаты... а Гитлер считал Министерство иностранных дел совершенно бесполезным». Эти сентенции Лакер предлагает в той связи, что, оказывается, «изучение дипломатических документов того периода не представляет особого интереса».

Дело, однако, в том, что дипломатические документы, доступ к которым в максимальной степени Лакеру открыт, не подтверждают ни одного из его тезисов, сформулированных во исполнение пропагандистского заказа на бульварных изданиях, статьях полусумасшедших русских, никогда не игравших роли в эмиграции, но представляемых им как ее рупор, и нацистской пропаганде, служившей лишь инструментом обработки масс. Несмотря на увертюру, вынужденный вывод Лакера звучит приговором его собственной идеологической схеме: «По дипломатическим документам того времени невозможно распознать, что речь идет о первом в истории случае прямого столкновения тоталитарных режимов — национал-социализма и большевизма»¹. Даже если бы вместо СССР оставалась Россия, Гитлеру она точно также бы мешала, ибо, как пишет Лакер, «в длительной перспективе столкновение было неизбежным вследствие гитлеровских планов экспансии в Восточной Европе». Что касается внешнеполитических ведомств, то они заняты реальной политикой и в своих внутренних разработках не тратят времени на идеологические формулы. Так и в СССР, признает академик А.О. Чубарьян, отнюдь не поклонник тоталитаризма и внешней политики Сталина, однако слишком хорошо знакомый с архивами, «МИД был наименее идеологизированным учреждением... и это было на протяжении всего периода «холодной войны»².

Лакера все же объединяет с Киссинджером типичное для англосаксонского геополитического мышления неприятие любых германо-российских договоренностей: Киссинджер обвиняет

¹ Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Изд. Проблемы Восточной Европы. Вашингтон, 1991. С. 225—226.

² См.: Громыко А.А. Дипломат, политик, ученый. М.: МГИМО. РОССПЭН, 2000. С. 21.

СССР в приверженности «Realpolitik», а Лакер именно в ней отказывает тоталитаризму. Киссинджер сокрушается о неуспехе Британии из-за того, что «установленный Версалем международный порядок требовал от Великобритании следовать исключительно правовым и моральным соображениям». По Киссинджеру, «у Сталина была стратегия, но не было принципов, а демократические страны защищали принципы, не разработав стратегии». Но и он признает, что, «независимо от моральных соображений, сдержанность Великобритании в вопросе независимости балтийских государств была истолкована параноидальным лидером в Москве как приглашение для Гитлера совершить нападение на Советский Союз, минуя Польшу».

Сами британские политики полагали действия Сталина естественно вытекающими как из исторических прав, так из обстоятельств. «Меньше всего я хотел бы защищать действия советского правительства в тот самый момент, когда оно их предпринимает, — комментировал события осени 1939 года и занятие Красной армией Западной Белоруссии лорд Галифакс в палате лордов 4 октября 1939 г., — но будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы таких действий, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я не собираюсь защищать действия советского правительства или другого какого-либо правительства, кроме своего собственного. Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы»¹. 10 октября такую же оценку дал У. Черчилль.

Разговоры о верности Версалю после упомянутой конференции в Стресе неуместны, как и ссылки на моральные принципы Великобритании после аншлюса или Мюнхена. К тому же западные державы сами имели нормальные и активные дипломатические отношения с Гитлером, вели с ним переговоры о заключении договоров. Но Киссинджеру нужна апелляция к принципам, чтобы противопоставить их «торгу на сталинском базаре». Киссин-

¹ АВП РФ. Фонд N 7, опись № 4, № 19, папка 27, лист 25.

джера возмущает, что Сталин «не видел нужды маскировать эти свои геостратегические маневры каким-либо оправданием, кроме потребностей безопасности Советского Союза»¹.

Главной предпосылкой извращенных завоевательных амбиций, оправдываемых полуязыческим нацизмом, явились версальское унижение и расчленение Германии англосаксами, в котором СССР не принимал никакого участия. Что касается феномена экономического подъема гитлеровской Германии, то сетующие на это англичане должны были бы обратиться к собственной роли в полном освобождении Германии от экономических условий Версаля и от репараций, что было в полном смысле слова продуктом англосаксонской стратегии, за что ее в течение межвоенного времени бичевал Черчилль.

В Лондоне больше всего боялись формирования германосоветского устойчивого *modus vivendi*, тем более что в германском обществе в начале 20-х годов было распространено некое «руссофильство», тяга к русской культуре. Но отношение к Советской России, исходящее из реалистического анализа возможностей отношений этих держав вне зависимости от идеологических различий, попытка выйти из международной изоляции у таких деятелей, как Ратенау, не имели ничего общего с тем, что либеральная историография (Э. Нольте), а также ангажированная публицистика (У. Лакер) приписывает «родству» Гитлера и Сталина, основанному на тоталитаризме, «формы» которого затем якобы и пришли к столкновению.

Сегодня, однако, ни Мюнхен, ни аншлюс, а именно «Пакт Гитлера—Сталина» называют европейской прелюдией ко Второй мировой войне и обрушиваются на текст секретного протокола о разделе сфер влияния. Совершается это вовсе не из моральных побуждений, а для реализации восточноевропейского эскиза не удавшейся тогда преемственной англосаксонской геополитической стратегии изъятия Восточной Европы из-под влияния России и Германии.

В этой связи интерпретация событий в Восточной Европе, особенно судьбы прибалтийских регионов Российской империи — между двумя мировыми войнами, — вернувшихся в историческое государство Российское в качестве республик СССР и вышедших из СССР в конце XX века, становится особенно важным инструментом переписывания истории XX века вообще.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир. 1997. С. 303.

«БАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ» ЭПОХИ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

Панорамная и сжатая оценка геополитического смысла разнохарактерных событий в Восточной Европе к началу XXI века демонстрирует продвижение к очевидной цели — превращению Восточной Европы, а затем и частей исторического государства Российского в сферу влияния США и НАТО. Это не только окончательно разрушает Ялтинско-Потсдамскую систему, но и втягивает в орбиту консолидированного Запада территории, никогда в истории не бывшие сферами его влияния. Смысл этого в оттеснении России от стратегических позиций на Балтике — позиций, сделавших ее 250 лет назад великой державой, при одновременном включении прибалтийского региона в НАТО, чего не было даже два века назад. Это и есть самое главное и радикальное изменение всей геополитической ситуации к рубежу XX—XXI вв. В изоляцию попадает и Калининградская область — последний оплот России на Балтийском море.

Сейчас ясно, что именно размыванию препятствий для вступления в НАТО частей исторической России служили все последовательные, хотя внешне малосвязанные программные установки западной политики в отношении процессов на территории СССР. Важнейшими из них стало постепенное признание прибалтийских государств не в качестве отделившихся частей Советского Союза, а как восстановленных довоенных государств. Россия, бывшая в начале 90-х годов в состоянии мировоззренческого паралича, не воспрепятствовала такому толкованию, хотя акты признания Россией независимости Прибалтики не содержат такого юридического тезиса, а лишь дают ссылку на «обстоятельства вхождения этих государств в СССР».

Через 15 лет в Латвии и в Эстонии русские в своей массе лишены гражданских и политических прав, а пересмотр истории, тезис об «оккупации» уже стал официальным. Российская дипломатия в силу концептуального пораженчества сама себя лишила в начале 90-х годов адекватного инструментария для отстаивания интересов России и помощи своим соотечественникам. И дипломатии, и общественному мнению было внушено, что такое положение есть объективное следствие советской истории — «преступного» пакта Молотова—Риббентропа и нелегитимного лишения советскими войсками в 1940 году независимости прибалтийских государств.

В начале постсоветского периода, отмеченного эйфорией инфантильного сахаровско-горбачевского «нового мышления», циркулировали успокоительные идеи, будто бы постепенно «интересы русского населения Прибалтики сближаются с предпочтениями титульного населения», вступление в НАТО не угрожает России, но страны Балтии должны быть уверены, что они имеют дело не с имперской, а демократической Россией¹. «Демократическая Россия» весьма далека от имперства, но через 10 лет легионеры СС и их сторонники маршируют по улицам Риги и Таллина, памятники советским солдатам низвергаются при полном попустительстве НАТО и ЕС, русские лишены права получать полноценное образование на родном языке, правительства и парламенты прибалтийских государств принимают документы о том, что Победа над фашизмом была поражением и оккупацией. Мировое сообщество на все более официальном уровне соучаствует в полном пересмотре интерпретации смысла и истории Второй мировой войны, забыв не только о собственных прежних оценках, но и о собственных прежних деяниях. Но добросовестное исследование и даже сопоставление известных событий и фактов позволяет черпать из истории совсем иные аргументы и правовые инструменты.

Западная стратегическая концепция состояла в восстановлении довоенных прибалтийских государств на том основании, что решения Верховных Советов Литвы, Латвии и Эстонии 1940 г. о вхождении в СССР якобы не имеют юридической силы, поскольку эти советы были избраны «в условиях оккупации» и «недемокра-

¹ *Тренин Д.* Балтийский шанс. Страны Балтии, Россия и Запад в складывающейся Большой Европе. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 23, 33. (Автор — тогдашний заместитель председателя Московского фонда Карнеги.)

тическим путем». Это нарушало позицию в Заключительном акте ОБСЕ, принятом в Хельсинки, ибо одним из важнейших решений этого форума было *подтверждение легитимности и территориальной целостности всех послевоенных европейских государств*. Конгресс США, единственный из всех государств-подписантов, сделал оговорку, что США по-прежнему не признают «восстановления» Прибалтики как территории СССР. Применение этой концепции позволяло объявить Россию оккупантом, демографическую ситуацию — результатом оккупационного режима, российские войска — оккупационными и подлежащими безоговорочному выводу. Важнейшим следствием этой концепции было то, что юридически эта территория изымалась с самого начала из единого военно-стратегического пространства СССР, которое унаследовано Россией по договорам в сфере разоружения. Такова и была программная установка: считать необратимым разрушение исторической России, не признавать *восстановление* утраченных территорий, объявляя это восстановление «агрессией» того же большевизма.

Следуя этой установке, работала в Москве Комиссия по рассмотрению Советско-Германского договора 1939 г. — пакта Молотова—Риббентропа. Неслучайно руководителем этой комиссии был назначен один из главных идеологов и архитекторов «перестройки» А.Н. Яковлев. От той или иной концепции, которая могла быть положена в основу рассмотрения Договора, зависели для Запада и будущие правовые и геополитические возможности втягивания Прибалтики в военно-стратегические конфигурации НАТО, и даже параметры военно-стратегического пространства. Фигура Яковлева была весьма для этого авторитетна в глазах Запада — самым мировоззрением этого члена Политбюро ЦК КПСС она гарантировала Западу нужную интерпретацию.

А. Яковлев еще в 1972 году пытался инициировать идеологический погром «русского национализма» и «великодержавного шовинизма в духе марксовской «Тайной дипломатической истории XIX века» и энгельсовской работы «О внешней политике русского царизма» — катехизиса антирусской большевистской концепции русской истории, которая господствовала в 20-е годы под руководством так называемой школы М. Покровского. В своей статье «Против антиисторизма» в «Литературной газете» он обрушился на элементы русской преемственности в советской государствен-

ной идеологии и на державно-национальную линию в руководстве КПСС. Перед тем как возглавить перестройку и стать убежденным пропагандистом американской политики и западных ценностей, А.Н. Яковлев успел опубликовать еще один «шедевр» — книгу, где в духе позднехрущевской крикливой пропаганды обличал «звериный оскал» империализма. Именно ему — гроссмейстеру прозападной версии перестройки поручили возглавить Комиссию по рассмотрению Советско-Германского договора 1939 г., которая сразу провозгласила концептуальной рамой тезис о том, что Договор будет рассматриваться ею исключительно *per se* — сам по себе, вне всякой связи с событиями до или после.

Все аргументы и приводимые исторические факты, вводящие в обсуждение иные параметры, сразу отменялись, как будто специально для воплощения принципа «антиисторизма». Как будто по с кем-то достигнутой договоренности пресекались любые попытки проследить историю и юридические основы независимости и границ межвоенных прибалтийских республик, которые были результатом Гражданской войны, интервенции Антанты и торга большевиков территориями ради власти на остальной части страны.

Полностью за кадром оставались события на международной арене, непосредственно предшествовавшие заключению Договора между СССР и Германией 21 августа 1939 года. Независимость прибалтийских государств после революции рассматривалась как некая извечная данность, как будто речь шла об отношениях России, скажем, с Францией или Данией, а то, что эти территории были утраченными территориями Российской империи, ранее вообще никогда не оспариваемыми, было сознательно изъято из самой парадигмы рассмотрения.

Уместно в этой связи напомнить, что СССР и сегодняшняя Россия — правопреемники исторической России, обладали правами на эти территории, вытекающими из международно-правовых условий их вхождения в Россию по Ништадтскому мирному договору 1721 года. Этот договор, входящий в корпус международно-правовых актов, на которых, многие трехсотлетней давности, основана легитимность территорий современных государств мира. Россия *навечно* получила эти территории не просто как победитель в Северной войне, но в результате их покупки — уплаты Его Царским Величеством Шведскому королевству «двух

миллионов ефимков исправно без вычета и конечно от е.к.в. с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным»¹. Если бы в основу действенного курса Российской Федерации в отношении Прибалтики было положено четкое понимание, что Россия отпускает не довоенные государства, а бывшие Латвийскую, Эстонскую и Литовскую республики Советского Союза, которые пожелали стать независимыми государствами, многое сегодня было бы по-другому. Это было возможно, поскольку Европа не оспаривала Заключительного акта Хельсинки, в котором признана легитимность территорий всех послевоенных государств в границах Ялты и Потсдама, то есть тот факт, что прибалтийские республики — части СССР. Только США сделали оговорку.

Однако сама российская политическая элита и управлявшая ею идеологическая группа начала 90-х годов были неспособны даже оценить последствия своих спорадических действий и вообще не использовали имевшихся бесспорных юридических возможностей для совершенно иного, спокойного развода с Прибалтикой, который сразу бы исключил будущие попытки пересмотра истории и постыдную дискриминацию русскоязычного населения. Юридические акты самих прибалтийских правительств, позволившие ввод советских войск в Прибалтику в 1940 году, хотя и были приняты под давлением СССР, что отрицать невозможно, тем не менее соответствовали юридическим нормам своей эпохи и расценивались всем остальным мировым сообществом тогда как легитимные с точки зрения международного права, не являя ничего нового и неведомого в мировой политике.

Однако сама Комиссия А. Яковлева рассматривала ввод советских войск в Прибалтику так, как если бы СССР напал на Италию. Международная обстановка, внешнеполитические усилия СССР с целью заключить договор о коллективной безопасности с западноевропейскими державами — все отбрасывалось, как не относящееся к делу, что поощрялось Западом и соответствовало всей обнажившейся программной установке XX столетия в отношении СССР. Она же полностью совпадала с ленинско-троцкистской: считать необратимым разрушение России, совершенное в 1917 году в результате революции и не без помощи Запада.

¹ Под стягом России. Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 122

Уместно вновь напомнить, что именно сама Антанта приняла решение об оставлении германских войск в Прибалтике после капитуляции Германии. Франция, спасенная лишь Россией и ее жертвами на Восточном фронте, включила в текст Компьенского перемирия 1918 г. пункт о сохранении войск кайзеровской Германии в Прибалтике при их одновременном выводе со всех других оккупированных территорий. Знарок перипетий и подлинных пружин западной политики по отношению к Восточной Европе, В.М. Фалин обращает внимание и на тот факт, что при согласовании территории Польши в Версале Антанта почему-то четко определила лишь ее западные, но не восточные границы, как будто сделав ставку на польский антирусский синдром как на запасной инструмент на будущее. Немецкие войска были выведены из Прибалтики, лишь когда их сменили англичане, чтобы обеспечить отделение этих территорий от охваченной революцией России.

В 1918 г. до капитуляции Германии страны Антанты высадили свои десанты в России исключительно чтобы помешать немцам воспользоваться военно-стратегическими преимуществами от Брестского мира. Именно этот Договор позволил оформиться на германских штыках литовским, латвийским и эстонским квазигосударственным структурам и стал первоосновой процессов в Прибалтике, приведших в 90-х годах XX века к образованию стойко антирусского балтийского звена. Но именно поэтому решения «недемократических» Верховных Советов Прибалтики от 1940 г. о воссоединении с «оккупантом» — СССР правомерны, хотя благодатным фоном для непризнания их служит развенчание пакта Молотова—Риббентропа, в котором два «тоталитарных хищника» якобы делили легитимные независимые государства. Применяя ту же схему, что предложили прибалтийские политики для событий 1940 года, можно в такой же логике сделать вывод, что в 1920 году при подписании договоров Советской России с Латвией и Эстонией никакого законного отделения Прибалтики от Российской империи не было. Ульманис, диктатор фашистского типа, приведен к власти не выборами, а немецкими властями в условиях германской оккупации этой части Российской империи. То же относится к Литве и Эстонии. Правовая сторона независимости состоит из несоответствий.

Если вся концепция построена на признании Советско-Германского договора недействительным с самого начала, то долж-

но быть новое территориальное размежевание, ибо сегодняшнюю территорию Литва получила только в результате пакта Молотова—Риббентропа — Договора 23 августа 1939 года, гарантировавшего невмешательство Германии, если СССР предпримет восстановление утраченных в ходе революции и Гражданской войны территорий. Именно в секретном протоколе говорилось, что «интересы Литвы в Виленской области признаются обеими сторонами». Но рассекреченные документы позволяют сделать вывод о том, что возвращение Литве ее древней столицы — Вильнюса произошло даже не в силу самого протокола, а именно благодаря действиям СССР сразу после Советско-Германского договора — тем самым действиям, что осуждаются сегодня.

В секретном протоколе говорилось, что северная граница Литвы есть граница разграничения интересов Германии и СССР. Но из Договора также следовало, что Литва входила в сферу Германии и, значит, гитлеровская Германия была бы ответственна за «соблюдение интересов Литвы в Виленской области». Поскольку было известно уже с весны 1939 года о решимости Гитлера покончить вообще с «прибалтийским вопросом», ясно, что Виленскую область Гитлер никому давать не собирался, что существование Литвы в его планах будущей Европы вообще не значилось. Подтверждения этому были получены советским правительством примерно в дни пересечения Красной армией существовавшей тогда советско-польской границы — на деле советские войска вступили в Западную Белоруссию, оккупированную Пилсудским в 1919 году.

В книге В.Н. Курьянова, одной из, к сожалению, немногих новых, хорошо документированных работ по этому периоду, исследован в деталях короткий, но весьма насыщенный событиями период — осень 1939 года. В распоряжение советского руководства попало два любопытных документа: проект Договора о защите между Германским рейхом и Литовской республикой от 20 сентября 1939 года и Директива Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии № 4 от 25 сентября 1939 года на ведение войны. В первом документе говорилось, что для обеспечения «взаимно дополняющих интересов обеих стран» и «не в ущерб своей государственной самостоятельности Литва становится под защиту Германского рейха», а во втором документе речь шла уже о том, чтобы «держат в Восточной Пруссии наготове

силы, достаточные для быстрого захвата Литвы, даже в случае ее вооруженного сопротивления»¹.

Сталин и Молотов немедленно вызвали в Кремль посла Шуленбурга, и в интенсивных переговорах СССР удалось добиться обмена литовской карты на польскую, в чем СССР был жизненно важно заинтересован, ибо Польша в течение всего межвоенного периода демонстративно вела себя как враг России, готовый выступить против СССР с кем угодно. СССР настоял на том, чтобы Литва оставлена была в сфере интересов СССР, а Гитлеру было предложено удовольствоваться лишь бездействием СССР, если бы Гитлер захотел взять оставшуюся независимую Польшу. Был заключен второй секретный протокол, в котором во изменение первого секретного протокола к договору 23 августа 1939 года территория Литвы уже включалась в сферу интересов СССР, а Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства — в сферу интересов Германии. Указывалось также, что германо-литовская граница будет изменена так, что небольшая часть юго-западной Литвы отойдет все же к Германии, на чем та настояла.

После этого и был заключен Советско-Литовский договор от 10 октября 1939 года. Архивы свидетельствуют не о стыде литовцев за этот Договор, а о ликовании. Литве в этом договоре передавались Вильно и Виленский край и, по донесению временного поверенного в делах СССР Н.Г. Позднякова, Литва праздновала: «С утра весь город украсился государственными флагами... Люди целовались, поздравляли друг друга»². Посол в США в Литве Норман сообщал о «праздничном колокольном звоне» и о том «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно» и о готовящихся праздничных манифестациях³.

Если Литва — довоенное государство, а пакт Молотова—Риббентропа «преступен» и признан несуществующим, то территория Литвы должна быть пересмотрена. Храня принцип «антиисторизма», Комиссия А. Яковлева запретила ввести в рассмотрение Договора с Германией тот факт, что ему предшествовали безуспешные попытки СССР заключить Договор с западно-

¹ Курьянов В.Н. Политические процессы в Прибалтике. М.: Научная книга, 1998. С. 17.

² АВП РФ. Фонд 06, оп. 1, папка № 12, дело 126, л. 60.

³ Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939. Wash., D.C. The GPO, 1952. P. 965.

европейскими странами, гарантировавший бы западные границы прибалтийских государств, которые сами стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии, и «крайне неодобрительно встретили предложение» СССР, «чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом»¹.

К моменту работы комиссии уже были рассекречены документы Архива внешней политики СССР касательно отношений между Германией, СССР и Литвой. Однако новая идеологизация воззрений на мировую политику в тот период побуждала общественность трактовать против России все, даже документы, очевидно свидетельствующие против концепции «восстановления довоенной независимости» почему-то с послевоенной территорией! Робкие попытки ввести в оборот и серьезно изучить обстоятельства событий, истинную политику Польши, Прибалтики, Германии, Британии и Франции, в основном, не вызвали никакого интереса и не могли разрушить непоколебимый стереотип схватки двух «тоталитарных хищников». Еще до работы Комиссии документы, обработанные в тщательно документированной статье сотрудника МИД С. Горлова, привлечшего также документы из Архива германской внешней политики, были опубликованы в «Военно-историческом журнале».

Многочисленные факты как из территориального передела времен революции и Гражданской войны, так и из предвоенного времени демонстрируют как юридическую несостоятельность концепции восстановления довоенных государств для обретения советскими республиками независимости в 1991 году, так и тот непреложный факт, что Литва должна быть признательна именно Советской России и СССР, и прежде всего Победе над гитлеровской Германией, за ту территорию, с которой она беспрепятственно вышла из СССР. Литовское государство возникло вопреки намерениям Англии и Франции, и они не спешили признавать Литву, рассчитывая создать вблизи границ Советской России «крепкую антисоветскую Польшу», в которую на федеративной основе вошла бы Литва.

Литовское представительство, которое провозгласило независимость еще в декабре 1917 г., сначала вознамерилось установить

¹ «The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State». Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933—1939. Wash. D.C. The GPO, 1952. P. 936.

«вечные прочные союзнические связи с Германией». Но в Литве было двоевластие. Октябрьская революция, ноябрьская революция в Германии, поражение Германии к концу войны были фоном, на котором в Вильно стихийно образовалось и было провозглашено и другое правительство — советская власть, которая объявила цель идти вместе с Советской Россией и потом приняла решение о соединении в одну республику с Белоруссией.

Весной 1919 г. на территорию Литвы с согласия Антанты вторглись польские легионы Ю. Пилсудского и 21 апреля 1919 г. захватили Вильно. Реалией было то, что польская интервенция обрушилась именно на «советскую Литву», провозгласившую цель «идти рука об руку» с Советской Россией, а в Ковно сидела власть, которая была поставлена еще в декабре 1917 года оккупационными кайзеровскими войсками. В советской историографии этому придано идеологическое значение — белополяки уничтожают советскую власть. Но польской оккупации подверглась та часть, которую поляки считали принадлежащей им с Люблинской унии, а для Пилсудского было удобнее, что она была — «советская», еще не признанная державами, «ничья».

Но когда литовское двоевластие кончилось, виленская советская власть пала под ударами Пилсудского и осталось лишь правительство в Ковно, Антанта однозначно встала на сторону Польши в ее споре с Литвой из-за Виленского края. Идея «крепкой», или «могучей» Польши, как было повторено в британском плане послевоенного устройства в 1944 году, в качестве западного форпоста была и есть постоянная цель англосаксов. Только Советская Россия в Договоре с Литвой и во всех внешнеполитических документах повторяла, что считает Виленский край литовской территорией. Мемельский край, который по соглашению между союзниками передавался СССР, через несколько лет внутренним административным актом был передан из РСФСР не независимой Литве, а субъекту советской федерации — Литовской Советской Социалистической Республике.

С. Горлов сделал известным эпизод о выкупе Советским Союзом и той маленькой части территории южной Литвы, которая должна была отойти к Германии. Этой части Литвы грозил уже ввод фашистских войск, когда 13 июля 1940 года Молотов сообщил Шуленбургу, что Сталин и Молотов «просят» германское правительство «найти возможность отказаться от этого небольшо-

го куска территории Литвы». Через три недели Берлин сообщил о готовности заняться вопросом, отметив, что «отказ от этой территории представляет для него большую жертву». В результате переговоров сумма в 7,5 млн золотых долларов, или 31,5 млн марок, была вычтена из платежей, которыми Германия была должна покрывать дефицит торгового баланса с СССР, а также поставки зерновых из Бессарабии¹.

По современным критериям демократической легитимности власти, именно Виленский совет, провозгласивший советскую власть, затем объединившийся с Белорусской Советской Республикой и в итоге павший под ударами польских войск Ю. Пилсудского, имел кое-какое легитимное происхождение, так как этот Совет возник 8 декабря 1918 г. хотя и в присутствии германских войск, но уже после капитуляции Германии, когда эти войска уже не были оккупационной властью и ожидали вывода. А так называемая Литовская Тариба в Ковно, провозгласившая «восстановление» независимости и «вечных прочных союзнических связей» с Германией, была поставлена в декабре 1917 г. именно кайзеровскими оккупационными властями, а, значит, не имела никакой легитимности. Именно с этой структуры сегодня Литва отсчитывает свою независимость.

Большевик Иоффе, подписывавший договоры с Латвией и Эстонией, представлял правительство, не контролировавшее территории страны и никем в мире не признанное. А договоры содержали тайные и устные статьи. Так, Латвии была передана Латгалия — часть Витебской губернии взамен на определенные услуги — помощь большевикам в вытеснении Белой армии. Самопровозглашенное правительство Эстонии, чью независимость потребовал от Северо-Западного белого правительства признать английский представитель, приняло самое существенное участие в окружении и разоружении армии белого генерала Юденича, которому незадолго до этого отказало в помощи. По требованию Троцкого белые соединения были посажены за колючую проволоку, где тысячи людей погибли. За это эстонцы получили от большевиков около 1000 кв. км русских земель по мирному договору от 2 февраля 1920 г. и требуют их сегодня.

¹ Горлов С. СССР и территориальные проблемы Литвы. Военно-исторический журнал. 1990. № 7.

Письмо наркома Г.В. Чичерина красноречиво отражает циничное манипулирование и доктринами, и территориями. «Самоопределение есть принцип, применимый в общем и целом, а не в отдельных географических пунктах, — рассуждает Чичерин. — Во всех наших договорах, не только в Брестском, но и во всех последних наших договорах, мы по отношению к отдельным местностям нарушали этот принцип. Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские местности Польше». Далее следует изложение революционной целесообразности в применении этого принципа в качестве обычного инструмента Realpolitik: «При борьбе Советской Республики с капиталистическим окружением верховным принципом является самосохранение Советской Республики как цитадели революции»¹.

Учитывая нелегитимность первых правительств прибалтийских республик, а также незавершенный статус Советской России, которая никем еще не была признана, не контролировала будущей территории, можно утверждать, что межвоенный статус прибалтийских государств юридически ущербен, а события 1940 года могут вполне обоснованно рассматриваться как правостановительный акт, ибо никакого легитимного отделения от Российской империи не было, а была временная утрата территории в результате Гражданской войны и революции.

Не давая отпора постепенному внедрению в политическое сознание прибалтийской концепции «воссоздания довоенных государств», Российская Федерация позволяла трактовать, что данные республики в течение 50 лет «были оккупированы» и, следовательно, находящиеся там войска — «оккупационные», подлежащие безоговорочному выводу, а демографическая ситуация — итог «оккупационного режима», что оправдывает лишение «колонизаторов» политических прав. Очевидный провал внешней политики начала 90-х годов в этом важнейшем регионе сегодня обернулся для России некомпенсированной утратой выхода к морю на Балтике, членством прибалтийских республик в НАТО и превращением их в наиболее враждебный России отряд в европейских международных структурах. В демократической Европе, гордящейся своими стандартами в области соблюдения прав че-

¹ АВП РФ. Фонд 04, оп. 51, папка № 321а, д. 54 877, л. 21.

ловека, появился огромный контингент «неграждан» — лиц без гражданства.

Впрочем двойные стандарты не новы. По-разному оцениваются разделы Ю. Пилсудским Белоруссии и Украины и «разделы Польши» Россией и «Советами». Не должно удивлять и снисходительное отношение к маршам легионеров СС в Риге и Таллине, снос памятников борцам с фашизмом.

После Второй мировой войны, когда началась холодная война и англосаксонские страны были заинтересованы в германском «реваншизме», вплоть до 60-х годов США снисходительно смотрели на активизацию нацистских деятелей и поощряли западногерманских реваншистов, которые не признавали ни передачи Силезии Польше, ни Судет — Чехословакии. В Вашингтоне не считали это отклонением от «моральных принципов» американской внешней политики. А когда на рубеже 60—70-х годов «новая восточная политика» ФРГ освободилась от бесплодных и парализующих ее самостоятельность установок, признала Мюнхенский сговор недействительным, в США и Великобритании с беспокойством опять говорили о «духе Рапалло» и даже требовали остановить «безумный бег Вилли Брандта в Москву»¹.

¹ См.: Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика» ФРГ. М.: Наука. 1979.

ЧТО ТАКОЕ ЯЛТА И ПОТСДАМ

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было фактическое преемство СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это и определило неизбежность «холодного» противодействия именно этим результатам Победы. Ибо на месте Великой России появилась новая сила, способная, пусть в иных формах и проявлениях, также сдерживать устремления Запада. Можно сказать, именно это вызвало Фултонскую речь У. Черчилля — последнего и ярчайшего представителя классической британской внешнеполитической идеологии. В политике США отчетливо стала проявляться их цель с 1917 года — непризнание любых форм восстановления преемственности российской истории.

А вот что означала так называемая Атлантическая хартия — декларация Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 года об общих целях войны. Она превозносится как средоточие абстрактных демократических принципов, акцент делается на отсутствии у США и Британии «стремлений к территориальным или другим приобретениям». Хартия близка по духу Программе В. Вильсона и ленинскому Декрету о мире («мир без аннексий и контрибуций»). Но декларированный отказ признать «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», никогда не анализировался в широком идеологическом, политическом и международно-правовом контекстах.

На самом деле именно эта хартия стала первым провозглашением глобалистских критериев и права англосаксонских держав назначать сами критерии. До того как определились итоги войны, хартия провозгласила «право всех народов избирать себе форму

правления, при которой они хотят жить». Народы никогда не испрашивали у кого-либо разрешения, следовательно, смысл такого заявления в другом — в провозглашении права США и Британии выносить суждения о внутренней политике других государств. Это претензия, немыслимая в классических международных отношениях, — судить, являются ли существующие суверенные государства «угнетающими права своих народов» (не чужих, а своих собственных!), и оказывать давление и подвергать сомнению чужой суверенитет.

США и Великобритания объявили и о своем решении содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». На фоне гитлеровской агрессии против всей Европы это звучало красиво, *но никакой ссылки на гитлеровские завоевания в документе не было.* Это означало «освободить» не только тех, кто подвергся нападению или захвату гитлеровской Германией, но и других, находившихся в составе суверенных государств в ареале, охваченном войной. Под «нациями» имелись в виду не только государства, но и народы, которые не имели своей государственности. Если бы этот пункт был расшифрован требованием вернуться к «положению до войны», это означало бы лишь отмену всех завоеваний гитлеровской Германии, стран оси и сателлитов.

Это было провозглашением права признавать или не признавать довоенные реалии. Фактически — это эвфемизм для объявления карты мира «чистой доской» и своего права «начертать судьбу населяющих ее народов», как гласила формулировка полковника Хауза, расшифровывавшая пункт об охваченной революцией России из программы «14 пунктов». Именно так поняли декларацию простодушные депутаты британского парламента и встревожились возможным распространением положений Атлантической хартии на судьбу английских колоний. Тут-то Черчиллю пришлось все же уточнить, что имелись в виду народы под нацистским гнетом. Но Рузвельт имел в виду Прибалтику, югославы, все российские народы кроме русского — «жертвы империалистической политики коммунистической России», которые будут фигурировать в законе конгресса США P.L.86—90 «О поработенных нациях» 1959 года. Рузвельт, похоже, программировал еще дальше — конец столетия.

Но в то время как Рузвельт и Черчилль приглашали СССР к подписанию хартии и военному сотрудничеству, за дверями внеш-

неполитической кухни Вашингтона и Лондона варился питательный бульон будущего пира победителей по весьма старым рецептам. Сравнение с официальными декларациями и идеологической внешнеполитической пропагандой весьма впечатляет.

В Архив внешней политики России попал редкий документ — секретный меморандум Государственному департаменту американского Совета по внешним сношениям (так в те годы в секретных записках НКВД именовали Совет по международным отношениям) от 22 августа 1941 года под весьма циничным названием «Вопросы американской политики, касающиеся нацистско-большевистской войны». Через неделю после Атлантической хартии с ее проповедью борьбы за свободу народов и демократию этот документ показывает изнанку, прагматизм которой смутил бы Талейрана и Макиавелли. Перечень вариантов поведения США демонстрирует интересы, весьма отличные от официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив.

В СЛУЧАЕ НАПАДЕНИЯ ЯПОНИИ НА ПРИМОРЬЕ ДОЛЖНЫ ЛИ ТОГДА США ВМЕШАТЬСЯ ПУТЕМ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ?

А. Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.

Б. Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

ЕСЛИ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА БУДЕТ УСТАНОВЛЕН РЕЖИМ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГЕРМАНИЕЙ

А. Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.

Б. Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония).

ЕСЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РЕЖИМ СОХРАНИТСЯ:

А. Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.

Б. Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств¹.

¹ Выделено Н.А. Нарочницкой.

Не «право народов избирать свою судьбу», а российско-германский баланс, создание между ними буфера через «переселение народов» под собственным контролем и Транссибирская магистраль — одним словом, реальный ключ к контролю над Евразией — вот главная забота при оценке смысла участия США в войне. Роль Китая, Японии в самых классических традициях баланса сил и Realpolitik меняется на 180 градусов от опоры до противника в зависимости от исхода схватки. Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения:

«Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»¹.

Разве это не полное подтверждение геополитической стратегии англосаксонского мира в отношении Германии и России от начала до конца XX столетия? Поэтому Восточная Европа, начиная с 20-х годов, находилась в эпицентре мировой политики, вокруг нее велись великие войны XX столетия. Она стала неизбежной ареной противоборства в годы «холодной войны» и главным театром стратегии расширения НАТО в 90-е годы.

Ялтинско-потсдамская система была сокрушительным ударом по этому плану. Как тут не начаться холодной войне! Кстати, Зб. Бжезинский прямо полагает, что именно США в первые пять и даже десять лет холодной войны первыми прямо нацелили свою политику «сдерживания», потом «отбрасывания» на тот самый ареал, который был согласован в Ялте и Потсдаме, — на Восточную Европу, в то время как «сталинский СССР» до середины 50-х годов едва справлялся со своим наследием и даже провел масштабную демобилизацию². Но геополитический рисунок этой стратегии США был практически полностью воспроизведен в 90-е годы. Именно

¹ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, № 213, папка 25, л. 3.

² Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182—183.

на эти «буферные» восточно- и центральноевропейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-е годы, после краха России—СССР.

Россия ушла из Восточной Европы, «организатором» которой всегда были либо она, либо Германия. Западную Европу по-прежнему консолидировал блок НАТО. Но, чтобы «социалистическая Восточная Европа», выйдя из-под российского контроля, не рассыпалась окончательно в постверсальский ярус мелких, не-самостоятельных государств, и чтобы у Германии не проснулись идеи «Срединной Европы», ее надо было срочно скрепить атлантическим постъялтинским каркасом под англосаксонским контролем. Возвещенное Д. Рамсфелдом перемещение атлантического центра на Восток, в «новую» Европу, стало вторым «Версалем».

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА — КОНТР-ЯЛТА

Вся послевоенная история и, что особенно доказательно, «перестройка» показали, что именно Ялта и Потсдам как система равновесия с СССР, именно эти итоги были неприемлемы для Запада, а не страх перед идеей коммунизма или броском советских танков в Западную Европу. Политика англосаксонских союзников в непосредственно два послевоенных года представляет собой достойное продолжение стратегии Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе после Русско-турецкой войны 1877—1878 годов с целью свести к минимуму потенциал русской победы.

В ходе Второй мировой войны видно, как менялись представления Британии о послевоенной конфигурации и британской стратегии в Европе в связи с успехами Красной армии и вырисовывающимися новыми геополитическим очертаниями сферы влияния СССР. Важные документы из архива советской разведки раскрывают смысл предыдущих известных документов и подтверждают наличие планов холодной войны вне зависимости от потенциального поведения СССР в отношении Западной Европы¹. Это три документа, касающиеся британских планов: меморандум министра иностранных дел Великобритании А. Идена от 28 января 1942 года, письмо Идену английского представителя при временном правительстве Франции Д. Купера от 25 июля 1944 года и ответное послание Идена и, наконец, документ «Безопасность Британской империи» от 29 июня 1945 года — доклад (меморандум) штаба военного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании², который был

¹ См.: Царев О.И. СССР—Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941—1945 гг.). М.: Новая и новейшая история. № 1, 1998 г. С. 92—105.

² Документ хранится в Архиве службы внешней разведки Р.Ф., Дело № 43 106 «Спецсообщения из Англии». Царев О.И. СССР—Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941—1945 гг.). М.: Новая и новейшая история. № 1, 1998 г. С.93

положен на стол Сталину 6 ноября 1945 года, за несколько месяцев до Фултонской речи У. Черчилля. Эти документы свидетельствуют об эволюции позиции Лондона от преимущественных опасений перед мощной Германией к перенесению роли главной угрозы на СССР.

В первом меморандуме Иден без всякой идеологизированности рассуждает о планах англо-советского сотрудничества для недопущения германской гегемонии в будущем, что отражает еще видение мира в европейских критериях периода Первой мировой войны и дух Антанты. В этом плане 1942 года идея создания западноевропейского блока расценивается как крайне неплодотворная! Очевидна и недооценка финансовой и политической мощи США, которые весьма скоро стали определять всю европейскую политику. Примечательно, что при анализе возможных условий со стороны Сталина Иден предполагает совершенно естественным услышать требование закрепления западных границ СССР на 1941 год и пишет во внутренней разработке Форин офис, что у СССР на это был неопровержимый аргумент: «Он требует только того, что являлось русской территорией», что «прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР», а «финская и румынская территории были предоставлены Советскому Союзу до договоров, законно заключенным с Финляндией и Румынией!» Поистине сегодня происходит полная ревизия истории!

Более того, Иден расценивает такие потенциальные условия весьма умеренными, полагая нормальным со стороны Сталина потребовать много больше — «контроля над Дарданеллами... доступа к Персидскому заливу и Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территорий».

По мере того как выяснялись параметры победы и роли СССР, британские планы уже меняются на противодействие новой мощи СССР, для чего одним из средств могло бы стать создание западноевропейского блока и «могучей Польши», которая, «помимо ненависти к России... является единственным фактором, отделяющим Россию от Германии». Эти планы вписываются в англо-саксонскую идею фикс — создание под своим контролем яруса государств между Германией и Россией. Что касается ставки на «сильную» (Антанта), «могучую» (Купер) или «атлантическую» Польшу, каковая получилась сегодня, то история за более чем два века от Наполеона говорит о том, что при российском укреплении

польская карта всегда сбрасывается западным игроком как ненужная, а приоритетом становятся отношения с Россией.

Рассекреченные переговоры союзников по делам послевоенного устройства наглядно демонстрируют не бóльшую «цену» Польши в глазах англосаксов, чем она имела в глазах Гитлера! Беседа И. Сталина с У. Черчиллем от 14 октября 1944 года в ходе визита У. Черчилля и А. Идена в Москву начинается с оправданий Черчилля перед Сталиным: «Он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это». Черчилль добивался от поляков, чтобы те смирились с тем, что союзники не собираются давать им голос на мирной конференции, и со всеми условиями их послевоенного статуса и границ, что были согласованы союзниками.

Победное шествие Красной армии, превращение СССР в супердержаву, а Восточной Европы — в зону его интересов делали идею «могучей» Польши неактуальной. Задача британцев была не раздражать Сталина такой безделицей, как Польша, а уговорить ее расстаться с иллюзиями собственной значимости, да еще скрыть трудности этого диалога от общественности и не дезавуировать Ф. Рузвельта, готовящегося к выборам, ибо «если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред президенту на выборах». «Поэтому, он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США». Черчилль «сдавал» Польшу, чтобы отстоять то, что для Британии было куда важнее, — положения и условия региона Черного моря и Проливов. Сталин предлагал в качестве основы польской границы «линию Керзона», а Черчилль заявил, что «поляки были бы готовы принять документ, если бы в этом документе было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но протестуют против нее». «Это не подходит», — невозможно отверг Сталин, и беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство

полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши»¹.

К 1945 году планы послевоенного устройства в документе «Безопасность Британской империи» уже открывают период истории XX века, известный как холодная война. Будучи директивой Министерству иностранных дел и военным ведомствам Великобритании, доклад официально называл СССР главным противником и намечал ряд военно-политических мероприятий, которые позднее с точностью были реализованы Западом, а именно — «установление особых отношений» с США, «участие западноевропейских стран в защите Великобритании, создание блоков НАТО, СЕНТО и СЕАТО и сети баз по всему миру». Когда прозвучала Фултонская речь Черчилля, для Сталина, имевшего уже за несколько месяцев «документ о безопасности Британской империи», она стала лишь пропагандистским хлопком!

На сессиях СМВД в 1945—1946 г. почти полностью повторился англосаксонский подход к устройству Европы, и особенно Балкан, конца XIX века. Классический восточный вопрос проявился в спорах по Дунаю, Триесту, судьбе бывших итальянских колоний, которые СССР предложил сделать на 10 лет подмандатными территориями и запросил мандат на Триполитанию. Британия категорически воспротивилась присутствию России—СССР в Средиземном море, ибо, как выразился Дж. Бевин, «это может разделить Британскую империю на две части».

Особенно тяжело было смириться с восстановлением обретенных Петра Великого, не дававших старушке Европе покоя в течение двухсот лет. К ним добавилась в результате победы Калининградская область. Конгресс США периодически делал заявления в косвенной форме в отношении Прибалтики. США сделали все, чтобы никогда не реализовались мечты Сталина вернуть Карс, Ардаган, которые по Берлинскому трактату 1878 года отошли к России, но были незаконно оккупированы Турцией в 1918 году. Именно большевики сдали эти территории взамен на согласие Кемаля Ататюрка на советизацию Закавказья по сценарию пантюркистов. (Поэтому Ленина там уважают.) Об этих территориях, незаконно отторгнутых в ходе революции, был правомерно поставлен во-

¹ Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С. 145.

прос советской делегацией на Ялтинской и Потсдамской конференциях¹. Вот за что Сталина так демонизируют на Западе, в то время как Россия его отвергает за репрессии.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР гораздо меньше, чем принято думать, став к тому же тяжкой обузой, необходимостью сдерживать своих нелояльных «братьев» — поляков и венгров, которые, куда более чем немцы, только и мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом в этой войне было бы восстановление, кроме Прибалтики, совокупности тех территорий и позиций исторической России, которые сделали ее державой, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла», — это положения Берлинского трактата: Карс, Ардаган и беспрепятственный и гарантированный проход по Черноморским проливам. Это были до революции территории России, которые никем не оспаривались. Но именно против этого скалой встали англосаксонские союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Конгресс США последовательно не признавал Прибалтики как часть СССР вплоть до 1990-х годов и вдохновил концепцию «восстановления довоенных государств» вместо отделения от СССР.

Еще скрытая от мира холодная война началась почти сразу на созданных форумах по послевоенному урегулированию. В ходе переговоров и бесед Молотова, Государственного секретаря США Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина на первой сессии Совета министров иностранных дел в сентябре-октябре 1945 года начались позиционные дипломатические бои. Материалы заседаний и особенно записи бесед глав внешнеполитических ведомств показывают очевидную линию США и Британии: признать в качестве максимума для СССР включение лишь Восточной Европы в его военно-стратегический и геополитический ареал (чему уже нельзя было воспрепятствовать) и категорически не пустить СССР на Балканы. Граница «зоны безопасности» СССР от Балтики на Юг ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря, то есть не опускаться на Юг по

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М.: Политиздат, 1945. С. 159.

берлинскому меридиану. Ее надо было завернуть на Восток, чтобы полностью отделить Черное море от Южной Европы и оставить все Средиземноморье под контролем будущей НАТО.

Рассекреченные лишь в 90-е годы переговоры на сессиях Совета министров иностранных дел после 1945 года дают об этом полное представление. Официальные заседания СМВД и выступления на них Молотова, Дж. Бирнса и Э. Бевина полны дипломатических недоговорок, скрывающих истинные позиции. Молотов предлагает бывшие колонии «побежденных держав» передать в качестве подмандатных территорий под временное управление союзников, а, в частности, Триполитанию — Советскому Союзу. Против такого решения судьбы итальянских колоний — на самом деле против обретения СССР точки опоры в Средиземноморье — упорно возражают Бирнс и Бевин, ничем убедительным своего отказа не мотивируя, хотя их понять можно.

Молотов настаивает на скорейшем признании правительств Румынии, Венгрии и Болгарии, но США и Британия повторяют изо дня в день, «что эти правительства созданы недемократическим путем», хотя только что признали такие же правительства в Польше и Чехословакии. Молотов взывает к совести союзников, говоря, что «СССР ведь не вмешивается в формирование правительства в Греции, которое проходит под полным контролем англичан», и намекает, что в случае задержки с признанием правительств Венгрии, Румынии и Болгарии и выработкой мирных договоров с ними СССР не сможет подписать договор с Италией, что отодвинет решение вопроса об итальянских колониях, в том числе возвращение Греции Додеканезских островов. Стороны изо дня в день спорят по процедурным вопросам, записи бесед трех дипломатов показывают натянутую обстановку, беседы наполнены мелкими взаимными обвинениями. Из череды повторяющихся одни и те же позиции встреч резко выделяется одна.

В беседе В.М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином наедине 23 сентября 1945 года карты открываются. Бевин начинает беседу с откровения, что трудности сессии «не процедурного, а политического характера», и «если обе стороны не будут действовать осторожно, то существующие между ними различия в подходе к европейским проблемам создадут трудности, что будет иметь серьезное значение». Далее следует откровенное изложение контуров британских интересов в Европе.

Интересы весьма традиционные, знакомые по прежним векам, о вселенской демократии и правах человека ни слова. «Советское правительство правильно делает, что требует дружественных Советскому Союзу правительств в Восточной Европе и безопасности для себя. Но стоит лишь ему, Бевину, мимоходом поговорить с кем-то из соседей Великобритании на Западе, как его подозревают в том, что он стремится создать Западе блок против Советского Союза». «Британское правительство стремится лишь к свободному сотрудничеству со своими соседями, не имея никаких плохих намерений, а в других частях Европы британское правительство стремится к восстановлению тех прав, которые у него были до нападения Германии на Великобританию и за восстановление которых она вела войну».

Что касается Триполитании, Бевин дипломатически, но однозначно выразил несогласие с присутствием СССР в Средиземном море: «Черчилль в свое время говорил, что в одной из бесед с ним Генералиссимус Сталин сказал, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземное море. У Великобритании нет планов против Советского Союза... Если бы он, Бевин, знал, каковы планы Советского Союза в Европе, он откровенно изложил бы, что приемлемо для Великобритании, и предложил бы, как можно было бы согласовать политику обеих стран». Бевин выразил недоумение в связи с тем, что «Молотов отказался дать ему определенный ответ по поводу Додеканезских островов». Британский министр также поставил ребром вопрос о «международных внутренних водных путях в Европе», пояснив, что при обсуждении этого вопроса он «просил лишь о том, чтобы при установлении международного режима на водных путях британскому правительству было возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны».

Бевин показал, что вопрос о признании болгарского, румынского и венгерского правительств — лишь обменный козырь в более важных вопросах, среди них — «водных путей» и присутствия в Средиземном море. Открывает карты, в свою очередь, и Молотов. В отношении Додеканезских островов Молотов также показал, что сам по себе этот вопрос не разделяет союзников, но используется им для торга, сославшись на такую же методу США и Британии: «Додеканезы — это маленький вопрос, и мы договоримся о нем с Великобританией, и Греция, конечно, получит эти острова.

Но когда в Берлине советская делегация поставила вопрос о советских базах в Константинополе, советские предложения были отклонены, а, между прочим, в прошлую мировую войну британское правительство обещало отдать Константинополь царскому правительству. Советское правительство на это не претендует. (Выделено автором.)

Почему Великобритания интересуется Черноморскими проливами? Черное море — внутреннее море, и вместе с тем небезопасное для Советского Союза, как показала эта война. Турция не может оборонять одна Черноморские проливы. Британское правительство, однако, не хочет, чтобы Советский Союз договорился с Турцией по этому вопросу. Он, Молотов, видит, что отношение теперешнего британского правительства к Советскому Союзу гораздо хуже, чем его отношение к царскому правительству в 1915 году. В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок. А когда мы поставили вопрос о том, чтобы нам дали хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании... Между тем Великобритания не может иметь монополии в Средиземном море, где сейчас Италия перестала быть силой, а Франция не занимает прежнего положения. Великобритания осталась там одна. Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?» (Выделено автором.)

Переходя к поставленной Бевиным теме «водных путей в Европе», под которыми имелось в виду дунайское судоходство, Молотов тут же увязал ее с Балканами, высказавшись, что «более правильно решать этот вопрос с точки зрения временного положения, то есть периода оккупации, периода до заключения мирного договора с балканскими странами — бывшими сателлитами Германии. Против советской делегации всё время совершается наступление в целях, чтобы развязать противоречия на Балканах. Мы считаем это опасным».

Что же Бевин? Он возвращает укоризну — оказывается, именно «в Англии сейчас считают, что Советский Союз и США обращаются с Великобританией, как с низшей нацией». В вопросах присутствия в Средиземном море, прикинувшись наивным, Бевин выразил готовность «заняться изучением вопроса о Проливах, хотя не обсуждал его с тех пор, как он стал министром иностран-

ных дел. В отношении Триполитании он, Бевин, может сказать, что Великобритания не хочет такой большой монополии в Средиземном море.

Но британское правительство сильно опасается того, как бы чего ни случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части. (Выделено автором.) Если бы он, Бевин, действовал только в интересах Британской империи, то он отдал бы Триполитанию под опеку Италии. Но он хочет оставить за Великобританией Киренаику в силу тех обязательств, которые Великобритания имеет в Египте и других странах этого района».

«Британское правительство хочет объединить Эритрею и ряд других территорий и держать их в разоруженном состоянии. Если Абиссиния пожелает получить выход к морю, то это не встретит затруднений. Вот чего требуют британские интересы, и он, Бевин, хотел бы, чтобы это было принято. Что касается Додеканезских островов, то британское правительство хочет возможно скорее вернуть их грекам, передав вопрос о демилитаризации их на рассмотрение Совета Безопасности». **«Британское правительство стремится восстановить свои права на международных водных путях в Европе независимо от того, будет ли установлен временный или постоянный режим на этих путях.** (Выделено автором.) Если британские интересы на международных водных путях в Европе будут признаны, то это устранил еще один источник сомнений». И тут Бевин прямо и цинично намекает, что «Британия могла бы изменить свое негативное отношение к признанию румынского и болгарского правительств и вновь оценить, не является ли политика британского правительства по отношению к этим странам неправильной»¹.

Переговоры свидетельствуют о том, что Великобритания еще играла сама по себе и в определенной степени допускала разделение зон ответственности с СССР. Главным предметом торга или соперничества был извечный вопрос о военно-стратегическом контроле в Средиземноморье и Проливах. Первостепенной важности темой для Британии был и «режим международных водных путей», что делало положение в дунайских странах — Венгрии, Румынии и Болгарии — куда более стратегически важным, чем в Польше. Великобритания и США требовали равных прав для

¹ АВП РФ. Ф. 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, л. 47—48, 49—50, 51—53.

дунайских и недунайских стран. СССР настаивал на отличии статуса прочих государств от дунайских, которые состояли из подконтрольных ему Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, перспективно не подчиненной Западу Югославии и нейтральной Австрии. В число дунайских стран Сталин включил и Украину.

Государственный секретарь США Дж. Бирнс в беседах с Молотовым был не лучшим защитником «демократии», чем его коллега из Лондона, и точно также «сдавал» Польшу и обменивался козырями. «Генералиссимус Сталин... справедливо указывал, что СССР не может мириться с тем, чтобы в Польше было недружественное СССР правительство», — начал свои предложения Молотову Государственный секретарь США Дж. Бирнс 19 сентября 1945 года на Первой сессии СМВД в Лондоне.

Дж. Бирнс также шантажировал Молотова непризнанием румынского, венгерского и болгарского правительств, а Молотов вновь повторял: «Если Соединенные Штаты откажутся подписать мирный договор с Румынией и Болгарией, советское правительство не сможет подписать мирный договор с Италией»¹. Детальнейшие споры по Дунаю, на полной интернационализации которого настаивали США и Великобритания, а также вокруг статуса и территориального раздела Триеста и прав в нем Италии и Югославии, которые рассматривались спорящими сторонами в качестве проводников интересов противостоящих частей Европы, занимали огромное время на последующих сессиях СМВД в Париже и Нью-Йорке, в мае и декабре 1946 года.

О чем это говорит? Налицо **многовековая геополитическая реальность — Восточный вопрос**: Проливы, контроль за Суэцким каналом — выходом в Индийский океан к британским доминионам, категорическое «нет» допуску СССР в Средиземноморье, предотвращение его альянса с балканскими странами, прежде всего с Грецией.

Когда мировая общественность услышала Фултонскую речь Черчилля, советское руководство было уже знакомо с докладом «О безопасности Британской империи» и столкнулось с дипломатическими баталиями на сессиях СМВД, скрытых от общественности. Забавно, что Бирнс прикинулся в одной беседе с Молотовым в 1946 году, будто не был заранее знаком с содержанием речи

¹ АВП РФ. Ф. 0512, опись № 4, док. № 304, папка № 31, л. 16.

Черчилля. Но М. Гилберт — издатель личных архивов Черчилля — воспроизводит запись Черчилля о том, как в ходе визита в США перед своим выступлением в Фултоне Черчилль показал текст Дж. Бирнсу, «который пришел в восторг и не предложил никаких изменений». Президент США к тому же сообщил Черчиллю, что одновременно в Мраморное море «на неопределенный срок» уже собирался американский морской отряд особого назначения, состоящий «из самого мощного в мировом флоте линкора “Миссури”, двух новейших и мощнейших авианосцев, нескольких крейсеров и дюжины эсминцев». Предлогом было сопровождение тела внезапно скончавшегося турецкого посла в Вашингтоне, на деле же разворачивался сюжет Восточного вопроса.

Дж. Кеннан, поверенный в делах в СССР, сообщил из Москвы о предполагаемых «усилиях расширить официальные границы» советского контроля, распространив их на некоторые соседние пункты, «рассматриваемые как непосредственная стратегическая необходимость», среди которых были названы северный Иран и Турция¹. Стало известным, что СССР собирается пока вывести лишь часть войск из северного Ирана, а также вновь в обращении В. Молотова **напрямую** к министру иностранных дел Турции А.Л. Эркину поставил вопрос о возвращении Карса и Ардагана, а также предложил Турции совместный советско-турецкий контроль Проливов².

Заметим, что в Потсдаме в ответ на постановку Сталиным вопроса о советской базе в Дарданеллах Черчилль сам взамен предложил и обещал пересмотреть в пользу СССР и черноморских стран Конвенцию о Черноморских проливах Монтрё от 1936 года. Но когда на последующих форумах Молотов напоминал о том, что «в 1921 году турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении», и что «конвенция в Монтрё давно не устраивает» СССР³, союзники уже однозначно и в унисон выступили в поддержку Турции. Брита-

¹ *Gilbert Martin. Never Despair. Winston S. Churchill. 1945—1965. London, Toronto: Stoddart Publishing Co, 1988. P. 195—196, 194.*

² *Erkin Feridun Cemal. Les Relations Turco-Sovietiques et la Question des Détroits. Ankara, 1968, p. 323—327; Gilbert Martin. Never Despair. Winston S. Churchill. 1945—1965. London, 1988.*

³ См. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М.: Политиздат, 1954.

ния опять жестко держала под контролем Восточный вопрос, как и перед Первой мировой войной. Скорее всего, к концу Первой мировой войны обещание Англии в отношении Константинополя испарилось бы так же, как изменилось ее отношение к Черноморским проливам к 1945 году, хотя встречные позиции в «Месопотамии» были бы обеспечены.

Продвижение СССР в глубь Европы до Берлина не рассматривалось США и Великобританией в качестве особой угрозы, но попытка восстановить условия, подобные Ункьяр-Искелесийскому договору 1833 года, была неприемлема, как и сто лет назад. Тогда это была, по оценке специалистов, «кульминация успехов России в Восточном вопросе», достигнутых вдвоем с Турцией без войны, но которые вызвали категорическое неприятие со стороны Англии и Франции, находившихся в тысячах километров от Проливов! Уместно напомнить предупреждения П. Дурново накануне Первой мировой войны, что никакие жертвы «не позволят России обеспечить себе какие-либо стратегически важные обретения постоянного характера», потому что она воюет на стороне Великобритании — своего традиционного геополитического противника¹.

Что такое Черное море, почему беспрепятственный и гарантированный проход через Проливы есть жизненная необходимость для России, а вовсе не «империалистическая» экспансия? Большинство Проливов, если не все, представляют собой «естественные узости» («Словарь международного морского права») между побережьями материков или островов единого океанского водного пространства, которые в обоих направлениях открывают путь ко всем океанам и частям света. Режим мореплавания по таким проливам правомерно регулируется международными конвенциями. Но Черное море, по терминологии В.П. Семенова-Тян-Шанского, — это «наиболее вдавшаяся в материк бухта Мирового океана», это «тупик», сформированный побережьями черноморских держав, выход из которого чрезвычайно узок. По классификации Конвенции по морскому праву, Черное море принадлежит к так называемым полузамкнутым морям².

¹ Дурново П. Записка на имя Николая II до начала Первой мировой войны // Родина. 1993. № 8/9. С. 10—13.

² См.: Словарь международного морского права. М.: Международные отношения, 1985, 1985. С. 62.

Проход в Черное море не является выходом в Мировой океан для достижения других морей и частей света, он есть доступ к побережьям нескольких стран — черноморских держав. Выход же из Черного моря является единственным проходом в Мировой океан. Уравнивание прав для судов нечерноморских и черноморских держав создает в вопросах военного мореплавания ущербные условия безопасности и торговли, являясь дискриминацией черноморских держав и возможностью запретить им выход в Мировой океан, перекрыть, как говорил канцлер М. Горчаков, легкие державы.

К этому-то и стремилась в течение почти двух веков далекая от Черного моря Британия, вмешивающаяся в отношения России с черноморскими державами, не допуская никаких соглашений без ее участия и препятствуя любому, не только военному, но и политическому присутствию России в средиземноморских государствах, что проявилось во время Берлинского конгресса, в годы Второй мировой войны и в ходе агрессии против Югославии. Как сто лет назад, в 1945 году, так и в начале XXI века сохраняет справедливость меткое суждение Н. Данилевского о смысле контроля Проливов для Англии и западных держав: «Вся польза от обладания Константинополем ограничивалась бы для них тем вредом, который наносился бы этим России»¹.

Смысл антигитлеровской коалиции, как и Антанты, был не только в пресечении амбиций и разгроме Германии, но и в предупреждении серьезной победы России. Холодная война имела цель сократить и, как это планировалось в 90-е годы, опрокинуть результаты этой победы.

Вопреки клише западной и российской либерально-западнической публицистики, что коммунистический СССР получил невиданные стратегические зоны контроля, союзники России, как и в Первой мировой войне, не отводили к ее «зоне безопасности» ничего к юго-западу от тех рубежей, на которых она и так к началу XX века была главной региональной державой. Вакуум на Юге — в регионе Проливов, создаваемый в конце Первой мировой войны разгромом Австро-Германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — разгромом фашистской Германии, должен был быть заполнен и структурирован в новую конфигурацию — НАТО.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. С. 311, 317.

В итоге Запад сразу после 1945 года вполне реализовал «программу-минимум»: во-первых, были отбиты все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо опорный пункт в Средиземном море — южной стратегической границе геополитического ареала будущей НАТО. Во-вторых, с помощью исторически испытанной ставки на Турцию были категорически пресечены и упреждены на будущее попытки вернуть Карс и Ардаган, для чего южные рубежи СССР были потом окружены военными базами.

Детали послевоенных дипломатических баталий очень показательны для понимания процессов на рубеже XXI века, так как обозначившееся в 90-е годы двадцатого столетия направление расширения НАТО, оккупация Косово — ключа к Вардаро-Моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом Проливов, выглядят реализацией не осуществившихся в конце прошлой войны и на сессиях СМВД планов, отложенных до новой «революции» и смуты в России. По своей сути эти проекты проявляют знакомые с XIX века преемственные военно-стратегические симметрии и геополитические закономерности, заслоненные борьбой «тоталитаризма и демократии», и прежде всего *Восточный вопрос* — баланс сил и пространства в Черном море. Отсюда понятны аплодисменты на Западе «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине. Вытеснение России с Черного моря и с Балтики — вот вожделенная цель Запада в течение всех послевоенных десятилетий.

ЧТО ЖЕ НУЖНО ИЗМЕНИТЬ, А ЧТО ОСТАВИТЬ ИЗ ЯЛТИНСКОЙ СИСТЕМЫ?

Итак, именно Ялтинско-Потсдамскую систему — этот итог Второй мировой войны, невозможный без Победы СССР в Великой Отечественной войне, — и призвана обесценить и лишить морального основания новая интерпретация смысла войны и роли СССР. Дерзкие укусы прибалтийских стран и Польши вряд ли дадут этим странам больше, чем они имеют сейчас, так что «передовой отряд» явно выполняет чужой проект — задачу легализовать пересмотр истории уже не в СМИ, а на официальном, государственном уровне.

Впрочем, пересматриваются и развенчиваются отнюдь не все итоги Второй мировой войны, а только те, что были в пользу СССР. Пока неофициально, но последовательно подвергаются сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная итало-французская граница или передача Додеканезских островов Греции, не состоявшаяся бы без согласия Сталина, за которое греки до сих пор благодарны Советскому Союзу. Во время этого решения с помощью Британии весьма недемократическим путем в Греции были приведены к власти антикоммунистические силы, а греческие коммунисты брошены в тюрьмы. И Греция почти не рассчитывала на лояльное отношение сталинского руководства (но не за торжество коммунистической идеи воевал СССР, как хотели бы представить через полвека). Восстановление территорий, утраченных в ходе революции и интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, не бывших в их составе в течение веков, не вызывают возражений.

Как не вспомнить Данилевского, который сравнивал сорокалетний стон по поводу так называемого раздела Польши с тем равнодушием, с которым Европа отнеслась к захвату в середине XIX века Германией Шлезвига и Гольштейна. «Будет ли Шлезвиг и Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах; стоит ли о том толковать много? Державность Европы от этого не потерпит; общественному мнению надо быть снисходительными между своими. Но как позволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка (сегодня — чеченского террориста) взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации»¹.

Никому на Западе не кажется абсурдным, что Ялтинскую систему осуждает Варшава, получившая в дар от Красной армии Силезию — почти треть своей территории. Литва же и вовсе своей столицей обязана «преступному» секретному протоколу к пакту Молотова—Риббентропа. Территория Литвы сегодня — единственный оставшийся реликт пакта Молотова—Риббентропа. Это и объясняет парадокс, что лидеры и политическая элита Прибалтики не устают твердить об «оккупации», но без акцента на пакте Молотова—Риббентропа. Но может ли Литва осуждать этот пакт, не подвергая сомнениям обладание Вильнюсом и всем Виленским краем?

Хочется напомнить Варшаве, что за все ее будущие козни против России и сочувствие уголовному мятежнику Масхадову с его головорезами именно СССР—Россия против воли союзников подарила ей Силезию.

От этой мысли приходил в истерику даже классик интернационализма Ф. Энгельс в своих рассуждениях о будущем «послереволюционной» Европы, в которой славянам места не отводилось. Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил о «протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций». Что же классик интернационализма? Равенство и братство — не для

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995. С. 41.

всех, и Энгельс отрезал, что «речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных». Именно Энгельс породил миф о панславизме Российской империи, испугавшись первого Славянского конгресса в Праге.

Энгельс полагал славян народами, которые «нежизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность». Они якобы «никогда не имели своей собственной истории... и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации». В тевтонском задоре Энгельс утрачивал последние приличия. Славяне не просто ничтожный мусор истории — они «всюду были угнетателями всех революционных наций, немцы и венгры являются не только символом прогресса и революции, но также просветителями и носителями цивилизации для славян». В молниях против Бакунина Энгельс уже полностью обнажил, что предмет заботы его пролетарского интернационализма — немецкий «Grossraum».

«Поистине положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых прав! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство (будущая Чехословакия); Австрия и Штирия были бы отрезаны южнославянской республикой от своего *естественного (!!!)* (курсив мой. — Н.Н.) выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обгрызанный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность... земледелие и культуру!» Именно в этом ключе Энгельс и заключает: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли»¹.

Казалось, исключение классики делали для поляков — «единственной славянской нации, чуждой всяким панславистским вожделениям». Отказывая «реакционным», прежде всего православным славянам, а также чехам и словакам в праве бороться против

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М.: ГИПЛ, 1957. С. 289—306.

«прогрессивных Габсбургов», марксисты, казалось, безусловно, поддерживали поляков и их ненависть к «реакционной» России. «Слова «поляк» и «революционер»», — пишет Энгельс, — стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них», — что вызывает аналогии с отношением к сербам «демократического» мирового сообщества в 1999 году.

Но, похоже, даже полякам была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Кумир А. Мицкевича — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливавших за него кровь» (Герцен), считал Польшу разменной картой против России.

Мысль о возвращении германизированных славянских земель была Ф. Энгельсу невыносима: «Неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма?» Энгельс имел в виду Данциг и Бреслау. Задачей Энгельса, как и современного Запада, было направить поляков против России, на Восток, чтобы обеспечить решение проблемы западных польских границ в пользу Германии: «Тогда вопрос о размежевании между охваченными войною нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. (России, конечно.— *Н.Н.*) Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы сговорчивее... на западе». Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «Взять у поляков на западе все, что, возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты»¹.

Данциг стал Гданьском, а Бреслау, в котором еще в XVIII веке великий немецкий просветитель Г.Э. Лессинг писал свои «Breslauer Enterprise», стал опять Вроцлавом благодаря СССР и Красной армии. США же предпочитали не отнимать Силезию у Германии, владевшей ею 400 лет до Гитлера. В августе 1946 г. Государственный секретарь Дж. Бирнс обнародовал доктрину США в Европе со ставкой на Германию и заявил, что якобы линия Одер—Нейсе

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 37, М.: ГИПЛ, 1965. С. 317.

не являлась частью решений союзников, так как «передача Россией Силезии и других восточных районов Германии Польше состоялась до Потсдамской встречи». Это подстегнуло на 25 лет надежды у так называемых реваншистов Германии, не желавших платить за необузданные амбиции Гитлера утратой многовекового достояния.

Какие же слезные ноты тут же обрушили на советское руководство министр иностранных дел Польши Ржимовский и президент Чехословакии Ян Масарик, заклиная продолжить миссию «освободителя» и защитить территории, «не окончательно определенные Потсдамской встречей»! Поляк говорил, что «Польша в течение веков была объектом германской агрессии и экспансии на Восток, которая привела на протяжении веков к присоединению и германизации обширных польских территорий». Чех не менее патетично взывал к советскому руководству и говорил о «столетней борьбе Богемии против германской агрессии»¹. Теперь же для них главная трагедия — пребывание в орбите СССР. Посмотрим, удастся ли удержать чехам Судеты в объединенной Европе...

Главные беды латышей и эстонцев, как сейчас преподносятся, также, разумеется, начались после «оккупации» ее Советским Союзом, против которой «всенародно» боролись и только из-за этого вступали в Ваффен-СС. При этом количество жертв от «советов» куда превосходило страдания от гитлеровцев. Те вместе с латышами лишь устраивали «исправительно-трудовые» лагеря вроде Саласпилса, где, правда, гибли евреи.

¹ АВП РФ. Фонд 0431 (II), опись № 2, док. № 48, папка № 11, листы 80, 83.

НОВАЯ ВЕЛИКАЯ СХИЗМА

После мая 1945 года СССР восстановил территорию исторической России и вновь стал великой державой. Но, что бы ни писали о русском империализме и отечественные, и зарубежные авторы, общим итогом последних десяти веков остается неоспоримый факт, что с XI до XXI столетия именно Запад с острием из восточноевропейских католиков постоянно продвигался на Восток, а рубежи колыбели русской государственности едва удерживались, да и то с переменным успехом. «В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западно-христианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII—XIV веках»¹.

Патриарх британской исторической науки А. Тойнби прямо признает, что Россия чужда Западу не из-за ее мнимых экспансионистских устремлений или, как неустанно твердит Зб. Бжезинский, «неистребимых внешнеполитических амбиций»². «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской “варварской отметиной” была византийская цивилизация восточно-православного христианства», — признает Тойнби, который опровергает «бытующее на Западе понятие, что Россия — агрессор». «В XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному

¹ Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1996. С. 157.

² Die Zeit. 4 января 2001 г.

христианству... В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России... шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье... В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века; а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию... Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915—1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев. Наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое. Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах».

Интересно, что даже пресловутые разделы Польши — клише «русского экспансионизма» — Тойнби характеризует исключительно как «контрнаступления» и дает оценку, которую бы могли дать славянофилы Аксаковы: «Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот».

Ялта и Потсдам уравнивали всего лишь давление Запада, сделав на пятьдесят лет сферой влияния СССР всю территорию Восточной Европы, и, как отмечал А. Тойнби, «Запад впервые за тысячу лет ощутил на себе давление России, которое она испытывала все века от Запада»¹.

Сегодня, разумеется, главным грехом СССР представляется то, что он навязал Восточной Европе коммунизм с его репрессивным началом. Совершается попытка объявить о тождестве коммунизма и германского нацизма для того, чтобы представить итоги Второй мировой войны как «поражение» и попадание восточноевропейских стран в не лучший, чем нацистский, а даже худший плен. Рассмотрим этот тезис без эмоций.

Нацистская Германия планировала прекратить национальную историю всех завоеванных стран — прежде всего славянских, сделать их материалом для своей нации. Победа Гитлера обрекала на исчезновение как субъектов мировой истории и культуры поляков, чехов и словаков, эстонцев, литовцев и латышей, которых немецкие бароны до середины XIX века не пускали даже в Ригу.

СССР действительно «наградил» своих сателлитов коммунизмом, но наградил тем, что было у самого и что сам считал

¹ *Toynbee A.J. The World and the West: Russia. The Listener, 1952, 20 November.*

лучшим на свете и самым передовым. С начала XX века популярность марксизма и революционного проекта изменения мировой истории была чрезвычайно велика в Европе, где действовали коммунистические партии и Третий Интернационал. В русской революции и Гражданской войне участвовали, кроме латышских стрелков, особо отличившихся жестокостью при безжалостном подавлении крестьянских восстаний против большевиков, более 200 интернациональных батальонов, среди них — финский, несколько польских, румынский. Немецкие, чешские, польские, венгерские профессиональные революционеры, прославленные большевиками за участие в Гражданской войне и создание системы революционного красного террора, мечтали повторить со своими народами эксперимент, содеянный в России, — такими были Бела Кун, Карл Радек, Ф. Дзержинский, М. Лацис (Я. Судрабс), М. Бужор, С. Бобиньский, Э. Кужало, А. Кампф и многие другие. СССР ничего не делал в восточноевропейских странах, что прежде не было испробовано на собственном народе, причем в гораздо больших масштабах.

Будучи в орбите СССР, все народы не только сохранили себя как полноценные нации, но многие из них — преимущественно крестьянские, не имевшие собственного образованного слоя, развитие которых было медленным в царской России, а в Австро-Венгрии вообще происходило при условии онемечивания — развили успешно всеобщее образование, науку, инженерную мысль, вышли из коммунизма с полноценным пакетом научно-технических знаний, искусств и литературы, индустрией, академией наук, научно-исследовательскими институтами, национальными СМИ, спортом, медициной, то есть полноценными государствами.

Но главное — они сохранили себя как нации, продолжили себя в мировой истории, а некоторые получили из рук СССР территории, которых у них никогда-бы не было. И это можно сравнивать с гитлеровскими планами превращения восточноевропейцев в рабскую рабочую силу? Впрочем, известно, что эстонцев и латышей гитлеровские стратеги готовили к «онемечиванию» и на роль надсмотрщиков, о которой те, по-видимому, мечтают до сих пор¹.

¹ *Дашичев В.И.* Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост» // Экспертно-аналитический Интернет-портал «Перспективы». <http://www.prospekts.ru>.

Что касается прибалтийских народов, то, если бы не революция и большевистская федерализация исторического государства Российского, если бы не «ленинская национальная политика» и Брестский мир, не было бы на карте ни Латвии, ни Эстонии, ни Литвы. Русские принесли на алтарь коммунизма наибольшие жертвы.

После Ялты и Потсдама, после создания Варшавского пакта (через 6 лет после образования НАТО и провозглашения ФРГ) Венгрия — сателлит Гитлера, Польша да и другие восточноевропейцы оказались менее надежными членами советского блока, чем даже побежденные и разделенные немцы. ЦРУ в своих оценках потенциальной лояльности к СССР в годы холодной войны, больше всего уповало на антирусские настроения в Польше и Венгрии, гораздо меньше в Чехии¹. Если немцев М. Горбачев буквально вытолкал к их западным собратьям, то поляки и венгры да и чехи не желали мириться со своим положением сателлитов СССР и бунтовали против европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но и Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем.

Однако не стоит забывать о Судетах и линии Одер—Нейсе — даре Советского Союза, оплаченном кровью русской армии. Более угодные, чем «русские варвары», судетские немцы уже начали сравнивать себя с косовскими албанцами.

Движение немцев из Судетской области и Восточной Пруссии, требующее пересмотра итогов Второй мировой войны, в последнее время изрядно активизировалось, стимулированное разговорами о тождестве Мюнхена и Ялты и в связи с надеждами отнять Калининград у России, раз та — наследница «тоталитарного монстра СССР». «Союзу изгнанных» все больше внимания оказывают официальные германские политики, в частности, ветеран баварского ХСС Э. Штойбер. Некая группировка выпускает в Вердене газету «Der Reichsbote», в которой можно прочесть, что «17 июня 1995 года в Берлине на конституционной основе образовалось вновь Свободное государство Пруссия — “Freistaat Preussen” и избрало правительство в изгнании».

В документе «правительства Пруссии в изгнании» пункт первый гласит: «Российская административная область Северо-

¹ CIA Cold War Records. Selected Estimates on the Soviet Union. 1950—1959. History Staff. Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D.C., 1993. P. 139, 228.

Восточная Пруссия (Калининградская область) по законам международного права является неотъемлемой частью продолжающего существовать Германского рейха и на основании положений международного договорного права является собственностью последнего вплоть до принятия соответствующего мирного договора», там же декларируется непризнание итогов Второй мировой войны, линии Одер—Нейсе, возвращения Судет. Симптоматично и появление книг типа «Покончить с декретами Бенеша!»¹.

Заметим также, что все русофобские штампы о России как о тюрьме народов заимствованы у Маркса и Энгельса. Наибольшему поношению в советском периоде подвергают спасительные для нации отступления от ортодоксального марксизма и восстановление критического минимума традиционных понятий о государстве.

Пора напомнить, что вся территория России, включая и Крым, и устье Дуная, и Закавказье, и Прибалтику, была собрана до революции. Потемкин стал Таврическим, Суворов — Рымникским, Румянцев — Задунайским не при Сталине, а при Екатерине Великой. До революции территории России никто не оспаривал. Она считалась абсолютно бесспорной и легитимной, выросшей в полном соответствии с юридическими нормами своих эпох. Именно революция сделала эту территорию оспариваемой, и можно с уверенностью утверждать, что, не будь ленинского Брестского мира, не было бы сегодня НАТО в Прибалтике.

Итак, именно советское великодержавие и восстановление территории исторической России нужно обесценить и окрасить в черные тона. Но как? Увязав с репрессиями.

Но не только в первое десятилетие после революции, а и в пресловутый сталинский 1937 год СССР не был великой державой, он едва справлялся с давлением окружающего мира. Следовательно, советское великодержавие оплачено вообще не революционно-коммунистическим проектом как таковым, не репрессиями как ленинского, так и сталинского периода, хотя нельзя их отрицать — они осуждены в России самими русскими сполна.

Великодержавие в образе СССР воссоздано жертвенной борьбой против гитлеровской агрессии и духом Мая 1945-го, Ялтинско-Потсдамской системой. Периодические попытки Запада и либералов развенчать память о войне свидетельствуют о том, что эта

¹ *Reisegger Gerhoch. Weg mit den Benesch-Dekreten! Das ungesuhte Jahrhundert-Verbrechen. Grabert-Tubingen, 2004.*

память есть важнейший опорный пункт преемственного национального сознания, мешающего растворению России. В последние годы эти потоги становятся более изощренными, но не менее последовательными и упорными. Прямые атаки не увенчались успехом даже в период тотального нигилизма конца 80-х — начала 90-х годов. Тогда нация с увлечением раздавала поруганные отеческие гробы своей тысячелетней истории под флагом прощания с тоталитаризмом. Потом стали говорить, что «целили в коммунизм, а попали в Россию». Нет, целили именно в Россию, используя как предлог и инструмент надоевший всем коммунизм.

Чувство самосохранения все же возобладало, и нация в целом интуитивно отвергла поругание Победы. Однако ядовитые комментарии, упорные рассказы о «заградительных отрядах», якобы стрелявших повсеместно в спину бойцам, которые без этого обязательно сдались бы в плен, до сих пор появляются не только к 22 июня и 9 мая, но сопровождают каждые юбилеи великих битв — Сталинградской, Курской.

На самом деле за всеми коварными приемами скрывается одна цель — развенчать положительный образ Отечества как великой державы. Воинствующим постсоветским либералам-западникам ненавистна любая форма отечественного великодержавия, будь то исторического российского, будь то советского. Они стремятся обесценить это великодержавие, увязав его с репрессивным началом коммунистического правления. Однако их борьба с коммунизмом — мнима, они, заметим, никогда не обрушиваются на сам марксизм, щадят Ленина в благодарность за сокрушение православной империи. Они, в основном, обрушиваются на «державный», а не на революционный период советской истории, хотя именно в 20-е годы режим проявлял в самой свирепой форме свою антиправославную и антирусскую сущность.

Более того, все поношения «великодержавных амбиций» постсоветскими либералами и западной публицистикой заимствованы из вульгарно-марксистской «классовой» исторической школы М. Покровского, создававшего «красную профессуру» и переписывавшего в первое десятилетие после революции русскую историю в ненавистническом духе классового социологизма. Сейчас уже не знают, что в советских учебниках истории 20-х годов Наполеона называли освободителем, так как «помещичья и царистская Россия была более отсталой, чем передовая революционная

Франция», святого Благоверного Александра Невского называли классовым врагом, П.И. Чайковского — «хлюпиком», А.П. Чехова — «нытиком», А.С. Пушкина — «камер-юнкером», а Льва Толстого — «помещиком, юродствующим во Христе». Значит, причина — не в репрессиях как таковых, ибо красный террор ленинского периода был гораздо масштабнее и направлен однозначно на уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и носителей национального и православного сознания. Причина — в мощи победоносного СССР периода после Мая 1945-го.

Великой державой СССР стал только в результате жертвенной борьбы народа против фашистской агрессии, после того как СССР «искупил Европы вольность, честь и мир». Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX в. — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. **Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России.**

На советских людей первого поколения, еще не забывших традиционных ценностей Отечества, семьи, национального чувства, обрушились вражеские войска, одержимые не мировой революцией и счастьем всего человечества, а идеей мирового господства.

Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной Гражданской войны и воссоединила в душах людей, а значит, потенциально и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки нить русской и советской истории. Отозвавшись на «Братья и сестры!» и на церковное благословение «православных на защиту священных рубежей Отечества», в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне.

И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали («за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел. Страна возопила о помощи к своей попорченной истории, и та простила на первый раз и вдохнула дух национального единства и жертвенности за Отечество. Простит ли она еще одно самопредательство?

СМЫСЛЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Холодная война была абсолютно неизбежна не только в силу закономерностей мировой политики и политической географии, тем более в период, когда весь мир стал единой ареной, куда вышли США с их вездесущими интересами. Ее психологический тон объясняется еще и колоссальной идеологизацией мировой политики с обеих сторон — как коммунизмом, так и либерализмом. В классических международных отношениях прошлого державы не скрывали своих национальных интересов, а в XX веке вместо них стали выставлять универсалистские идеи. Но великая война интересов велась давно за кулисами военного сотрудничества и лишь обрела специфическую форму.

Для обоснования принципиально новой концепции отношений с СССР Запад нуждался в замене идеологических клише времен войны. В качестве идейной парадигмы «главного содержания эпохи» использовалась борьба «свободного мира» и демократии против угрозы коммунизма.

При этом воинствующе антикоммунистический Запад полностью взял на вооружение выгодную ему большевистскую нигилистическую интерпретацию событий: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917 году, а СССР является не продолжением тысячелетнего государства, а *соединением* совершенно независимых и самостоятельных наций. Это определение, как будто согласованное в неких высших мировых сферах, с одинаковой неизменностью применяется до сих пор как в отечественной — сначала марксистской, потом либеральной, — так и в западной политической доктрине. Разница лишь в том, что в первой соединении объявлено благом «под сиянием пролетарской революции», а во второй — насильственным игом «под железным обрубком тоталитаризма».

Очевидно, что *два определения — тождественны, отличаясь лишь мнением о факте*, и в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, *ибо ей отказано в историческом прошлом*. Борьба против насильственного «соединения» всегда правомерна, а разочарование в благодати пролетарской революции сразу позволяет усомниться в целесообразности единства. В западной пропаганде холодную войну объявили силовым и идеологическим барьером потенциальной экспансии мощного государства с мессианской идеологией.

В той известной мере, в какой это действительно имело место и относилось к установлению опеки над Восточной Европой и навязыванию ей коммунистической идеологии, ее можно было бы считать естественной и традиционной политикой мировых держав. Но на деле стратегия заключалась не в «терпеливом, длительном и бдительном сдерживании», по Дж. Кеннану, автору официальной доктрины США 1947 года, но в отрицании целиком самого геополитического феномена СССР как *преемника России*.

Резолюция конгресса США от 17 июля 1959 года постановила отмечать ежегодно «неделю поработанных наций» и стала законом P.L.86—90, обязавшим американских президентов из года в год подтверждать цель США: освободить жертвы «империалистической политики коммунистической России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии, начиная с 1918 года, к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»¹. «Находящимися под советским господством» были названы все народы союзных республик, «Казакция» и «Идель-Урал», *кроме русского*. Это неопровержимо демонстрирует главный аспект холодной войны, не понятый ни либеральной частью русской эмиграции, ни ортодоксальными коммунистами: *борьба не с коммунизмом, а борьба с «русским империализмом»*, причем на самой территории исторического государства Российского, которая никогда до революции не подвергалась сомнению самыми жесткими соперниками России на мировой арене.

¹ Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, P. 9. Wash. D.C., The GPO, 1959.

Малоизвестная книга Льва Е. Добрянского, профессора Джорджтаунского университета и председателя «Комитета по проведению недели поработанных наций», разработчика концепции, реализованной на государственном уровне, проясняет историю этого весьма показательного эпизода. Посвящение книги «забытым борцам Украинской повстанческой армии» указывает на галицийское происхождение самого автора. Концепция, которую продвигал в конгрессе активный конгрессмен от Иллинойса, некто Э. Дж. Девинский, — явно польского происхождения. Добрянский интерпретирует Октябрьскую революцию как «сокрушающее восстание всех нерусских народов России» и призывает вновь разрушить «русский колониальный гнет» над «тюрьмой народов».

Он (не без оснований) видит мало общего между взглядами и философией Маркса и советским великодержавием — «конечным продуктом марксизма-ленинизма на российской почве» и предлагает применять к СССР оценки из «Тайной дипломатической истории», в которой К. Маркс призывал вернуть Россию к Московии в положении Столбовского мира. Полагая величайшей ошибкой Запада избрание такой внешнеполитической идеологии, которая позволила «русскому колониализму и империализму, неизменно с Ивана III, прикрываться жупелом коммунизма», Добрянский и другие авторы доказывают, что компас «русского медведя», его «полярная звезда» неизменно указывает на захваты и порабощения нерусских народов¹. Эта терминология обнажает преемственность москвофобии Добрянского: эвфемизмы «северный медведь», «полярная звезда» были широко распространены в польской и галицийской антирусской публицистике в начале XX века.

Перед Первой мировой войной прогерманские поляки называли Россию «полярным медведем», «прямой наследницей завоевательных стремлений Тамерлана и Чингисхана», полностью ответственной за ухудшение отношений с Дунайской монархией, «чье миролюбие и терпение было беспредельным... Вина лежит целиком и полностью на России. Это аксиома, которая зиждется на ясных как день фактах». «Фактами» профессор Ягеллонского университета в Кракове фон Стражевски предлагал считать следующее: «Россия, отодвинутая на Тихом океане, ухватилась за хищнические

¹ *Dobryansky Lev. E. The Vulnerable Russians. New York. Pageant Press, 1967.*

переднеазиатские и панславистские планы, которым мешала Польша. Своей тысячелетней принадлежностью к западноевропейской христианской культуре во всех областях общественной жизни Польша стоит неизмеримо выше, чем Россия, которая со своим византийско-азиатским характером является наиглавнейшим врагом всей европейской культуры»¹. Похоже, «мнение Польши о России», как писал Ф. Энгельс Вере Засулич, за время холодной войны вновь «сделалось мнением Запада».

Этот документ был хорошо известен советскому руководству. Н. Хрущев обрушился с обвинениями на Р. Никсона в ходе его визита в Москву. Тот же осознавал, что требование в федеральном законе США расчленения государства, которому он наносит визит, вопиюще противоречит международному праву. Никсон смущенно оправдывался и даже назвал решение Конгресса «foolish» — «глупым». Добрянский и его «Комитет по празднованию недели поработенных наций» были весьма возмущены «капитулянтской» позицией вице-президента, и сенатор Фулбрайт потребовал опубликовать содержание бесед Никсона с Хрущевым. Тем не менее этот эпизод и резолюция были скрыты от советской общественности и даже не стали разрешенной мишенью для обстрела советским агитпропом.

Так, вплоть до перестройки важнейший аспект противостояния остался за официальным кадром борьбы как на мировой арене, так и внутри СССР. Обе стороны предпочли сделать официальным знаменем борьбу коммунизма и либерализма. Для ЦК КПСС было невозможно ответить на вызов, не ревизовав интерпретации раннесоветского периода и не реабилитировав русской истории. Для американской стороны открыто требовать расчленения СССР, основателя ООН, с которым США были в дипломатических отношениях, было не только неплодотворным, но вопиюще противоречило международному праву, хотя сенатор Гэмфри настоятельно требовал в Сенате включать положения этой резолюции в программы всех международных форумов, и прежде всего готовящейся встречи в Женеве².

¹ *Straszewski M.* Die Polnische Frage. Wien, 1915. S. 32—35; См. также: *Kwilecki F.* Polen una Deutsche gegen Russland. Berlin, 1915; *Szerer M.* Studien zur Bevölkerungslehre Polens. Wien, 1915.

² Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, p. 9, Wash., GPO, 1959. P. 13678—13679.

Начиная с Дж. Кеннеди, ежегодные подтверждения цитировали резолюцию конгресса сокращенно, опуская пункты с упоминанием советского господства, что позволяло трактовать ее как абстрактную заботу о поработанных нациях вообще в мире. Симптоматично, что и в американской литературе по международным отношениям этот эпизод забыт. Неудивительно, что враждебность к СССР на протяжении советской истории всегда возрастала, когда планы дробления России «ради победы коммунизма во всемирном масштабе» отступали, и, наоборот сменялась доброжелательностью, когда те же планы возвращались под новым, хотя бы «либеральным» флагом.

Характерной является позиция западной интеллигенции — по своим философским устоям левой и даже поклонницы марксизма. Она с сочувствием относилась к идее революции и к большевистской России и закрывала глаза на «красный террор», когда физически уничтожались коренные русские сословия. Певцами русской революции были всемирные литературные и общественные знаменитости, отказавшиеся, как Р. Роллан, Ж.П. Сартр и другие, осудить революционный террор. В 50-е годы западные интеллектуалы отвернулись от СССР и осудили репрессии, но не все! Павшие от революционного террора в начале 20-х годов носители национального и религиозного начала были чужды левой западной интеллигенции. Она осудила лишь тот период, когда были гильотинированы сами октябрьские робеспьеры и «революция, как Сатурн, начала пожирать собственных детей».

Либералы разочаровались в СССР, но не в идее революции. Послевоенный СССР уже не удовлетворял мировой левой дух революций и ниспровержения устоев как раз потому, что внутренне идеологически уже истощил импульс антихристианского вызова миру, перестал «в нужной мере» быть анти-Россией. Вместо бунта против любых исторических и духовно-культурных устоев и традиций, каким был Октябрь 1917-го, Май 1945-го превратил СССР в державу с интересами, вполне определяемыми, несмотря на идеологические искажения, традиционными критериями, и соблюдающую правила игры на мировой арене, а внутри страны создал жесткую общественную иерархию, и вовсе не левую, а правоконсервативную систему ценностей, весьма отличную от раннебольшевистской. Но именно это и сделало послевоенный СССР объектом отторжения.

Что касается постсоветских либералов-западников, то они под флагом антикоммунизма, очевидно, щадили ортодоксальных большевиков и пламенных революционеров — истинных носителей марксизма. Идейные гуру перестройки никогда не осудили большевиков за их открытое неприятие всего, что составляло русское национальное и православное начало, по-видимому, *потому что сами разделяли его*. Передовой отряд перестройки весьма избирательно обрушивался на историю. Никто не поведал о терроре ленинской гвардии, в 80-х годах еще не известном обществу, ибо пришлось бы реабилитировать объект их преступлений — «единую и неделимую» Россию.

Новомышленники, искусно направляя обличения исключительно на «сталинизм», намеренно ограничивались 30-ми годами. Однако историки знают, что тот период был *по критериям репрессий* лишь *вторым* актом драмы после чудовищных двадцатых, но среди жертв уже оказались сами разрушители России. Вопреки заблуждению репрессии 1937 года уступали красному террору 1922—1924 годов. По сравнению с А. Луначарским, Ю. Лариным, П. Стучкой, основоположником теории революционной законности сталинский генеральный прокурор А. Вышинский — это «рenegат», возродивший на смену «революционной целесообразности» архаичные «буржуазные» понятия меры вины и меры наказания. На фоне явного пиетета по отношению к Ленину особая ненависть Запада и внутренних «советских западников» к Сталину объясняется отнюдь не вкладом того в злодеяния революционного эксперимента.

Сталин, учившийся в духовной семинарии, по-видимому, прекрасно понимал историософский неизменный смысл устремлений Запада в отношении мира и России. В отличие от «европоцентризма» ортодоксального большевизма и позднесоветского диссидентства он глубоко презирал «декадентский» Запад со всем его ценностным багажом и не имел никакого комплекса неполноценности или моральной зависимости от него. После подчинения в 20-е годы советской экономики интересам американских банкиров сталинская стратегия и в 30-е, и тем более на рубеже 40—50-х гг. жестко повернула против Запада во всех его попытках использовать СССР и его ресурсы (прежде всего сырье) в своих интересах.

Хотя Сталин не успел ничего предпринять, возможно, он имел собственные планы мировой гегемонии. Это отнюдь не сулило ничего хорошего русскому народу, который и для него был лишь инструментом — типично для демонов революции. Но западные стратеги в отличие от публики, сознавая, что Сталин видел насквозь все их планы, ненавидели и боялись его вовсе не за его внутреннюю репрессивную машину, а за создание вместо Великой России новой формы великодержавия, что сделало страну геополитической силой, равновеликой всему Западу, и препятствием на его пути.

Развенчание Хрущевым «культы» Сталина было сформулировано таким образом (частное извращение «ленинских идеалов»), который вполне устраивал долгосрочные интересы Запада. Из всего периода массовых репрессий (20-е — нач. 50-х гг.) только «1937», «культ Сталина» и «сталинщина» были сделаны в сознании советских людей единственным символом ужаса.

Такая полуправда, что опаснее лжи, позволила затем увязать с террором и морально обесценить восстановление государственных основ, память о войне и величии Победы. Суть же содеянного с исторической Россией либералами оставлена в стороне. Они неизменно уходят от обсуждения близких Западу и им самим целей революции, прямо содержащих план истребления. До сих пор так и не дана должная оценка главному преступлению Февраля и Октября 1917 года — уничтожению религиозно-национальной ипостаси России и произвольному расчленению ее на выкроенные образования, уничтожению в 20-е годы коренных русских сословий, носителей национального и религиозного начал.

* * *

Распространение «торжества» демократии стало идеологической мотивацией западной стратегии в Европе в 90-е годы. Цель США заключалась в том, чтобы подменить итоги Второй мировой войны на итоги холодной войны. Именно под этим лозунгом велась (и оправдывалась) все та же «борьба за вселенские идеалы» против «оставшихся тоталитарных режимов» — сначала СССР, потом Югославии, далее везде, где этого требовали геополитические, военно-стратегические и нефтяные интересы. Взятие под контроль Восточной Европы — «сплошной линии от Балтики до Черного моря», — создание «меридиональной системы от моря

до моря» для контроля над Евразией, отсечение России от Средиземноморья для овладения подступами к мировому энергетическому эллипсу — вот ключ к пониманию геополитического аспекта беспрецедентных слов Дж. Буша в Вильнюсе 23 ноября 2002 года: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли».

Слова «ни Мюнхена, ни Ялты» — не только отражение геополитического мышления. Это не что иное, как объявление Ялтинской системы тождественной гитлеровской агрессии, полная ревизия духа и смысла Второй мировой войны и сотрудничества в ней антигитлеровской коалиции. Заметим, что никакие другие изменения европейских границ Ялтинско-Потсдамской системой, лишь территориальные решения в пользу СССР вызывают сегодня нездоровый интерес. Их пытаются представить результатом «экспансионизма» сталинского тоталитаризма. А ведь в результате победы над странами оси в 1945 году не только Калининградская область и Курилы были определены как территория СССР. Эльзас и Лотарингия стали Францией, хотя в течение столетий несколько раз переходили Германии, Силезия передана Польше, хотя четыреста лет была Пруссией — знаменитая граница по Одеру-Нейсе, Додеканезские острова переданы Греции, хотя с Версаля принадлежали Италии, а до этого — Турции. Была изменена в пользу Франции итало-французская граница. Все решения Ялты и Потсдама увязаны в один пакет.

Отречение от общих задач в войне и от результатов общей победы стран антигитлеровской коалиции — это вызов исторической памяти не только русского, но и американского народа. Тысячи и тысячи американцев и англичан самоотверженно сражались на полях Второй мировой войны, и в России не забывают их подвига.

В то же время подлинная историческая память намеренно стирается: геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций, лишение их национальной жизни — забыт. Но, если русские никогда не забывают страдания евреев¹, то почему

¹ Лидия Ивановна Подолякина-Нарочницкая 20-летняя учительница, будучи членом партизанского отряда, держала под полом девушку-еврейку в течение шести месяцев в обстановке, когда гитлеровцы заходили в дом ежедневно с оружием наперевес. Полагался расстрел на месте. Лидия Ивановна прошла гитлеровскую тюрьму, допросы, концлагерь, из которого бежала и была награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

же мировое сообщество и сами евреи с парадоксально растущей лояльностью взирают на наследников фашистских легионов Прибалтики и Украины, руки которых обагрены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?

Такое изменение акцентов отвлекает внимание от очевидного факта, что все, происходящее в Европе после разрушения СССР, удивительно напоминает геополитические конфигурации прошлых попыток «Дранг нах Остен» в XX веке.

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ, НО КЕМ И ПРОТИВ КОГО?

Происшедшее в завершающее десятилетие XX столетия должно было бы побудить задуматься. Сакраментальное высказывание Н. Данилевского о противостоянии России и Европы в XIX веке, маскируемом до Берлинского конгресса наличием некоей фантазмагии — турецкой империи, может быть перефразировано: пока между Россией и Западом «стояла коммунистическая фантазмагия», истинных причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не остается, как взглянуть действительности прямо в глаза». Давление на некомунистическую Россию лишь увеличилось.

Но карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, когда Германия кайзера Вильгельма ставила практически те же цели, что потом гитлеровская Германия: Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ. А в результате — «отсечение от двух морей — Балтийского и Понта Евксинского», которые сделали Россию в свое время державой, без которой «ни одна пушка в Европе не стреляла».

Американский «Университет национальной обороны» (The U.S. «National Defense University») в 1996 году перепечатал труд Х. Маккиндера с предисловием генерала Военно-воздушных сил США Эрвина Рокки — президента этой структуры. Рокки открывает, что «еще в 1942 году авторы стратегии союзников признали ценность труда Маккиндера, который они использовали в конструировании поражения Германии», и признает, что «вся холодная война против Советов (1947—1991) была лишь промежуточной стадией» «в более великой борьбе сил Океана за владычество над Мировым островом». «Соображения региональной стратегии»,

по словам Рокки, побуждают державы НАТО «вновь опереться» на маккиндеровскую «классическую» формулу геополитической войны за мировое господство¹.

Не стоит впадать в экзальтацию: вряд ли вашингтонские политики принимали свои решения, глядя на претенциозные формулы Маккиндера. Однако константы англосаксонской политики прослеживаются в XX веке с бесспорной очевидностью. Хотя нам все твердят об СССР, соперничающем с гитлеровской Германией за мировое господство! Если уж пользоваться историческими аналогиями, то, скорее, судя по сегодняшнему «Дранг нах Остен», можно подумать, что борьба с Гитлером со стороны англосаксов была тогда лишь семейным спором о владычестве над миром. Разве под припев о продолжении борьбы за вселенскую демократию НАТО не устремилась на Восток, обосновав этим даже агрессию против Югославии? Сначала объектом была «империя зла», после того, как она сдала все свои геополитические позиции, им стала антиатлантическая Югославия, потом Афганистан, затем «недемократический» Ирак, который якобы уже только из-за непохожести на Запад готов употребить оружие массового поражения против вселенской демократии.

Нынешний пересмотр истории — это оскорбление России, разрушенной дотла фашистской агрессией и отдавшей 20 миллионов жизней не только за право на собственную историю. Они погибли в том числе и за то, чтобы поляки, эстонцы, латыши и литовцы тоже не прекратили бы своей национальной истории. По нацистскому плану многие из них должны были бы едва читать на немецком географические указатели в «Ингерманландии», кто-то германизирован, кто-то превращен в сатрапов. В СССР и в его орбите они испытали все — и хорошее, и плохое, но они стали профессорами, академиками и генералами, литераторами, скрипачами, архитекторами и изобретателями, получали государственные награды. Это проявления оккупационного режима?

Теперь Латвию и Эстонию патрулируют натовские самолеты, сносятся памятники победителям в борьбе с фашизмом, а этнократические режимы все изощреннее лишают русских права на язык и культуру, гражданских прав на том основании, что Прибалтика

¹ *Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*, W.D.C., Defense Dept., National Defense University, 1996. P. 4.

была под оккупационным режимом. Президент Латвии В.В. Фрайберге не постеснялась сказать, что «русские должны стать латышами русского происхождения». Это принудительная ассимиляция или вытеснение из страны. Такая демократия теперь — норма «объединенной» Европы, представляемой эталоном для всего цивилизованного мира. ЕС и НАТО недвусмысленно отказались осудить снос Бронзового солдата эстонскими властями. Не похоже ли *именно это* на нацистские времена? И какую реакцию вызвало бы гипотетическое требование какого-нибудь русского президента, чтобы, например, татары стали «русскими татарского происхождения»?

Многочратно увеличившееся давление на некомунистическую Россию, очередное вытеснение ее на северо-восток Евразии ведется под самыми фарисейскими за всю историю лозунгами. Поистине не схватка «идеологий раскола» и не «борьба демократии и тоталитаризма» составляют суть истории XX века. Похоже, опять «нельзя терпеть на Востоке такое колоссальное государство» (Геббельс о СССР).

«Вот уже полтора столетия Запад боится России», — горько заметил Иван Ильин в годы холодной войны, и мало что изменилось в век «общечеловеческих ценностей». Он прав: «Никакое служение общеевропейскому делу не меняет этого отношения — ни освобождение Европы от Наполеона, ни спасение Пруссии в 1805—1815 гг., ни спасение Австрии в 1849-м и Франции в 1875 году, ни миролюбие Александра III, ни Гагская конвенция, ни жертвенная борьба с Германией в 1914 году». Добавим, ни освобождение Европы от тотального уничтожения Гитлером, ни, наконец, даже самоустранение России как великой державы. «Для них Россия, — с горечью делает вывод И. Ильин, — это загадочная, полуварварская “пустота”; ее надо евангелизировать или обратить в католичество, “колонизовать” (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих целей и интриг, а впрочем, ее необходимо **всячески ослаблять**».

На этом поприще неустанно трудится Зб. Бжезинский, называющий Россию «черной дырой», и на каждой странице бросающий замечания об отсталости и культурной неполноценности русских уже не только перед Западом, но и перед всеми народами мира и населяющими историческое государство Российское, повторяя схожие сентенции перед Первой мировой войной польского профессора Стражевского и современного американского русиста Р. Пайпса.

Общий нигилистический тон современной западной прессы демонстрирует антирусский накал, отторжение России как чуждой стихии, которых не было даже в период холодной войны. Впрочем, для знакомых с западноевропейским сознанием и прессой прошлых веков здесь мало нового. Кумир британских салонов времен Крымской войны, поэт, лорд Альфред Теннисон никогда не был в России, что, однако, не помешало ему в семидесятилетнем возрасте записать в своем дневнике: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру»¹. А что касается бесконечной критики внутренних порядков других стран и менторского тона, то и это уже в течение многих веков является политической традицией англосаксонских стран.

«В Англии, заинтересованной в бунтах, революциях и дестабилизации в континентальных державах, — отмечал русский аналитик П.С. Чихачев еще в XIX веке, — где каждый день тысячи органов печати, неистовые речи в клубах и на митингах внушают народу, что все монархи континента — тираны, что все правительства — это правительства угнетателей... политические деятели вынуждены волей-неволей стать тайными, а иногда явными сторонниками всяких революций. Английская политика покровительствует, провоцирует и тайно поощряет на континенте всяческие бунты и революции, нещадно подавляя их в подчиненных ей странах»². Требуя отделения Косово, Вашингтон и Лондон не собираются применить такой же подход к Ольстеру...

С удивительной преемственностью просматриваются и гегелевская теория исторических и неисторических народов, и нетерпеливая злоба Ф. Энгельса, предвкушавшего исчезновение антиисторичных славян и имманентно реакционного русского народа. Увы, эта преемственность имеет не полуторавековую, а почти тысячелетнюю историю. Этот мотив антихристианства и варварства православных славян звучал еще в письме 1146—1148 годов Бернару Клервоскому, вдохновителю первого Крестового похода, от епископа Краковского Матфея и Петра Властовича, которые побуждали к Крестовому походу против

¹ *Ищенко Н.А. к. филол. наук (Симферополь)*. К вопросу о литературных стереотипах и предрассудках: Альфред Теннисон и Россия. www.stoletie.ru.

² *П.А. Чихачев*. Великие Державы и Восточный вопрос. Об англо-французской политике. М.: 1970. С. 28.

«русских варваров». Русь в послании предстает огромной еретической стихией, «подобной звездам», где «господствует иной обряд евхаристии, дозволяются разводы и повторное крещение взрослых». «Ruthenia quai quasi est alter orbis» — «Русь — как бы иной мир» чем Латинская и Греческая Церкви¹.

Польские историки оправдывают причину обращения эвфемизмами: «В глазах духовенства разница в вероисповедании обуславливала рубеж, преодолеть который должны были миссии Латинской церкви на Восток, подкрепленные политическими устремлениями». Политические устремления сохранились до XXI века и продолжены в продвижении НАТО на Восток.

Когда, сбросив монгольское иго, русские князья стали собирать русские земли, Запад в лице императора Римской империи направлял к ним посольства, предлагая им отправиться завоевывать Византию. Причина на поверхности: после взятия Константинополя турки черной тучей нависли над Европой, и нужны были силы и заградительный вал от них. Но Иоанн Грозный, о котором говорят как о символе «экспансии», оборвал речи Антония Поссевина и проявил полнейшее равнодушие к византийскому наследию, сказав: «То земля Господня, кому захочет, тому отдаст». Русские князья были равнодушны к Витебску и Смоленску, к Киеву и Полоцку — русским православным землям, захваченным поляками. «Князь хочет вотчины свои — земли русские», — ответили русские бояре на византийские посулы посла Шомберга в 1519 году. Добрая половина этих земель находилась в руках Запада.

В 1486 году имперский посол Николай Поппель, получивший инструкции донести до русского князя, что император Священной Римской империи может ему вручить королевскую корону, проговорился, что польский король озабочен обещаниями Папы короновать русского князя и посылал Папе богатые дары, чтобы тот не делал этого. «Ляхи боятся, что если твоя милость будет королем, то тогда вся русская земля, которая под королем польским, отступит от него и твоей милости будет послушна» (курсив автора). Действительно, в 1483 г. по настоянию поляков «Сикст IV дал слово королю польскому Казимиру IV никогда не обещать русскому великому князю королевскую корону без предварительного соглашения с Польшей»².

¹ Гейштор Александр (Варшава). Образ Руси в средневековой Польше. Культурные связи России и Польши. XI—XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 21.

² Ульянов Н.И. Цит. произв. Винтер Э. цит. произв. С. 43.

Ни от Папы, ни от императора русские князья никаких титулов не хотели, справедливо усматривая в этом угрозу своему суверенитету. Но в 1493 году Иван III принял гораздо более опасный для поляков титул — *«государь всея Руси»*. Вот эта «чеканная» формула превосходно выражала его как внешнюю, так и внутреннюю программу. С этого момента и началось поношение Москвы как агрессора. Ни одного конфликта из-за русских земель не обходилось без того, чтобы поляки не втягивали в него Папу, императора, европейских монархов, не пугали Запад чудовищной мощью России, ее мнимыми завоевательными планами и старой песней о ее антихристианстве и варварстве. Не успел Ричард Ченслер открыть торговый путь к устью Северной Двины, как уже польский король слал Елизавете Английской укоризны, что она-де торговлей с врагом человеческого рода укрепляет его могущество. Подобным образом вела себя и Ливония. Как только орден пришел в упадок и бывшая воинственность «божьих дворян» сменилась страхом перед Россией и перед ненавистью местного населения, он по примеру поляков поносил Московию перед Европой.

Пока общественное сознание России не освободится от иллюзий «вхождения в так называемое цивилизованное сообщество», которое ее совсем не ждет, это сообщество будет говорить ультимативным языком и предлагать унижительный экзамен на «цивилизованность». Упадок русского национального самосознания, эрозия национально-государственной воли на рубеже 90-х годов стоили России огромных утрат.

Запад всегда будет приветствовать только такого российского лидера, который окажется сугубым западником — не столь важно, либерально-космополитического или классово-интернационального толка. Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России.

Это подтвердил С. Хантингтон, первым из маститых политологов Запада указавший на глобальный характер цивилизационного противостояния именно после краха коммунизма, ибо идеологическое противостояние между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — это дискуссия в рамках одного мировоззрения, одной «философии прогресса», тогда как возрождение подлинного религиозно-исторического лица России делает ее уже представителем иного мирового проекта. Как только Россия начинает проявлять способность к суверенности, «сосредоточиваться»

и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии.

Но может ли быть успешным любой проект будущего и модернизация без опоры на собственную духовную и историческую традицию? Разве путь и судьба СССР и упадок «новой» России в 90-е годы не подтвердили, что исторически жизнеспособная национальная государственность должна опираться на «дух народный», который составляет «нравственное могущество государства, подобно физическому нужное для его твердости»?¹

Побуждение к историческому творчеству и созиданию, к подлинной модернизации даст лишь восстановление русской картины мира, где прошлое, настоящее и будущее — единая рама осмысления своих исканий и взлетов, падений и разочарований, целей и ценностей национального бытия. Но постперестроечная нигилистическая интеллектуальная элита до сих пор почитает «нецивилизованным» даже слабо возражать против уничтожения уже не только исторических международных позиций России, но и самой русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях. И, похоже, ей безразлично, что назначенная цена за ее мнимое место в мировой олигархии — это крушение русского проекта, сворачивание русского присутствия в мире, растворение русского мира как явления мировой культуры.

Соппротивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства, истории — это «русский фашизм». Восстановление религиозно-философской православной русской картины мира — это «клерикализм, мракобесие, черносотенство». Но только слепец не увидит за этим клише извечных западных фобий в отношении православия и России, рядившихся в разные одежды, но единых для папского Рима и для безбожника Вольтера, для маркиза Астольфа де Кюстина и для К. Маркса, для Ленина с Троцким, но и, увы, для кумиров московских либералов-западников, — «варварство варягов» и «любовь к рабству», «царизм», «русский империализм», «филофейство», «византийская схизма».

Сегодняшние итоги и задачи вызывают к чувству национальной солидарности не столько даже перед внешним давлением, но прежде всего для духовно-исторического делания и продолжения

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 28.

исторической жизни. Они призывают бедного и богатого, простого и образованного, старого и молодого. Ибо нация, способная сохранить себя в истории, это не простая сумма индивидов, а преимущественно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, представлениями о добре и зле, с общими историческими переживаниями. Именно это и делает из народонаселения нацию, способную к творческому историческому акту.

В окопах Первой мировой

Офицеры Русского экспедиционного корпуса во Франции

Пленные германские солдаты на Невском проспекте

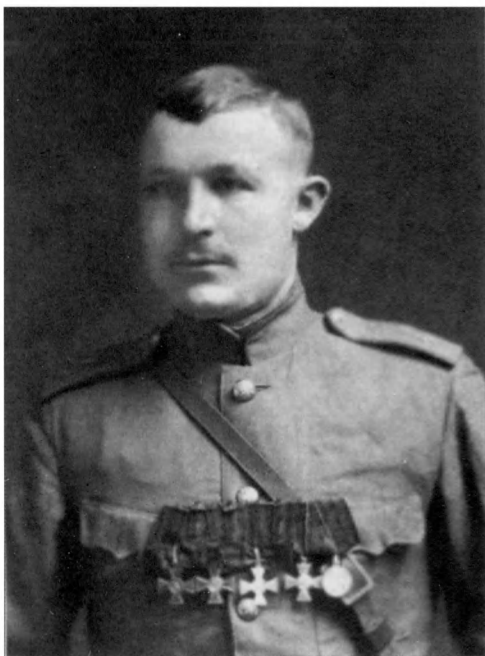
Интервью в Архангельске

Советская делегация на Генуэзской конференции

*Лидия Ивановна Подолякина-Нарочницкая,
партизанка Великой Отечественной войны*

*Иван Демьянович Подолякин, прапорщик Русской армии,
полный георгиевский кавалер. Фото 1916 г.*

Премьер-министр Франции Э. Даладье и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп на мюнхенском аэродроме. 1938 г.

*Создатели Анतिकоминтерновского пакта.
Слева направо Г. Чиано (Италия), И. Риббентроп (Германия),
Х. Осима (Япония)*

*И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов
и И. Риббентроп при подписании Советско-германского договора
23 августа 1939 г.*

Захват Вестерплатте немецкими войсками. 8 сентября 1939 г.

Захват Варшавы немецкими войсками. 8 сентября 1939 г.

Советские войска уходят на фронт

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.

Брестская крепость

Сдача в плен фельдмаршала Паулюса. Сталинград. Февраль 1943 г.

*Курская битва. Советская пехота
и танки в районе Прохоровки*

*Атака советской пехоты и штурмовой артиллерии
в ходе Белорусской операции*

Партизаны. Дед и внук

Партизаны готовят подрыв железной дороги

Дорога жизни

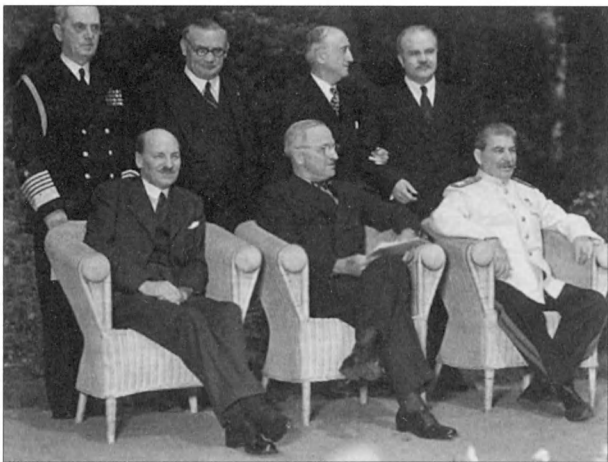
Колонны пленных гитлеровцев в Москве у Белорусского вокзала

На бывшей германской границе

*И.В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт
на Ялтинской конференции. Февраль 1945 г.*

*К. Эттли, Г. Трумэн и И.В. Сталин на Потсдамской конференции.
Июль 1945 г.*

Берлин в мае 1945 г.

Парад Победы на Красной площади в Москве

ПЕРЕШАГНУВ ПОРОГ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Вовлечение России как явления мировой истории и культуры в очередной глобальный проект очень напоминает драму и утраты России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века под флагом марксизма. Если бы окружающий мир в 1917 году был менее скован войной и ее последствиями, если бы Запад был тогда так же консолидирован, как на рубеже 90-х годов, он воспользовался бы нашей драмой еще энергичнее, и геополитические потери нашей страны были бы тогда куда более драматичны и безвозвратны.

В годы Великой Отечественной войны держава и нация, впитав «дух народный», испытали взлет могущества на мировой арене, но потом вновь растеряли его, тщась строить коммунизм, и при столкновении с очередным глобалистским соблазном пришли к распаду, к кризису исторического сознания и отнюдь не неизбежной утрате многовековых позиций.

Изучение главных международных событий вокруг России в моменты радикальных перемен в ее внутреннем развитии и весе показывает, что в течение всего XX века проявлялся ряд некоторых геополитических констант, а соперничество двух идеологических систем — коммунизма и либеральной демократии — оказало на реальные внешнеполитические стратегии государств значительно меньшее воздействие, чем казалось. Нельзя отрицать, однако, что это соперничество стало стержнем процессов в общественном сознании, управление которым в информационный век является одним из мощнейших инструментов политики.

Тем не менее именно классическая «реальная политика» с обеих сторон во многом повторяла известные устремления про-

шлого. Основными константами исторической и геополитической стратегий сначала одной Британии, затем в союзе с США с конца XIX вплоть до конца XX века были содействие фрагментации германского потенциала, предотвращение германо-русского модус вивенди, фрагментация Восточной Европы на мелкие государства от Балтики до Средиземного моря для создания буфера между «славянами и тевтонами», который бы находился под политическим влиянием англосаксонских сил. Подход к организации Балкан времен Первой мировой войны проявился в 1945 году и в новейших эскизах — Пакте стабильности Юго-Восточной Европы на пороге XXI века. Восточный вопрос не остался в XIX веке с лордом Пальмерстоном, его сюжеты разыгрывались в течение всего XX века как на полях обеих мировых войн, так и в 90-е годы в Боснии и в начале XXI века на Косовом поле, как в ходе дипломатических баталий в Версале и на сессиях СМВД в 40-е годы, так и в Дейтоне, на Стамбульском саммите, в «революции роз» М. Саакашвили и в попытке провести учения НАТО в Севастопольской бухте.

Н. Данилевский подметил закономерность: регулярно повторяющееся давление Запада на Восток, а значит, на славянство и Россию, после длительных периодов затишья в самой Западной Европе, которые служат накоплению сил для западноевропейского культурно-исторического типа. После разгрома наполеоновской армии, в котором Россия не только отразила нашествие «двунадесяти языков», но и пролила кровь за Европу, Запад накапливал силы в течение нескольких десятилетий без войн. Затем последовала Крымская война, где христианская Европа, вступив в союз с «цивилизованной» Османской империей, попыталась ограничить слишком возросшее влияние «варварской» России. Восточный вопрос набирал остроту. Пока Франция, Австрия и Германия решали свои междоусобицы, России ничего не грозило, ей даже удалось восстановить свои политические позиции — отменить «нейтралитет Черного моря». Но все европейские распри были забыты для того, чтобы на Берлинском конгрессе «снова восстановить» препятствия к решению турецкой части Восточного вопроса, разрушенные русскими штыками в 1877—1878 годах.

После очередных мирных для Западной Европы трех десятилетий ее сила снова обращается на Восток — Боснийский кризис, наконец, Первая мировая война. После Версаля следуют два

мирных десятилетия, затем возвращенный с попустительства западного мира германский фашизм вновь обращается на Восток. После Ялты и Потсдама западный мир невиданно консолидируется и структурируется в военном и экономическом измерениях — НАТО, ЕС. Четыре десятилетия Запад накапливает совокупную военно-экономическую мощь и идеологический инструментарий для подрыва других миров и нового расширения на Восток, броска на Балканы и на Ближний Восток для овладения мировыми залежами энергетического сырья и стратегическими военно-морскими подступами к ним.

Неоднократно подтвердился еще один вывод Данилевского: попытка решить «дилемму Россия и Европа» через втягивание России во внутриевропейские конфигурации и превращение в «часть Европы» — ложна и обречена на фиаско. Нельзя большее интегрировать в меньшее, не расчленив и не растворив это большее. Разве не назидательна судьба СССР и исторических многовековых позиций, уплаченных за «место» «новой» России в горбачевско-сахаровском «общеевропейском доме»?

Совпадение попыток реализации таких региональных и глобальных стратегий с крупными переменами во внутреннем развитии и международном весе России показывает, что для описанных геополитических сценариев необходимы хотя бы временное ослабление России, утрата ее объективной геополитической миссии — служить держателем равновесия между Западом и Востоком, нарушение которого порождает соперничество окружающих цивилизаций за новые геополитические позиции в стратегических районах мира. Именно в рамках борьбы за «российское наследство» в 1990-е годы начался структурный передел мира, включивший, помимо сугубо новых задач из области геоэкономики, преемственные проекты в Прибалтике, Восточной Европе, в Средиземноморо-Черноморско-Каaspийском регионе, в южном подбрюшье России — Центральной Азии. Масштабность и амбициозность последнего передела мира столь грандиозны и глобальны в силу плотности мировой системы, что могут быть сравнимы лишь с двумя мировыми войнами, а значит, великие противостояния продолжают и, значит, миру необходима Россия.

Восстановление национально-государственной воли России и ее естественное сопротивление вытеснению с мировой арены были неизбежными. «Мюнхенская риторика» российского пре-

зидента ознаменовала несостоятельность американских амбиций создать однополярный мир как самовоспроизводящуюся и саморегулирующуюся систему. США, несмотря на сохраняющиеся у них мощнейшие и разнообразные рычаги давления и еще не израсходованный потенциал экспансии, лишились в Мюнхене главного: молчаливого признания другими государствами американского морального и военно-политического превосходства, их единоличного права интерпретировать мировые процессы в собственной идеологической схеме и отождествлять американские интересы с идеалами и целями мира. После Мюнхенской речи уже неуместны в устах официальных лидеров Запада фантомные образы «мирового цивилизованного сообщества», которые фактически прикрывали передел мира.

Именно в предвидении этого неизбежного рубежа историческая российская государственность во всех ее формах была целенаправленно сделана объектом демонизации в общественном сознании. И в число ее наиболее рьяных адептов, увы, входят прежде всего собственные постсоветские либералы, которых на деле больше всего мучает геополитическая и духовная самодостаточность России, а значит, ее способность быть самостоятельным историческим проектом, на фоне которого невозможен успех глобального управления. Именно они вторят западным клише, что Россия представляет чудовищную угрозу мирной европейской либеральной цивилизации, так как в отличие от той всегда имеет грандиозные, ни с чем не сравнимые экспансионистские планы и идеи мирового господства. Именно они ерничают над самой идеей «суверенной демократии» и пропагандируют глобализацию, не отделяя ее естественных аспектов от идеологии «глобализма» — инструмента управления миром.

Утрата геополитических позиций России в конце XX века трактуется противниками российского великодержавия либо как «закономерная» расплата за «тоталитаризм», либо как долгожданный конец Российской империи, о котором с восторгом объявил в декабре 1991 года Зб. Бжезинский. Но на Западе влиятельные умы никогда не сводили холодную войну к борьбе тоталитаризма и демократии. Тем более эта схема не подходит для объяснения «атлантической» стратегии в Восточной Европе в 1990-х годах или развернувшегося в первый год нового тысячелетия грандиозного евразийского проекта США.

Сам Бжезинский еще в начале 70-х годов высказывался об объективности глобального противостояния и исторического соперничества крупных государств и наций, которые становятся геополитическими орбитами, что лишь частично может быть объяснено разным идеологическим и политическим характером этих стран. «Коммунистическая Америка со всей вероятностью осталась бы соперником Советского Союза, каковым сразу стал коммунистический Китай. С его размерами и мощью демократический и развивающийся Советский Союз стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности»¹.

Поистине национальная катастрофа России в 90-е годы, среди прочего, есть плод очередного самоуничужения и комплекса культурной неполноценности российской интеллигенции, воплощенных то либералами XIX века, то ранним большевизмом, то диссидентами и номенклатурно-партийной и интеллектуальной элитой эры Горбачева, наконец, первым постсоветским истеблишментом.

Суверенитет духа прежде всего, потом уже суверенная демократия, если наделить ее подлинными смыслами, должна ограждать цели и ценности русского мира, позволить найти равновесие между национальным и универсальным, отвергнуть ультимативные условия глобализации, в которых невозможна столь необходимая России модернизация без утраты смыслообразующего ядра продолжения себя в истории.

Пора осознать, что глобализация уже давно перестала означать универсализацию прогресса, как это было в эпоху модерна. Догонять «мировое сообщество» с этой целью бессмысленно. Ультимативные условия глобального управления сегодня обрекают подражателей на консервацию и даже увеличение своего отставания. Из западных миров модернизируются сегодня устойчиво и быстро только те крупные национально-государственные субъекты, которые сами определяют свою роль в процессах глобализации, — Индия, Китай. И, чтобы «обратить на пользу мощь

¹ *Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York: «Viking», 1970. P. 283.*

глобализации», надо нащупать то, что можем дать миру только мы, и сформулировать свою незаменимость. Россия не может выиграть на чужом поле и по чужим правилам.

Вопреки обвинениям в ксенофобии Россия, защищая свои рубежи и национальное достоинство, ограждая от глумления свою историю и Победу, вовсе не ищет конфронтации. Но пора посмотреть правде в глаза: именно в годы отсутствия российского противовеса девиз на государственной печати США «Novus Ordo Seclorum» — «новый порядок на века» из мистического задания стал воплощаться в реальности как синтез империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма в духе Вудро Вильсона. США произвели «теологизацию» своего мирового проекта и приравняли свои интересы к универсальному канону. В такой философии соперник или противник США становится врагом света и исчадием зла. И лишь российские либералы вроде гротескной Новодворской до сих пор убеждены, что «США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели».

Однако незападный мир испытывает глубокое разочарование именно в тех самых «западных ценностях», которыми он был долго очарован, что приносило Западу и самим США немалые политические дивиденды. Нынешний диктат и силовой «экспорт демократии», свержение неудобных режимов и организация революций воспринимаются как деградация и закат западного мира и великой европейской цивилизации, что затрагивает уже не только Америку, но и Европу, и Россию. Это ведь только для поляков и русских нигилистов Россия — «варварский Восток», но для Востока мы Запад. Антиамериканизм, разочарование в США усиливают неприязнь ко всей западной, изначально христианской цивилизации. Вот один из важнейших факторов роста напряженности в межцивилизационных отношениях, которые и без того переживают масштабные сдвиги, имея неопределенное будущее.

Не пора ли России после 15-летнего молчания предложить миру идею? Суверенная демократия должна прежде всего отстоять право на историческую инициативу. США построили свой рай на земле, поражающий благосостоянием, но уже ничем другим, и взимают имперскую дань. Россия же обладает тем, чего нет ни у США, ни у Европы.

Это бесценный и уникальный опыт многообразия, делающий Россию моделью реально существующего многогранного мира. Ей ведомо все — и безумное богатство, и средневековая бедность, высоты культуры, технологии и научной мысли — и архаика. Ей «внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», проблемы и хижин, и дворцов. Она одновременно живет в трех веках — в прошлом, настоящем и будущем. Она знает конструктивное взаимодействие на своей территории и в своем историческом проекте всех цивилизаций — «от финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля до стен недвижимого Китая». У нее опыт уникального сотворчества с исламом. И весь этот опыт, это единство во множестве дают ей способность понимать других в этом мире и уважать их инакость, чего никогда не смогут американцы. Не пора ли выдвинуть идею *справедливо-го мира* — мира гармонии многообразия?

Взывать к чести и справедливости в мировой политике, судя по опыту истории, вряд ли перспективно, но и Европе нелишне было бы посмотреть на свое будущее в ином свете, чем в единственно «политкорректных» клише «прав человека» и «глобализации».

Европа весьма способствовала формированию однополярного мира и праздновала известную утрату позиций России на Балтике и на Черном море, «возвращение в цивилизованное сообщество» восточноевропейских и «освобождение» прибалтийских стран. Российское великодержавие в конце XX века было объявлено угрозой и Европе, и идеалам прогресса — суверенитету, самоопределению, равноправию, демократии, правам человека. Но когда Россия самоустранилась, в тот же миг именно эти основы были попорчены.

Агрессия против Югославии — суверенного государства, основателя ООН и участника Заключительного акта Хельсинки — знаменовала упадок целой эпохи европейской истории. Начавшийся далее поэтапный передел мира с почти ежегодными интервенциями в суверенные страны не только имеет неевропейскую конечную цель, но и неизбежно влечет перегруппировку сил на самом Западе, причем совсем необязательно в интересах Европы. Специфика нынешней ситуации в том, что стратегические потери России, овладение Европой новых «территорий» в долгосрочной перспективе вовсе не усиливают прежних континентальных соперников России. Более того, эти сдвиги, как проявилось, даже не

придают новой энергии «европейскому проекту». Не стало подлинным реваншем именно «старой» Европы даже возвращение Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши и Балканских государств в западный ареал, даже если Европа ощущала в себе зов предков от крестоносцев, Габсбургов и Бонапарта.

Все геополитические и военно-стратегические сдвиги встраиваются, скорее, в американскую, но не в европейскую конфигурацию. Чем больше перемен, тем очевиднее неспособность оскудевшей духом Европы даже выиграть от них и обрести новый исторический импульс, не говоря уже о том, что ее хваленая экономическая и социальная конструкция едва выдерживает дополнительный груз. А значит, новые конфигурации служат не самой Европе, а подчинению ее «глобальному управлению» и евразийскому проекту США.

Вспомним также, как панъевропейские стратеги аплодировали утрате Россией обретений Петра Великого, не дававших покоя «старушке Европе» с XVIII века. Но Европа не учла, что с гипотетическим вытеснением России из этого стратегического региона, чего они, похоже к счастью, уже не дождутся, «закат Европы» и утрата «Старым Светом» положения центра всемирно-исторических событий стали бы свершившимся фактом.

Старая Европа, возможно, уже иногда ощущает, но, похоже, еще не осознает, что одно из следствий этого передела — это неизбежное падение ее собственной роли в мире и даже как союзника Вашингтона. США вышли на такие рубежи, где «старая Европа» уже не стержень интересов Вашингтона, а всего лишь обеспеченный тыл, в чем она убедилась слишком поздно, как и в том, что не российское великодержавие угрожает ее роли в мировой политике, а, наоборот, его упадок.

Тезис Рамсфелда о большей важности «новой Европы» — антирусских Польши и Прибалтики — действительно отражает принципиальные изменения в геополитическом мышлении части американского истеблишмента, которое устремлено в Евразию и нацелено на глобальное управление и структуризацию под американской эгидой куда более широкого региона. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на евразийском континенте» нужно Вашингтону вовсе не для обороны западной части континента от угрозы с Востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным

трамплином продвижения в Евразию»¹. Почему это не насторожило Европу?

Но и «новая Европа», чьего «мнения» никто не спрашивает, нужна лишь потому, что линия от Балтики до Средиземного и Черного морей — это стратегический подступ к протянувшемуся в широтном направлении «мировому углеводородному эллипсу».

Все же невозможно отрицать, что идея единства Европы, понятие европейской цивилизации и культуры на протяжении веков были вдохновляющим идеалом и великой ценностью и многие прекрасодушные европейцы на западе и востоке общехристианской ойкумены стремились к гармонизации исторических поисков, подчеркивая не различия, но и бесспорные аспекты единства. От того, какую идею единения на грядущем витке развития человечества выберут Европа и Россия, во многом будут зависеть судьба тех идеалов, которые сделали их национальное наследие и культуру явлением мировой истории, и судьба и роль их самих в этой истории.

Можно рассматривать мир и Европу лишь как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в постоянной оптимизации. Но на таком пути ценность исторического наследия перестает играть роль по сравнению технократической целесообразностью. Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Шекспиром, Гёте и Достоевским. В этом проекте униформного пространства нет места не только православной России, но ни одной из великих духовных и национальных традиций человечества, в том числе и великой европейской культуре.

Чисто материалистический идеал и подход весьма знакомы России, и русские лучше других знают, насколько он обречен. Сами европейские державы были на пике своего величия тогда, когда их история воплощала цели не только материального, но и духовного порядка, утверждала ценности национального бытия и культуры — когда Европа жила «не хлебом единым». Заметим, что и коммунистический, и сугубо материалистический в замысле СССР поднялся на пик могущества только после того, как Великая Отечественная война востребовала национальный дух и возврат к традиционным ценностям Отечества, долга, самопожертвования.

¹ *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

Разве не очевидно сегодня, что вовсе не российское великодержавие представляло угрозу Европе как самостоятельной геополитической и культурно-исторической величине, и возможности конструктивного взаимодействия на континенте?

Сотрудничество России и Европы действительно могло бы дать обоим мощный и столь необходимый импульс в начавшемся Третьем Тысячелетии Рождества Христова. Но для этого нужно признать, что не только самой России, но и Европе нужна и выгодна сильная Россия, что им обоим нужно, чтобы Россия вернула роль системообразующего фактора международных отношений. Хотя и трудно предположить, что из европейского сознания легко удалить особо тиражируемый сегодня уничижительный образ России, не побуждают ли новые вызовы по-новому взглянуть на дилемму «Россия и Европа»? Она ведь не изжита именно Западом.

Пусть те, кто ощущает себя «новым» в истории Европы, в своей «эйфории эмансипации» пока тешат себя образами «полуазиатской Московщины и цивилизованного Запада» — их эйфория столь же естественна, сколь недолговечна. Пусть шумят на российского слона Рига, Таллин и вечно неугомонная против России Варшава, которая даже готова глорифицировать бандитов, режущих в Чечне головы христиан. Но зачем это тем, чья национальная история, чья славянская история, пылавшая в костре Яна Гуса, уже была великой всеевропейской историей, когда еще человек задавал себе и другим великие вопросы?

Несмотря на многовековое противостояние, великая романо-германская, славянская и русская православная культуры имеют единую апостольско-христианскую духовную основу. Европейцы, западные и русские, давшие примеры наивысших форм латинской и православной духовности, западноевропейец и русский — мировые гении, выразившие и две разные формы отступления от Бога, гётевский Фауст воплотил скепсис и сомнение горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии. Иван Карамазов Достоевского выразил пламенный вызов Богу русской гордыни, не желающей смириться с попущением несправедливостей и грехов окружающей жизни. Неслучайно Жак Ле Гофф, ведущий историк школы «Анналов» видит задачу, которую «ныне предстоит осуществить европейцам Востока и Запада» «в объединении обеих половин, вышедших из общего

братского наследия единой цивилизации, уважающей порожденные историей различия»¹.

В век невиданного фарисейства в сокрытии истинных мотивов политики, наверное, наивно указывать, что подлинное единство — не в новых разделительных линиях, они ведь не новы и слишком напоминают конфигурации многовекового «Дранг нах Остен», теснившего славян от Балтийского и Черного морей. Подлинное единство и не в диктате идеологических стандартов Совета Европы — это тоже не ново, так действовал Третий Интернационал.

Можно ли льстить себя надеждой, что нынешний европеец поймет и признает: подлинный импульс, подъем и самостоятельность Европе может принести только признание вселенской равноценности наших опытов, осознание, что будущее — в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной. Но для этого пришлось бы признать, что будущее России — это будущее Европы. Способна ли на это нынешняя Европа?

¹ *Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. С. 4.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Отторжение византийской «схизмы» воплотилось в Новое время в отчуждение по отношению к православной России. На всем протяжении превращения Московии в Российскую империю, а затем в XX веке в коммунистический СССР феномен России и русских как явления мировой истории независимо от наличия реальных противоречий вызывал заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам некогда одной семьи. Исполинская размерами, куда более равнодушная, чем Запад, к земному и парадоксально выносливая в посылаемых ей испытаниях и нашествиях с Востока и Запада, Россия принадлежала к тому же духовному наследию, но родила иной исторический опыт. Она и добродетельствовала, и грешила всегда по-своему, а заимствуя что-то у Запада, преобразовывала это до неузнаваемости.

И даже когда Россия, как честно в отличие от большинства западных интерпретаций признал А. Тойнби, «рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории переняв западное мировоззрение», и превратилась из православной в коммунистическую державу, она опять осталась империей и родила нечто, далекое от ортодоксального марксизма. Тойнби убежден, что коммунизм — это оружие западного происхождения и «в российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно». И опять парадокс: коммунизм, особенно его ортодоксальный отряд — пламенные интернациональные большевики, воспитанные в женеvских кафе, крушил православную душу, христианскую русскую жизнь России и ее государственность. Но именно применение коммунизма на русской православной по-

чве, в той самой соперничавшей ойкумене сделало его в глазах Запада куда более опасным идейным оружием на определенное время, чем любой гипотетический коммунистический эксперимент на самом Западе. «Это, по сути, была попытка критики Запада в его неспособности следовать собственным христианским принципам в сфере экономической и социальной жизни якобы христианского общества».

Противостояние XX века сохранило не только преемственные геополитические противоборства. На фоне колоссально возросшей роли финансовых интересов и обеспечения ненасытной жизнедеятельности за пределами своих государств соперничество двух ветвей философии прогресса — либерализма и коммунизма — развивалось по прежней модели. «Поскольку коммунизм возник как продукт беспокойной совести Запада, он, вернувшись обратно в западный мир в виде русской пропаганды, вполне может тронуть другие совестливые западные души, — писал Тойнби. — Запад снова оказался под угрозой духовного разрушения изнутри и духовного штурма извне. Таким образом, коммунизм, угрожая основам западной цивилизации на ее собственной почве, показал себя куда более эффективным антизападным оружием в руках русских, чем любые материальные вооружения»¹.

Современные реальные и духовные противоречия между Россией и Западом развивались в течение веков в контексте роста и упадка, но непрекращающегося давления на нее окружающих цивилизаций Евразии. Параллельно этому шло формирование и складывалось соперничество к началу XX столетия ведущих сил западного мира, претендующих на главенство сначала в Европе, к концу XX века — в мире. Такая победа возможна лишь при двух условиях — уничтожении российского великодержавия во всех его геополитических и духовных измерениях и отбрасывании России от европейских морей в глубь континента, на северо-восток Евразии.

Политическая и историко-философская дискуссии о России как явлении мировой истории и культуры, о ее пути, разворачивающиеся на рубеже Третьего Тысячелетия, неразрывно связа-

¹ Тойнби А.Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. СПб.: Прогресс, 1996. С. 161—162.

ны с интерпретацией ее исторического и духовного опыта. Кто мы? Европа ли мы?

На самом деле дилемма «Россия и Европа» не изжита вовсе не Россией, а именно Западом. Европа построила свой рай на земле, но так и не избавилась от нигилизма к русской истории, неуверенности перед громадностью и потенциальной самодостаточностью России, ее способностью выстаивать и возрождаться после невиданных испытаний и упадка и, главное, перед ее вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия.

Является ли Россия частью Европы? Но что есть Европа вчера, сегодня, завтра? Россия и Европа, безусловно, принадлежат к одной цивилизации, но едины они были более всего дважды: изначально — до Просвещения и в XX веке — в период коммунизма. И это не парадокс.

Спор о первенстве в обладании Христовой истины, великая схизма в христианском мире разделили и противопоставили Европу и Россию, но отнюдь не сделали их разными цивилизациями. Романо-германская и русская православная культура стали двумя опытами и дали разный ответ на главный вопрос христианской истории: *преодоление искушения плоти — хлебом и гордыни — властью*. Разделил их вольтерьянский хохот, раскаты которого все более громким эхом отдаются в стенах европейских институций. И к концу XIX века, когда персонажи Золя уже теснили героев Шиллера, когда Европа, по выражению К. Леонтьева, «сама в себе уничтожила все великое, изыщное и святое», Россия не была частью той ветви цивилизации, что выросла из декартова рационализма, идейного багажа Французской революции и протестантской этики мотиваций к труду и богатству.

Русская революционная интеллигенция бросилась догонять. Но Россия опять по-иному выразила даже отступление от Бога: гётевский Фауст — воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамазов — дерзкий вызов Богу русской гордыни, не желающей терпеть поущение зла на земле. Демоны индивидуализма и бесы социальности — вот кто яростно столкнулся в XX веке,

при этом равно унаследовав извечные западные фобии в отношении православия и России.

Подражание Робеспьерам и Дантонам, повторение изобретенного ими революционного «*terreur*», самопредательство и погром православного самодержавия и веры предков не помогли российским эпигонам. Европа, даже консервативная ее часть — верующая и католическая, та, что сама сопротивлялась дехристианизации, не сочувствовала России и все равно считала русских чуждыми. «С XIX века в Европе есть две великие массы, чуждые западноевропейской традиции, — писал в 20-е годы консерватор Карл Шмитт, отторгавший западноевропейский либерализм, — это пролетариат больших городов, ориентированный на классовую борьбу, и русские — “*Russentum*”, отворачивающиеся от Европы. С точки зрения традиционного европейского образования и те, и другие — варвары, и когда у них достает силы самосознания, они также и сами себя с гордостью именуют варварами. То, что оба этих течения встретились на русской почве, в русской Республике Советов, глубоко правильно... Эта связь — не случайность мировой истории».

Так дилемма «Россия и Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна, в которой соперничали идеи опять из одного родового гнезда — на сей раз Просвещения. Коммунизму и либерализму — кузенам, детищам философии прогресса — равно свойственны универсализм, отождествление со вселенскими идеалами, да и общность цели при разнице средств налицо: униформное глобальное сверхобщество на безрелигиозных безнациональных стандартах. «Идеологическая борьба» уподобилась религиозной войне католиков и протестантов, а острота холодной войны была предопределена неприятием восстановления в итоге Победы СССР территории Российской империи. С этого момента старые и обычные противостояния представляются как борьба светлого и темного начал в истории.

Что же сегодняшние Европа и Россия? Грустно ощущать себя в Совете Европы единственной, еще знающей баллады Шиллера наизусть, и слушать «истматовское» доктринерство комических лордов джаддов про троцкистские «соединенные штаты Европы» и мира. Это ли не нигилистическая пародия на

Европу Петра, которая возрастала и являла миру великие державы и культуру, когда вера, отечество, честь, долг, любовь были выше жизни. И каково же историческое чутье Пушкина, который «познал истину», «сделавшую его свободным» (Ин, 8, 32), и который двести лет назад распознал пустоту свободы внешней при утрате свободы внутренней: «Недорого ценю я многие права, от коих не одна кружится голова». Ныне «суверенным» в плену плоти и гордыни европейским индивидам чужды декартовы «страсти души», их удел — «гедонизм и нарциссизм». Карьеризм и выбор зубной пасты — вот что сегодня смысл жизни «демоса», слепо уверенного в своей мнимой «кратии», хотя за спиной охлоса судьбы мира вершит всемогущая олигархия. Ее же родина там, где ниже налоги... поэтому её лозунг «ubi bene — ibi patria» — «где хорошо, там и отечество».

На фоне впечатляющих перспектив территориального роста Евросоюза «старая» Европа утрачивает себя как исторический проект. Мир в сознании сегодняшнего европейца — не более чем гигантское хозяйственное предприятие для удовлетворения плоти индивидов, напоминающих гомункулов из пробырки низшего разряда — из антиутопии О. Хаксли. Европейская конституция — скучнейший образчик творчества либерального «Госплана» своим сугубым материализмом подтверждает саркастические прогнозы 20-х годов К. Шмитта о единстве марксового и либерального экономического демонизма: «Картины мира промышленного предпринимателя и пролетария похожи, как братья-близнецы, — это тот же идеал, что у Ленина — “электрификация” всей земли. Спор между ними ведется только о правильном методе электрификации. Американские финансисты и русские большевики соединяются в борьбе за экономическое мышление»¹.

В разделе «ценности» вообще не перечислены оные, лишь функциональные условия для них, только этим и являются «священные коровы» либерализма XXI века — «права человека», «свобода» и «демократия». Вне ценностей они остаются лишь провозглашением кредо: не иметь никакого нравственного целе-

¹ Шмитт Карл. Политическая теология. Римский католицизм и политическая форма. М.: 2000. С.117.

полагания жизни и истории. Так для чего же Европе нужна свобода? Чтобы «гнать перед собой врагов и грабить их имущество», как определил высшее благо Чингисхан? Или чтобы спастись «алчущим и жаждущим правды» (Нагорная проповедь)? Но в европейских институциях вольтерьянцы освистывают редких, готовых «быть изгнанными правды ради». Свобода совести стала свободой от совести, ибо ограничена исключительно *правом объявлять порок и добродетель, добро и зло равночестными*.

Ценностный нигилизм и есть конец истории. Поэтому для Европы может закончиться эпоха культуры как порождения духа. Останется технократическая цивилизация. Это уже не метафизический «Рим» — незримый центр, кочующий с Востока на Запад и с Запада на Восток, туда, где свершается всемирно-историческое, то в Прагу Яна Гуса, то в Толедо Тирсо ди Молины, то в Москву. Сегодня это почти Рим языческий с его паническим страхом перед физическим несовершенством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством — водопроводом, термами, Колизеем и Форумом — уже был сметен Аларихом вестготским. Сегодня технократия бессильна перед мигрантами вовсе не потому, что их много и они иные, а потому, что у Европы нет больше святынь — одни компьютеры и «права», которые мигранты заполняют своими святынями.

В современном неолиберализме и его революционном проекте единого униформного, безнационального и безрелигиозного глобального сверхобщества под глобальным управлением исчезает не только христианский смысл, но всякое духовное искание за пределами «хлеба единого». Либерализм, ранее возникший как жертвенный борец за свободу искать ценности, выродился и ищет в надмирном «сообществе» гарантию своей неоспричастности ни к одной из великих национальных и духовных традиций человеческой культуры и требует устранить их для обеспечения своего псевдобытия — истории без нравственного целеполагания.

Первыми исчезнут как явления мировой культуры и истории — малые нации. В такой единой Европе незавидна судьба славянства с его чудными языками, местными традициями и фольклором, тайнами, исканиями и метаниями, геополитическими и духовными сомнениями и тяготениями, с его героиче-

ской летописью выстаивания и выживания между католиками и мусульманами, между тевтонами, монголами и турками; останется мертвый экспонат в маленькой витрине этнографического музея униформного мира.

Духовное самоуничтожение европейской цивилизации да и ее катастрофический демографический упадок, утрата даже библейского побуждения к продолжению рода происходят одновременно с овладением новыми пространствами и финансовыми ресурсами. Произошло окончательное замещение идеи Священной Римской империи ее леволибертарной пародией — «единой Европой», созданной не для воплощения исканий духа, а всего лишь для оптимизации хозяйственных потребностей индивида, опустошившего свою душу и обожествившего свою плоть.

Шпенглеровский «Закат Европы» — «Untergang des Abendlandes» неизбежен в «конце истории» Ф. Фукуямы, коль скоро единственным смыслом ее было соперничество либерализма с коммунизмом и, следовательно, сам либерализм не имеет внутренних побудительных импульсов к историческому «творческому акту народа, получившего дары Святого духа и претворившего Их по-своему» (И. Ильин).

Что же Россия? Мир все еще ждет, что скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия. Между тем, идейные гуру перестройки прорыдали: «Рынок, PEPsi». Незамысловатость их «исторического» проекта объяснима: цель — привычно материалистична, тезис о «переходе от тоталитаризма к демократии» — копия постулата научного коммунизма: «Главное содержание нашей эпохи — переход от капитализма к социализму». Но кто же спорит о достоинствах рынка и необходимости демократии? Просто это всего лишь инструмент, а не историческая перспектива.

Хотя в 1917 году православие в России попытались распять и заковать в цепи, оковы рухнули и оскудевший, но живой его дух высвободился. Вот и идет все еще в России — единственной во всей Европе — подлинно *исторический* спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем. Пока это волнует, не будет конца истории. А будущее России — это все же будущее Европы. Но, похоже, Европа, как и во времена Пушкина, «в отношении России столь же невежественна, как неблагодарна».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Дискуссия и документы

Материалы круглого стола

«РЕВИЗИЯ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА»¹

С.А. Архангелов, директор Государственного центрального музея современной истории России:

Уважаемые коллеги!

Искренне рад приветствовать вас в залах Государственного центрального музея современной истории России, который уже много лет является крупнейшим центром изучения российской истории со второй половины XIX века до настоящего времени. Сегодня в музее проходит заседание круглого стола «Ревизия итогов Второй мировой войны и современная геополитика. Общественные дискуссии и новые публикации», организованного Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Одной из самых трагических и в то же время героических страниц истории нашей Родины стала Великая Отечественная война 1941—1945 годов, победа в которой стала ключевым символом, определяющим ядро российского национального самосознания. К сожалению, в последнее время попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны становятся все более жесткими, злыми, агрессивными. Речь идет о сознательном искажении исторических фактов и событий, их вольной интерпретации,

¹ Круглый стол состоялся в Государственном центральном музее современной истории России 17 марта 2010 года.

мифотворчестве, направленных на дискредитацию подвига советского народа, умаление роли советского государства в победе над фашизмом. Последнее время особенно активно искажаются основные итоги Второй мировой войны, в результате которых окончательно изменился старый мир и установилась новая система международных отношений. Россия, как твердо заявил президент Российской Федерации Д.А. Медведев, намерена решительно противостоять фальсификации итогов Второй мировой войны. Сегодня мы понимаем, что необходимо, основываясь на документах и реальных фактах, вести активную борьбу за установление исторической правды, выработать наступательную стратегию противодействия попыткам фальсификации истории. Достойным вкладом в борьбу за историческую правду стала подготовка уважаемыми авторами, многие из которых находятся в президиуме нашего собрания, книги «Ялта-45. Начертания нового мира», которая здесь представлена. Книга является первой факсимильной публикацией уникальных документов и фотографий из личного архива И.В. Сталина, хранящегося в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. Опубликованные в книге статьи и комментарии дают возможность изучить и оценить Ялтинскую мирную конференцию «большой тройки», проходившую на фоне триумфальных успехов Красной Армии и близящейся победы, с позиций современной историографии и геополитики.

Проведение круглого стола по столь актуальной в канун 65-летия Великой Победы тематике в стенах Государственного центрального музея современной истории России символично для нас, так как одним из приоритетных направлений деятельности нашего музея является разработка и реализация в рамках государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации актуальных музейно-выставочных проектов, посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной войне. С целью эффективного и аргументированного противодействия фальсификациям и мифам музей совместно с Институтами российской и всеобщей истории РАН, ведущими архивами и музеями страны систематически вводит в научный оборот ранее неизвестные документальные источники, проводит конференции, colloquiums, круглые столы. В частности, осенью 2009 года состоялся круглый стол «Мировые войны XX века», участникам

которого была представлена выставка ГЦМСИР «И вспыхнул мировой пожар...», посвященная 95-летию начала Первой мировой войны и 70-летию начала Второй мировой войны. В конце марта 2010 года в музее состоится научная конференция «Основные направления противодействия искажению ключевых проблем отечественной истории» и будет проведен Международный коллоквиум «Российские потери культурных ценностей во Второй мировой войне — музеи во время войны».

Предметом обсуждения на нашем сегодняшнем круглом столе станут дискуссионные проблемы современной интерпретации основных итогов и уроков Второй мировой войны, наиболее актуальные вопросы изучения сложившейся историографической ситуации, определение перспективных направлений противодействия попыткам фальсификации и искажения исторических фактов. Важное место займут вопросы осмысления итогов Второй мировой войны в свете основных геополитических тенденций последнего времени и инициатив Российской Федерации на международной арене. При этом особое внимание хотелось бы уделить обсуждению следующих вопросов:

— Архитектура послевоенного миропорядка: системообразующие элементы и пределы прочности;

— Ревизия итогов войны: объективный исторический процесс или политическая конъюнктура?

Наконец, предлагается обсудить вектор общественных дискуссий в свете публикаций новых документов последнего времени. Отрадно, что материалы сегодняшнего круглого стола будут опубликованы в специальном выпуске журнала «Международная жизнь». Спасибо вам за присутствие на этом круглом столе и разрешите от имени коллектива музея пожелать успехов в его работе.

Н.А. Нарочницкая, доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы (Москва), руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж):

Спасибо большое, Сергей Александрович. Для нас честь проводить этот круглый стол совместно с Государственным центральным музеем современной истории России. И мы надеемся, что наше сотрудничество только начинается.

Вы действительно очень правильно сказали, что тема фальсификации истории обрела особую актуальность не только потому,

что в течение последних 20 лет мы наблюдаем системные попытки полностью извратить не только роль нашей страны в Победе, но и сам смысл Второй мировой войны, обесценить понятие Великой Отечественной войны. Мы видим, как возникает совершенно новая геополитическая ситуация, понять которую гораздо легче тому, кто хорошо знает не только декларируемую часть документальной истории конца войны, но и закулисные переговоры, знает секретные документы. Понять смысл «холодной войны», ее неизбежность, а также понять, почему масштабный передел мира, происходивший в 90-е годы и продолжающийся сейчас, удивительно напоминает все те силовые линии, которые мы знали в прошлом, помогают документы, благодаря которым возможно сравнение позиций государств.

Мы очень благодарны издательству «Вече». Здесь присутствует Сергей Николаевич Дмитриев, главный редактор этого издательства, с которым наш Фонд исторической перспективы очень плодотворно сотрудничает. Книга «Ялта-45. Начертания нового мира» — это уже второй книгоиздательский проект. Я хотела бы также упомянуть сборник «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?», выход которого стал, на мой взгляд, важным событием. Неслучайно эта книга лидировала в десятке самых продаваемых изданий в течение сентября—октября 2009 года, несмотря на то, что тексты в ней сложные, изобилующие сносками на архивные документы и различную литературу, и для того, чтобы понимать их, нужно легко оперировать фактами, именами, событиями, иметь хотя бы какую-то критическую массу знаний в области международных отношений. И, тем не менее, книга прекрасно продавалась. Это говорит о том, что наше общество имеет большую тягу к серьезной литературе, к истории собственной страны, а не только увлечено пошлыми и мелкими темами, на которые пишется огромное количество развлекательной макулатуры.

Хотелось бы еще предварить выступление наших участников несколькими словами о том, что юбилей Ялтинской конференции не получил широкого информационного освещения, какое наверняка было бы до перестройки и так называемой разрядки. Политики стыдливо прячут голову в песок, общий тон их речей таков: да, конечно, это величайшее событие, но это были старые международные отношения, доктрина баланса сил, сейчас ситуация совершенно изменилась и поэтому переносить параметры осмысления,

которые подходят для того периода, на сегодняшний день было бы неуместным. Но это вполне вписывается в ту концепцию пересмотра смысла войны, в которой Ялтинская конференция и решения великих держав, умеривших свои амбиции, можно трактовать как реликт доктрины баланса сил, когда демократические страны вынуждены были временно смириться с ролью одного из тоталитарных монстров для того, чтобы навсегда упредить возрождение другого тоталитарного монстра и потом в течение «холодной войны», до краха Советского Союза, добивать второго. Но нынешние геополитические вызовы достаточно сильны и их отличие от явного, конкретного, страшного вызова гитлеровской Германии состоит в том, что они, имея глобальный характер, тем не менее, мало предотвратимы. Это колоссальная смена соотношения сил между Востоком и Западом. Это перемещение экономического динамизма в Китай, Индию, расширение исламского мира, то есть смена соотношения сил между цивилизациями, огромные демографические и миграционные потоки, которые демократическими методами сдерживать невозможно, ибо они неизбежно приведут к сотрясению западных обществ. Борьба за ресурсы и энергоносители, за пресную воду, за контроль над ключевыми районами составляет важную часть передела мира, которому мы были свидетелями и который еще будет продолжаться. В этой новой нарождающейся архитектуре Европе удержать роль центра принятия решений без взаимодействия, а значит, нахождения модуса вивенди с Россией, да и с США, совершенно невозможно. Та же «перезагрузка» Обама нуждается в проверке: окажется ли она прагматизмом Рузвельта или обернется доктриной Трумэна, который, как известно, окружил по периметру весь Советский Союз военными базами. Пока у нас есть большие сомнения в отношении серьезности этой «перезагрузки», но это уже не тема нашей конференции.

Огромное значение мы придаем ознакомлению с правдой истории академического сообщества и студентов; то есть всего того круга, из которого черпает интеллектуальные и административные ресурсы так называемая элита общества, понимаемая как социально-активный слой, являющийся кадровым резервом для управленцев, для воспитания, культуры, образования. Потому что знания документов и подлинной истории вооружают аргументацией, которой часто не хватает при полемике с теми, кто проповедует мифы или тиражирует домыслы.

Сегодня здесь среди нас присутствуют эксперты, люди, имевшие в своей жизни доступ к серьезным документам и к принятию решений: это и ученые, и публицисты, и издатели. Поэтому я с большим удовольствием хотела бы передать слово Валентину Михайловичу Фалину, Чрезвычайному и Полномочному Послу, доктору исторических наук, крупному государственному деятелю, обладающему знаниями документов, которые в свое время были закрытыми. Поэтому он прекрасно различает реальную историю и пропаганду, сегодняшнюю и вчерашнюю. Валентин Михайлович был послом в Западной Германии, на его глазах происходила страшная радикальная смена всех устоев того миропорядка, который так или иначе, при всех неизбежных изъянах сохранял мир в течение 50 лет. Если и случались нарушения международного права (а это неизбежно, ведь никакой Устав ООН не может сдержать государство, если оно не видит иного выхода для защиты своих национальных интересов), то эти нарушения так и квалифицировались — как нарушения международного права, а значит, сам принцип сохранялся. Сегодня же под флагом фарисейских лозунгов, попирая Устав ООН, под флагом прав человека и демократии бомбятся суверенные страны, производятся гуманитарные интервенции, по периметру границ нашей страны прошли «ботанические» революции, которые на Западе еще 30 лет назад квалифицировались бы не иначе как государственный переворот. То есть рушатся все устои и понятия, заложенные в поствестфальском международном праве. Поэтому наша задача — по всем фронтам вести полемику, в том числе и за рубежом, вовлекая в эти дискуссии мировое академическое сообщество, в котором уровень этики выше, чем в журналистском сообществе. Валентин Михайлович, Вам слово.

В.М. Фалин, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол:

Спасибо, Наталия Алексеевна. Как сказал Пушкин, всматриваясь в портрет, написанный Кипренским: «Себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит». Оставим в стороне детали и попробуем в несколько минут вместить то, с чем пока не удастся справиться за 65 лет по окончании Второй мировой войны.

Уважаемые коллеги, друзья!

До сих пор мы не смогли точно обозначить, когда, собственно, началась Вторая мировая война. Эрнст Нольте, солидный немец-

кий исследователь, выпустил в ФРГ труд, выдержавший несколько изданий: «Европейская гражданская война (1917—1945)». Когда-то в числе других я критиковал эту книгу как чрезмерно идеологизированную и схематичную. Но вот сначала Рейган намекнул, а в 1994 году Клинтон открыто заявил: Вторая мировая война закончилась в 1991 году развалом СССР. Следовательно, есть причины выяснить, каким был главный вектор для того или иного участника конфликта, когда война началась для нашей страны, кто являлся носителем главных угроз для России. Не для Советского Союза, а именно для России.

Напомню ряд высказываний — одно Чемберлена, другое Гитлера, третье Геринга. «Чтобы жила Британия, Советская Россия должна исчезнуть», — откровенничал в кругу консерваторов Чемберлен. Гитлер выражался односложно: «Нам не нужна ни царская, ни советская, никакая Россия». Аналогично изъяснял стратегию Третьего рейха Геринг.

Так против кого замышлялась и велась эта война? Кто повинен в том, что в самой России события после 1917 года пошли так, как они пошли? В свое время В.О. Ключевский предрекал: «Великая идея в дурной среде извращается в ряд нелепостей». На названные вопросы мы пока даже не пытались ответить. И продолжаем искать за рубежом стандарты, к коим было бы неплохо приспособиться.

Возьмем канадских «демократов». Чуть ли не целое столетие они изымали девочек и мальчиков из индейских семей. Мальчиков кастрировали, а девочек отдавали замуж за белых, чтобы таким образом извести остатки аборигенов. «Демократы». Они недавно принесли извинения индейским племенам. Покаялись также австралийцы — они тоже образцовые «демократы» — за злобное отношение к коренным жителям континента. От официального Вашингтона извинений за «освоение дикого Запада» еще не последовало. Короче, чтобы разобраться, кто кем был во Второй мировой войне, не лишне прояснить, что подразумевают англосаксы и прочие оракулы под демократией, какими деяниями они наполняли и наполняют сие понятие.

Несколько слов о самой войне. Чем была в реальности Вторая мировая? Изначально она велась на два фронта. Первый и главный фронт был обращен против России, позже — против Советского Союза, а второй фронт нацеливался против тех, в ком Соединенные Штаты, англичане, французы, немцы, японцы и иже с ними

подозревали или хотели видеть своих реальных или потенциальных противников. Эти фронты пересекались во времени и пространстве, что контрастно отразила история операции «Оверлорд». Приведу пример. 2 сентября 1945 года в 2 часа 04 минуты на борту линкора «Миссури» Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Почему был выбран именно этот линкор? Видимо, потому, что из штата Миссури выплыл в большой свет президент Трумэн — антипод Рузвельта. Итак, капитуляция была подписана. Даже кое-кто из бестий, виновных в развязывании Второй мировой войны, попал под суд. Но и на судебном процессе не прояснили, когда же японцы обнажили самурайский меч. Оказывается, до удара по Перл-Харбору Токио не воевал. Он осуществлял «экспедиции» во имя обустройства «зоны сопроцветания». Раз не воевал, значит, потери китайского народа (согласно новейшим подсчетам, 35 млн погибших) не учитываются в мартирологе Второй мировой. Как и жертвы Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Бирмы, Малайзии, Океании. Потери американцев, англичан, австралийцев, новозеландцев, что вполне естественно, не забыты. Их солдаты погибали во имя победы над агрессорами. А китайцы? Это не просто издевательство над здравым смыслом, это издевательство над международным правом и элементарной моралью.

Тот же Рузвельт признавал, что милитаристская Япония и нацистская Германия нападали на другие народы без объявления войны. Германия вторглась в Советский Союз 22 июня 1941 года, не объявляя войны. Если брать терминологию Токио, то и наши жертвы можно было бы отнести к сопутствующим издержкам неких «происшествий». Вспомним притчу царя Соломона: «Неодинаковые веса, неодинаковые меры, то и другое — мерзость перед Господом» (Притч. 20:10). Будь мы православные или атеисты, нам не дано одну правду класть на разные веса и разной мерой измерять.

Эта притча полностью применима к Ялте. Возьмите стенограмму выступления Рузвельта 1 марта 1945 года на совместном заседании Палаты представителей и Сената Конгресса США. «Мир, который мы строим, — подчеркивал президент, — не может быть американским миром, или британским, или русским, французским, китайским. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, основывающимся на совместных усилиях всех стран...» Должен прийти конец «системе

односторонних действий замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех этих и подобных методов, которые использовались веками и всегда безуспешно». Рузвельт призывал к добросовестному выполнению Тегеранских и Ялтинских соглашений: «Здесь у американцев не может быть среднего решения. Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество, или мы будем нести ответственность за новый мировой конфликт».

На выступление Рузвельта Конгресс США откликнулся решением (3 или 4 марта 1945 года), запрещавшим президентам предоставлять Советскому Союзу кредиты на восстановление разрушенной войной экономики. Рузвельт собирался возразить конгрессменам в «день Джефферсона». «Конец этой войны будет означать конец всем попыткам развязывать новые войны, бесчеловечному способу решения разногласий между правительствами путем уничтожения людей». Но 12 апреля 1945 года Рузвельт скоропостижно скончался. На следующий день его преемник Г. Трумэн отдал приказ — никаких инструкций и директив покойного не выполнять, ждать новых указаний. И они вскоре последовали. Курс на взаимодействие с СССР в послевоенном мироустройстве предавался анафеме.

Последняя публикация Фонда исторической перспективы — чрезвычайно важное напоминание о том, что «холодной войне» имелась конструктивная альтернатива. И напоминание своевременное, поскольку в российской исторической среде немало спекуляций на тему принятых «большой тройкой» решений. Да, мир качественно изменился, потому что Вторая мировая сразу же перешла в Третью мировую войну, прозванную «холодной». Но это не может служить основанием для дисквалификации Ялты. Фактически Рузвельт в феврале—марте 1945 года вернулся к идее, которую он развивал в переговорах с В.М. Молотовым в июне 1942 года. О чем тогда шла речь? По окончании войны предлагалось провести радикальное разоружение. Кроме США, СССР, Великобритании и, возможно, Китая, никто не должен был располагать боееспособными армиями. Ни Франция, ни Польша и другие победители, ни побежденные — Германия, Япония и т.д. Четыре державы обязывались применять силу только по взаимному согласию и никогда друг против друга.

Не стоит идеализировать Рузвельта. Он был полон колебаний и противоречий. Не раз при его активной роли предпринимались

попытки разрулить Вторую мировую войну против Советского Союза: весной 1940 года, осенью 1941 года, летом 1943 года. Сошлюсь на беседу с Г. Киссинджером. Мы с ним поддерживали контакт с 1971 по 1998 годы. Интересуюсь: «А Вам, г-н Киссинджер, введома подоплека Атлантической хартии? Почему в ней нет упоминания о нападении Германии на Советский Союз или агрессии Японии против Китая?» Киссинджер просит уточнить, что имеется в виду. Имелось в виду предложение англичан передать текст Атлантической хартии Японии с примечанием «дальнейшие экспансии нетерпимы». Слово «дальнейшие» в переводе с дипломатического языка означает: все, что уже случилось, принимается к сведению, о дальнейшем надлежит договариваться.

Это чудо, что СССР выстоял в 1941 году практически один на один в борьбе с врагом, подмявшем под себя всю континентальную Европу. Нам выпало справиться с тяжелейшей задачей. Повторюсь: в сражениях один на один мы сбили спесь с агрессора, сорвали его стратегию блицкригов, загнали в окопы позиционной войны, в которой у Третьего рейха не было шансов.

Мне посчастливилось поддерживать хорошие отношения с маршалом И.С. Коневым. Спрашиваю: «Иван Степанович, какое из сражений Вы считаете главным в Вашей блистательной полководческой биографии?» Ответ: «Несомненно, Московскую битву. Тогда решалась наша судьба, судьба всего мира, будущее человечества. Под Москвой Германия проиграла войну за мировое господство и была вынуждена втянуться в затяжную войну». В декабре 1941 года Гитлер не обманывался и признал в узком кругу: война проиграна, надо искать выход политическими средствами. Тогда он дал поручение Риббентропу готовить почву для сговора с западными державами.

После развала Советского Союза мы распахнули свои архивы. Моим шефом в МИДе некоторое время был И.И. Ильичев. Во время войны он возглавлял нашу стратегическую разведку. Неформальные отношения сложились у меня с С.П. Козыревым, заместителем министра иностранных дел, руководителем секретариата Молотова. Могу сказать, что до сих пор мы сами еще не все озвучили. Ну, скажем, из Великобритании за годы войны в Центр поступило почти 20 тыс. документов и материалов. По линии политической разведслужбы. Цифра впечатляет. Но нам, наверное, было бы легче охватить панораму происходившего, заглянув в

тексты донесений, где каждая буква и запятая давали повод для размышлений.

Вот 25 июня 1943 года Черчилль направляет Сталину послание: британские военные советники докладывают, что немцы отказываются от летнего наступления, т.е. от операции «Цитадель». Представьте, Сталин принимает сообщение на веру. Слава Богу, он не поверил и озадачил все службы требованием подтвердить достоверность нашей информации о действительных намерениях нацистов. Не сделай он этого, Советскому Союзу грозил бы второй 1941 год.

Вопрос о дезинформации — не праздный и не академический. Он актуален и в нынешней политике. Лев Толстой заметил: «Не верь словам, ни своим, ни чужим, верь только делам». Если судить по делам, то мы должны будем признать, что история Второй мировой войны, история Великой Отечественной войны, к сожалению, пока не написана. К этим проблемам мы только подбираемся. И то самоедство, которым занимаются наши публицисты и многие члены научного сообщества, идет во вред делу, и чем дальше, тем больше. История — «вечный двигатель». Она никогда не кончается и не кончится. Открывая новые документы, новые индиции, мы всегда будем вынуждены заново смотреть на самих себя и на все, что перед нашими глазами.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо Валентин Михайлович. Очень ждем Ваших новых книг и исследований. Всегда готовы принять участие в их продвижении за рубежом. Вы поставили очень важные, концептуальные вопросы, а не только упомянули ряд малоизвестных фактов, проливающих свет на международные отношения. Это прежде всего периодизация Второй мировой войны. И действительно, концом Второй мировой войны считается окончание войны в Азии. Значит, война в Азии — часть Второй мировой войны. А где начало? Вы, по-моему, первый, кто совершенно справедливо в своих книгах поставил эти вопросы. К дате начала Второй мировой войны, какой в западной и советской историографии считается день нападения Гитлера на Польшу — 1 сентября 1939 года, в Азии уже полным ходом шла война, было уже 20 миллионов раненых. Более того, после Мюнхенского сговора и произошел захват Италией Албании и Абиссинии. То есть, даже судя по масштабам передела

мира путем ультиматумов, захватов, Вторая мировая война шла уже полным ходом. Да, Британия в свою очередь объявляет Гитлеру войну 3 сентября, на третий день, что делает ей честь. Но нельзя же считать мировой войной только ту, в которой ты сам участвуешь. Есть страны, которые вообще не участвовали во Второй мировой, как, скажем, Испания, но она же не будет отрицать ее наличие.

Эти вопросы очень важны и на самом деле не так безобидны. Это не только позорное и непристойное для демократии, для общечеловеческих ценностей игнорирование гибели стольких китайцев, что говорит об эгоцентризме и евроцентризме западной цивилизации. Это еще и попытка перевести стрелки часов исключительно на советско-германский договор о ненападении, завуалировать все, что было до него, то есть все самоубийственное движение к тому, чтобы направить Гитлера именно на Восток. Это, конечно, тоже объясняет такую периодизацию. И думаю, что нашим ученым с помощью широкой палитры аргументов, в том числе документальных, стоит регулярно поднимать этот вопрос перед своими западными коллегами на научных конференциях.

Вы также очень правильно, на мой взгляд, поставили вопрос о том, что, в частности, у Нольте, если грубо суммировать его концепцию, фашизм рассматривается как ответ на вызов коммунизма. При этом полностью стирается разница между фашизмом итальянского типа, который не имел расовой доктрины и был, я считаю, лишь извращением буржуазного государства нового времени — гиперэтатизмом, и нацизмом, доктриной природной неравномерности людей и наций, которая позволяла оправдывать не только антихристианские выпады, но и выпады против монотеистической цивилизации, тезиса о равенстве и достоинстве каждой личности и всех народов. Она оправдывала и слом границ, превращение всех в служебный материал для немецкого исторического проекта. Нольте уходит от этих проблем. Вы совершенно верно заметили, что речь шла не только о коммунизме как об огромном государстве, которое в любой своей исторической форме является сдерживающим фактором, не дающим шанса для реализации какого-либо проекта единоличного руководства миром, будь то германского, будь то — как оказалось позже — американского.

В.М. Фалин:

Инструкция американской делегации на Версальской конференции. Как собирались перекраивать Россию? От нее отделялись Финляндия, Прибалтика, Польша, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток и Сибирь. Оставались Москва и Среднерусская возвышенность. Так написано в документе. Он сейчас рассекречен. Раньше его читал Сталин. Похоже, сия дорожная карта поныне на столе у американских президентов, ибо план 1919 года реализован не полностью. В 1997 году Клинтон заметил на встрече с сотрудниками спецслужб: при нашей активной роли была расчленена Югославия, следующая задача раздробить Российскую Федерацию. Сообщение СМИ об этом Белый дом оставил без комментариев.

Н.А. Нарочницкая:

Да-да, я даже помню текст: «Россия слишком велика и однородна, и ее нужно свести к Среднерусской возвышенности, перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы нарисуем судьбу народов, населявших Российскую империю». Это вступает в противоречие с открытым тезисом, согласно которому нужно было расчленять только Австро-Венгрию, а Россию нужно было оставить в покое. Джордж Буш сказал на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 года, что больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты. То есть он уравнивает эти события, озвучивая тезис англосаксонской геополитики: Восточная Европа больше никогда не будет в орбите ни немцев, ни русских.

Вы упомянули Нольте и его книги, которые в свое время вызвали так называемый «спор об истории». Нольте стал диссидентом, потому что отождествлял фашизм и коммунизм, тогда как в политологии эти понятия считались антиподами. И сам он не совсем политкорректен, поскольку не является ни либералом, ни демократом, но он в то же время очень крупный ученый, ученик Хайдеггера. Однако его аргументацию с конца 70-х годов постепенно вводят в арсенал борьбы с геополитическим оппонентом, с СССР. Это очень удобно: есть два тоталитарных монстра, одинаковые по типу режимы, которые схватились друг с другом. Хотя нет ничего общего между частью коммунистической философии прогресса коммунизма, который ставит своей целью облагодетельствовать весь мир и на этот алтарь готов положить все национальное, и доктриной при-

родной неравномерности людей и наций, которая к ногам одной нации должна была положить весь мир. В этом тоже присутствуют фарисейство и двойные весы. Потому что, с одной стороны, Нольте — диссидент, поскольку является ученым, не вписывающимся в либеральную философию истории, а с другой стороны, все его концепции кладутся в основу нового этапа противоборства, а затем подхватываются и нашими либералами, и горе-аналитиками.

Коллеги, сейчас я хочу предоставить слово Армену Гарниковичу Оганесяну, главному редактору журнала «Международная жизнь». Наш фонд и Армена Гарниковича связывает очень длительное сотрудничество: это и передачи на радио «Голос России», это и опыт совместного издания «Аналитических записок». Я очень рада, что и сейчас мы можем сотрудничать при обсуждении такой важной темы.

А.Г. Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь»:

Знакомясь с документами Ялтинской конференции «Большой тройки» 1945 года, невольно удивляешься — какой великолепный материал для театра! На фоне все еще грандиозной и грозной картины войны, при участии столь ярких и непохожих характеров, скрытой, но постоянно вырывающейся наружу борьбы интересов — здесь даже курьезы и юмор наэлектризованы особым драматизмом. Чего стоит сталинское представление Берии своим англо-американским коллегам: «Это же наш Гиммлер!» Или, например, реакция Сталина на то, что в своей переписке Черчилль и Рузвельт называли его «дядюшкой Джо», о чем во всеуслышание поведал Рузвельт, подначенный накануне Черчиллем. Сталин тут же сказал: «Когда я могу встать из-за стола и уйти?» — и тогда кто-то из членов американской делегации, разряжая ситуацию, ответил: «Называете же вы Америку “Дядюшкой Сэмом”». Сталин успокоился.

Гром орудий, казалось, доносился из Европы до не столь уж далекой Ялты. Черчилль и Рузвельт, каждый по-своему, сознавали уязвимость своих позиций. Рузвельту во что бы то ни стало нужно было добиться вступления Советского Союза в войну против Японии в максимально сжатые сроки после капитуляции Германии. Черчилль хотел развязать себе руки для действий в Греции и в целом в Средиземноморье.

Накануне британский премьер ошеломил Москву, когда во время своего визита 9 октября 1943 года предложил Сталину раздел ряда государств Центральной и Юго-Восточной Европы: «России — 90 % в Румынии, 75 % — в Болгарии, по 50% — в Югославии и Венгрии, 10 % — в Греции». Никто из собеседников Черчилля так и не понял, по каким критериям могли быть реализованы подобные предложения. Наконец, оба высокопоставленных гостя Ялты не могли не быть признательны Сталину за спасение англо-американского экспедиционного корпуса под Арденами. Удар немцев обрушился с такой силой, что оба западных лидера просили «дядюшку Джо» как можно скорее предпринять контрнаступление на Восточном фронте. Еще не завершив подготовку к операции, советские войска приступили к форсированию Вислы и Одера. Это не только спасло англо-американцев, но и позволило им перейти в наступление. И все же уступчивость Рузвельта и Черчилля имела свои границы, в некоторых вопросах очерченные крайне жестко. Это касалось политического будущего Польши и ее западных границ и, как ни удивительно, вопроса репараций. Трудно назвать иначе как жалкими те 10 млрд. долларов компенсации ущерба, которые требовал СССР от Германии, если учесть, что, по независимым оценкам, этот самый ущерб составлял 2600 млрд долларов. Если по польскому вопросу компромисс был все же найден, то по вопросу репараций, столь оправданных с моральной точки зрения в глазах всех участников конференции, решение не было найдено ни в Ялте, ни позднее в Потсдаме.

Однако главным достижением Ялтинской конференции было решение о создании Организации Объединенных Наций (ООН). Был возведен мост, выдержавший тяжесть холодной войны и не позволивший миру скатиться к войне «горячей». Право вето любого члена Совета Безопасности уравнивало великие державы в их правах решения важнейших вопросов мировой политики. Трудно сказать, от скольких бед сохранил человечество этот простой принцип единогласия.

И все же, как в любом крупном историческом событии, Ялтинская конференция не лишена своих загадок, своей тайны.

Ясные дни, начинающее припекать солнце создавали весеннее настроение, и даже изможденный недугом Рузвельт позволил себе прогулку в автомобиле по Ливадийскому парку. Он мог быть доволен. Его отношения со Сталиным складывались как нельзя лучше,

во всяком случае, намного доверительнее и теплее, чем у Сталина с Черчиллем. И все-таки главное было в другом — Рузвельт и его окружение переживали «весну» в советско-американских отношениях с верой в их будущее. Советник Рузвельта Гопкинс говорил: «Русские доказали, что они могут быть разумными и дальновидными, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не было ни малейшего сомнения в том, что мы можем жить в мире с ними и сотрудничать так долго, как только можно себе представить». Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря США, свидетельствует, что Рузвельт «считал необходимым, чтобы оба правительства [США и СССР] осознали, что в области международных отношений взятые ими курсы могут всегда быть параллельными, а не антагонистическими». Рузвельт требовал от своих сотрудников понимания того, что «без советско-американского сотрудничества сохранить мир было бы невозможно».

Произнося тост на обеде в Юсуповском дворце, Черчилль, похоже, не отставал от Рузвельта в своих надеждах: «В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через 5—10 после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались, таким образом, по замкнутому кругу... Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях... Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира». Отметив откровенность Черчилля, Сталин отвечал: «Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны».

Какие, однако, бывают ассоциации! Ялта. Чехов. «Вишневым сад»... который все-таки был срублен. Такая же участь ожидала эти несбывшиеся надежды.

Вот я и говорю: странно — ни одной пьесы при такой богатой драматургии с почти трагическим оттенком. Впрочем, если поразмыслить, взявшийся за такую задачу подверг бы себя немалому риску. Как бы ни пытался он быть объективным и беспристрастным, на Западе подобная пьеса была бы расценена как превозношение роли СССР, Сталина, коммунизма и умаление роли союзников. Говорил же Буш-младший, что это, оказывается, Америка освободила Европу. У нас бы картина была похожей, с той лишь разницей, что почитатели принципа «Лес рубят — щепки летят» никогда бы не оценили

«по заслугам» решение Ялтинской конференции о безоговорочной депортации советских граждан в СССР с последующей трагедией в Лиенце, массовыми самоубийствами, фильтрационными лагерями... Ну а либеральное крыло сочло бы пьесу чуть ли не гимном Иосифу Виссарионовичу.

Да, пока мы находимся в плену «черно-белых» представлений об истории, пьесе, пожалуй, не бывать. С другой стороны — есть дела и поважнее. Ответ на вопрос: «Почему так быстро рухнули надежды Ялты?» — по сути, ответ на вопрос о том, как родилась холодная война и была ли она неизбежной. Все это — белые пятна истории, при наличии огромного количества фактов, документов, свидетельств. Сегодня на Западе по-новому ставится вопрос о том, кто победил в холодной войне и делаются выводы о том, что в ней победителей не было. Слышны даже голоса о том, что все произошедшие на рубеже 1980—1990-х годов изменения в нашей стране в гораздо большей степени плоды нашего внутреннего развития, а не внешнего давления. Вскрыть шаг за шагом механизм сползания к «холодной войне» — задача актуальная и по сей день. Один из видных отечественных дипломатов справедливо замечает: «Без правильных и честных ответов на вопросы, как и почему началась холодная война... невозможно... расчистить путь для новых международных отношений». «Без понимания всеми участниками причин и обстоятельств начала и течения этой войны невозможно устранение самих причин, а, следовательно, нет гарантий, что она не возобновится». Похоже, столь беспощадно развеянный «дух Ялты» требует исторической правды как отмщения...

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо большое. Если изучать закрытые документы, разработки ведомств, — достаточно только прикоснуться к ним, — становится понятно, что дух контр-Ялты существовал одновременно с Ялтой. Я читала, например, что еще в 1941 году уже был составлен документ Совета по международным отношениям, меморандум Государственного департамента о том, что нельзя повторять ошибок послеверсальской политики, надо организовывать и объединять Европу, поскольку США неудобна суверенная европейская политика. Таким образом, пацифистские идеи, которые якобы соз-

дали Евросоюз, вообще ни при чем. Они на самом деле были подопытными кроликами, управляемыми державой, которая к концу войны стала вершительницей судеб всего западного мира.

Сейчас я хочу передать слово Анатолию Аркадьевичу Кошкину, доктору исторических наук, крупному специалисту по дальневосточным международным отношениям, старшему эксперту Центра стратегических разработок.

А.А. Кошкин, доктор исторических наук, профессор Восточного университета, старший эксперт Центра стратегических разработок:

Благодарю за предоставленную возможность высказаться по столь важным вопросам. К сожалению, в основном лишь по юбилейным датам наши люди задумываются о том, что мы потеряли не только прежнюю страну, но и частично ее историю.

Все три вынесенных в программу круглого стола вопроса интересны, и я готов высказать по ним свою точку зрения. Но из-за ограниченности времени сделать это в полном объеме не представляется возможным. Поэтому разрешите кратко остановиться на второй теме: ревизия итогов войны — объективный исторический процесс или политическая конъюнктура?

Может быть, это прозвучит парадоксально, но, на мой взгляд, мы в настоящее время имеем дело как с объективным историческим процессом, так и с политической конъюнктурой. Пожалуй, в истории человечества нет такой пары воевавших стран, у которых совпадали бы оценки причин, хода и исхода войны. Неизбежно существуют различия. И это в известной степени объективное явление. Что же касается политической конъюнктуры, то она зримо проявляется в стремлении западных держав лишить наш народ всяческой гордости за свою историю, представить прошлое нашей страны как некую «черную дыру». Не без помощи отечественных «либеральных историков» идет атака на последнюю скрепу, объединяющую наш народ — на историю Великой Отечественной войны. Делается это для того, чтобы искоренить память и гордость советских людей, а ныне граждан России, за славную Победу, одержанную 65 лет назад.

Наши недруги считают, что пока остается эта скрепа, трудно осуществить то, о чем говорила Наталия Алексеевна, а именно, развалить, расчленив вслед за Советским Союзом теперь уже и

Россию. Раньше мы активно противостояли сознательному искажению истории Великой Отечественной войны, ее роли и места во Второй мировой войне. Существовало даже целое направление в военной истории — борьба с буржуазными фальсификаторами. Доводилось участвовать в этом противоборстве и мне. Сотрудничая с Институтом военной истории, я стал автором глав коллективных монографий, посвященных анализу концепций наших зарубежных идеологических противников, критике попыток принизить вклад советского народа в достижение победы в мировой войне.

Направление моих исследований — дальневосточное. Объекты исследований — Япония, Китай, Восточная Азия в целом. По мере изучения этих стран, их истории и политической философии я все больше ощущаю, что то, что мы подчас называем фальсификацией, в действительности нередко не злой умысел, а иной взгляд на события и факты. Конечно, есть и намеренные искажения, в первую очередь политики СССР в годы войны. Но у общей массы, например японских историков, просто иное восприятие истории, так сказать, «своя правда». Когда выходили мои книги в Японии, даже близкие мне идеологически и политически японцы искренне удивлялись подчас диаметрально противоположным оценкам одних и тех же событий в нашей стране и Японии. После прочтения моих книг об истории войны мои японские коллеги говорили: это как будто написано марсианином, настолько велики различия в подходах и оценках. И это притом, что мои монографии основаны в значительной степени на японских документах. Даже, казалось бы, неопровержимые и однозначные факты трактуются в наших странах по-разному.

При анализе японской версии истории Второй мировой войны, изучении истории японской цивилизации в целом, ловишь себя на мысли, что без учета уникальности этой нации, особенностей ее мировосприятия трудно сближать оценки и позиции, тем более по таким психологически тонким вопросам, как причины, ход и исход войн. Для многих японцев освященные культом императора решения периода войны и поныне остаются непогрешимыми.

После войны обрели влияние на политику и идеологию силы, выступавшие против сохранения насаждавшихся догм милитаристского периода. Появилось немало историков, которые стре-

мились к честному, объективному анализу причин обрушившихся на японский народ бед. Среди них были ученые левого направления, которые если и не воспринимали полностью, то стремились учитывать критику японского империализма, исходившую из других стран, в том числе из СССР. Сейчас они постепенно уходят из жизни, и вновь верх берут представители националистической среды, которые возвращаются к оправданию Японии, снятию с нее ответственности за развязывание войн.

Возьмем, к примеру, оценки Русско-японской войны. Вновь в ходу утверждения о том, что «бедная маленькая Япония» явилась жертвой колониальных держав. Особенно достается русским, которые-де окружали Японию, захватывая Маньчжурию, Корею. «Нам не оставалось ничего другого, как защищать себя», — заявляют современные апологеты империалистической Японии.

Захват в 1931 году Маньчжурии, войны против всего Китая, других стран Восточной Азии в трактовке современных японских правых — вовсе не акты агрессии, а борьба за освобождение народов этих стран от «белого империализма». О том, что на смену «белому империализму» утверждалось господство в Восточной Азии и на Тихом океане японского империализма, конечно, не говорится. И это при том, что существуют документальные планы строительства так называемой Сферы сопроцветания в Восточной Азии — японского аналога колониальной империи, не уступавшей по масштабам британской.

Трудно согласиться и с японскими версиями истории советско-японских отношений. Оккупация и разграбление Дальнего Востока и Восточной Сибири в 1918—1922 годы в Японии именуются не иначе как некое «направление войск в Сибирь», они даже не признают слово «интервенция». Объяснение неспровоцированной агрессии стандартное — «помощь белочехам и стремление навести порядок в России». Получается, чуть ли не гуманитарная акция.

Хасанские события 1938 года по одной из версий вовсе не агрессивная вылазка японской военщины, а продуманная провокация коварного Сталина, якобы стремившегося в обстановке репрессий отвлечь внимание советского народа от внутренних проблем, создав в обществе атмосферу военной опасности.

Ответственность за кровопролитные бои на Халхин-Голе летом 1939 года также инкриминируется Сталину. Оказывается,

чреватые большой войной халхингольские события были необходимы Сталину для нанесения по японцам чувствительного удара с тем, чтобы не допустить заключения Тройственного пакта Германии, Италии, Японии, посеяв у Гитлера сомнение в эффективности военного союза с Японией.

Вопреки многочисленным доказательствам активной подготовки Японии к вероломному нападению на СССР в 1941—1942 годы, японские проправительственные историографы утверждают, что Япония, якобы честно выполняя условия заключенного в апреле 1941 года японо-советского пакта о нейтралитете, вовсе не помышляла напасть на Советский Союз. Сосредоточение же у границ СССР миллионной Квантунской армии «объясняется» угрозой советского нападения. И ни слова признания очевидного факта сковывания в течение всей войны по согласованию с союзной гитлеровской Германией советских войск на Дальнем Востоке, что являлось формой косвенного, но весьма эффективного участия Японии в вооруженной борьбе против СССР. Очевидно, что если бы японцы не проводили выгодную Германии политику сковывания на Дальнем Востоке до трети наших войск, включая танки, артиллерию и авиацию, Великая Отечественная война была бы короче и жертв было бы меньше. Не следует об этом забывать.

То есть практически по всем сюжетам истории войны наши оценки не совпадают и во многом противоположны. Взять, например, Ялтинскую конференцию. По японской логике, Токио не обязан признавать и следовать достигнутым в Ялте соглашениям в силу того, что Япония-де в этой конференции не участвовала. Логика, прямо скажем, абсурдная, ибо как могла Япония участвовать в совещании лидеров борющейся против нее коалиции?

Это лишь весьма краткий обзор существующих в наших двух странах противоречащих друг другу концепций истории войны. Отстаивая свои оценки событий периода войны, японское правительство и правые силы стремятся внедрять их в российское общественное сознание. Делается это, в частности, для «обоснования» территориальных претензий к нашей стране. В связи с этим хотелось бы должным образом оценить деятельность возглавляемого Наталией Алексеевной Нарочницкой фонда и издательства «Вече», которые стремятся отстаивать правду о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом.

В заключение хотелось бы затронуть еще один вопрос. К сожалению, приходится говорить, что фальсификаторы существуют не только за рубежом, но и в нашей стране. Как известно, дата окончания Второй мировой войны является и датой разгрома милитаристской Японии. И ничего тут обидного для Японии, как считают некоторые, нет, ибо в этой стране признают, что поражение потерпела именно милитаристская Япония. В течение длительного времени мы добиваемся восстановления исторической справедливости, то есть восстановления этой даты в реестре Дней воинской славы России. В середине 90-х годов большинством депутатов Государственной Думы была принята резолюция с предложением восстановить даже не праздник, как это было после войны, а памятную дату — День победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны. Однако тогда российский МИД во главе с Козыревым сделал все, чтобы не допустить утверждения этого постановления президентом Ельциным. Какие звучали обоснования? Денег, видите ли, не было на празднование. И еще более абсурдное объяснение — негоже-де праздновать победу, которая была достигнута в результате использования атомных бомб. Это что же, получается, не американцы, а мы за них должны стыдиться испепеления Хиросимы и Нагасаки? В действительности же противники празднования этой даты не хотели «обидеть» Токио напоминанием о поражении Японии в войне. Вот ведь какая трогательная забота!

Кстати, могу сообщить, что и по вопросу об атомных бомбардировках в Японии есть проблемы. Работая в 80-е годы в этой стране, я сталкивался с тем фактом, что дети школьного возраста подчас не знают, кто сбросил атомные бомбы на японские города. Некоторые считают, что это сделали мы, русские. И неудивительно, ведь в японских учебниках написано — «была сброшена атомная бомба, Советский Союз вступил в войну», а кто сбросил, не написано. То есть существует немало вопросов по поводу истории войны, которые требуют правильного толкования и доходчивого разъяснения, прежде всего молодежи. Отстаивание исторической правды требует самого внимательного отношения, как со стороны научного сообщества, так и со стороны властных структур. Желаю Фонду исторической перспективы успехов в его деятельности и выражаю готовность к сотрудничеству.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо большое, Анатолий Аркадьевич. Хочу сообщить, что мы готовим с Анатолием Аркадьевичем книгу «Партитура-II». Она еще в стадии подготовки. Это будет сборник статей о войне на Дальнем Востоке, в Азии, с постановкой концептуальных вопросов и с исследованием малоизвестных или несправедливо забытых страниц, которые дают представление в целом о некоей стратегической задаче, решаемой в этом регионе. Как известно, холодная война началась в Азии. США полностью оккупировали Японию, все решения принимались ими. Что касается, скажем, Совместной декларации о восстановлении отношений между Японией и СССР 1956 года, то во время переговоров Итиро Хатоямы в Лондоне его пригласил к себе американский посол, а одновременно японского посла вызвали в Государственный департамент в Вашингтоне, где было сказано, что если японцы признают не только Курильские острова, но даже часть Сахалина территорией России, то США навеки сохраняют за собой острова Рюке, известную базу на Окинаве. Потом был меморандум, который у нас никогда не публиковался и не афишировался. Но японисты его знают. Была передана памятная записка через Ассошиэйтед-пресс о том, что, по мнению США, Япония не имеет права обсуждать принадлежность островов, от которых она сама отказалась в Сан-Францисском мирном договоре. Потрясающая логика! Обсуждать принадлежность островов должна конференция стран — участниц Сан-Францисского мирного договора (Советский Союз — не участник). Имелись в виду все четыре острова, которые должны принадлежать Японии, согласно их мнению. У нас об этом никогда не писали. Я считаю, что совершенно неправильно было наложено табу на обсуждение в открытой печати, в историографии этих проблем. В результате все мои сведения были почерпнуты или от отца, который занимался этой запиской Путятина, или от Э.Я. Файнберга, япониста, сотрудника МГИМО. Все записки, где были статьи с цитатами из материалов японского парламента, относились к фонду «ДСП». Поэтому наш народ оказался совершенно не подготовлен к обсуждению этих вопросов. Поскольку во время перестройки нам внушили, что все, чему нас учила обанкротившаяся партия, было неверно, то и все наши внешнеполитические позиции очень быстро стали объектом глумления и опровержения.

Сейчас я хотела бы предоставить слово Михаилу Васильевичу Демурину, Чрезвычайному и Полномочному Посланнику II класса, директору программ Института динамического консерватизма.

М.В. Демурин, Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса, директор программ Института динамического консерватизма:

Спасибо, Наталия Алексеевна. В последние годы у нас с Фондом исторической перспективы сложилось и развивается очень плодотворное сотрудничество. Последний пример тому — состоявшаяся в феврале 2010 года в Вене в штаб-квартире Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе презентация деятельности и последних изданий Фонда исторической перспективы и Фонда «Историческая память», посвященных именно Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Она имела сильный резонанс в самой организации и венском дипкорпусе.

Сегодня же я, прежде всего, хотел бы остановиться на следующем. Среди различных аспектов обсуждения генеральной темы, намеченных участниками нашего круглого стола, важнейшим для Института динамического консерватизма и для меня лично является взаимосвязь смысла и образа Победы не только с геополитикой, но и с внутривнутриполитической ситуацией в нашей стране, процессами, протекающими в российском обществе. Будет сильная, здоровая Россия, будет и другой, более благоприятный для нас геополитический расклад в Евразии и мире в целом. Между тем в последние десятилетия в России идет начавшийся еще в период существования СССР процесс целенаправленного размывания многих важнейших для состояния национального духа понятий. Этот пагубный процесс затрагивает не только сферу исторического знания и исторических идеалов — он уже глубоко покоробил общественно-политическую жизнь, экономику, культуру. Нужны активные совместные действия, чтобы остановить его, вернуть ключевым для менталитета нации понятиям чистоту, их исконный, здоровый смысл, помочь людям правильно воспринимать как сами эти понятия, так и те манипуляции, которые устраиваются вокруг них.

Если же говорить о геополитике, то совершенно очевидно, что есть понятия и смыслы, которые связаны с ней на века. Вот конкретный пример: формула Победы русского оружия в войне 1812 года, как она была зафиксирована А.С. Пушкиным в известном стихотворении «Клеветникам России».

*...Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну провалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

Это формула русской Победы не только XIX века, а на все века. Прикладываешь ее к Великой Отечественной войне, ко Второй мировой войне, и видишь, что она работает на сто процентов.

Но что происходит вокруг этой формулы? Мы отмечаем, что в какой-то момент в контексте усиления западнических настроений это стихотворение становится нежелательным текстом для численно не очень большого, но весьма влиятельного сегмента российского общества, а потом и вообще убирается из школьных программ. Когда это произошло? Как ни печально это констатировать, не десять и не двадцать лет тому назад, а раньше, еще в позднее советское время.

А теперь давайте посмотрим, что происходит с другими великими выражениями смысла борьбы и победы в Великой Отечественной войне, появившимися во время и сразу после этого грозного материального и духовного испытания, выпавшего на долю нашей Родины. Прекрасная формула «отлита» Александром Трифоновичем Твардовским в «Василии Теркине»:

*Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Но «Василий Теркин» тоже исключен из обязательной программы в школе, а вместе с ним исключена и эта важнейшая поэтическая квинтэссенция смысла Великой Отечественной войны. А слова эти — великие, потому что в них выражено самое главное: то, что это был бой *святой*, о чем уже говорила Наталия Алексеевна, святой в прямом смысле этого слова, в смысле борьбы с антихристианской, античеловеческой силой, что это был бой *правый, смертный*, и, самое главное, что вели его русские люди не ради славы, а *ради жизни*.

Что же становится следствием того, что формула А.Т. Твардовского, как и многое другое из русской патриотической поэзии и прозы XX века, то, что раньше закладывалось в нас с самого юного возраста, в современном образовании и массовом общественном сознании России практически не присутствует? Возьмем только одну, возможно меньшую, ее грань — что это был бой ради жизни, а не ради славы — и обратим внимание на активно распространяемые в последнее время разговоры о «цене Победы». Именно о цене, а не о значении. Ведь если вдуматься, то неизмеримое число человеческих жизней, которое русский народ и другие народы СССР заплатили за недопущение нацистского ига над собой и над миром, было не ценой Победы, а ценой жизни. А жизнь бесценна. И говорить о цене в ситуации, когда нам в соответствии с немецким планом «Ост» грозило тотальное уничтожение — и физическое, и нравственное, и духовное — абсурдно. Можно говорить о потерях в той или иной военной операции, что совершенно понятно, но вести разговор о цене Победы в Великой Отечественной войне как таковой, — это явная подмена понятий. Еще раз хочу повторить, что это была цена сохранения жизни наших народов — всех без исключения, потому что даже тех, кто был отобран Гитлером в качестве более или менее «приемлемого» материала для участия в осуществлении его планов, в случае, если бы Победы СССР не было, ждало бы духовное и нравственное самоуничтожение.

В этом контексте мне представляется важной смысловая связь Победы с православной верой. Как, уверен, для наших сограждан-мусульман важна ее связь с исламом. Сегодня достаточно широко известно о значительном проценте не просто верующих, а воцерковленных людей среди солдат, офицеров и генералов Красной Армии. К сожалению, однако, не сложилось правила хоронить ге-

роев Великой Отечественной войны в стенах монастырей Русской православной церкви. Между тем мы можем вспомнить трагическую и непростительную ликвидацию кладбища героев войны 1812 года, в первую очередь Бородинского сражения, в Дорогомилово. Их останки были частично перенесены к Бородинской панораме, частично в другие места, но самого этого кладбища уже нет. А вот в Новодевичьем монастыре герои войны 1812 года упокоены на века. Хочу призвать Русскую православную церковь задуматься над тем, чтобы и прах героев Великой Отечественной войны нашел упокоение в ее монастырях.

Второй момент — это иконография. Люди помнят знаменательное обращение Святейшего Патриарха Сергия к православным христианам, а по сути дела — ко всему русскому народу, в первый день Великой Отечественной войны, другие его обращения тех лет, помнят о значительном вкладе РПЦ в дело обороны страны и, особенно, — о молебнах, крестных ходах, которые помогли собрать все силы для побед в отдельных сражениях и для Победы в этой войне с дьявольскими силами нацизма в целом. Не знаю, насколько верующим человеком был Константин Михайлович Симонов, но своим нутром русского поэта он этот момент глубоко прочувствовал. В замечательном стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» он вспоминает русских женщин, которые шептали вслед отступающим солдатам Красной Армии «Господь вас спаси!», старика, «как на смерть», одетого во все белое, а дальше, размышляя о том, что же поможет собраться с духом на великую битву под Москвой, пишет так:

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.*

Убежден, что такую мысль можно получить только озарением свыше. Это глубоко православная поэзия, глубоко православные символы, которые должны присутствовать в нашей жизни не только в слове, светской живописи, кинематографе, но и в иконописных образах.

Следующий момент — это связь с Победой сегодняшнего поколения России. Она должна быть упрочена. Буду рад, если оши-

бусь, но у нас получается так, что та лучшая часть молодого и среднего поколения россиян, которая принимает активное участие в увековечении памяти о войне, не имеет возможности получить соответствующий памятный знак причастности к этому — того же достоинства, что к юбилейным датам получают ветераны. На мой взгляд, правильно было бы принять решение о награждении медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» не только ветеранов, но и энтузиастов-поисковиков, которые находят останки солдат Великой Отечественной войны и возвращают их для достойного захоронения, историков, которые отстаивают правду о подвиге наших отцов и дедов, общественных деятелей и политиков, которые борются за доброе имя Победы и за рубежом, и в самой России. Эта медаль, увековечивающая нашу Победу, должна стать общенародной медалью, потому что, если она будет только медалью для ветеранов, то через 5 лет некого будет ею награждать, а она должна продолжать жить. Предлагаю поднять этот вопрос перед президентом России. Это было бы особое, выдающееся поощрение, знаковая реликвия для тех россиян, кто не воевал, но реально делами приобщается к Победе, стимул для многих активнее подключаться к этой важнейшей и непростой работе.

Еще один сюжет из числа тех, в которых навязываемый нам сегодня образ способен серьезно исказить смысл войны и Победы. Речь идет о приглашении представителей США, Великобритании и Франции — наших бывших союзников во Второй мировой войне — принять участие в Параде Победы. Мне эта мысль не кажется удачной, особенно имея в виду, как вели себя союзники по отношению к СССР на завершающем этапе войны и какие агрессивные планы против нашей родины они вынашивали в послевоенные годы. Если уж и появляться иностранным подразделениям на нашем параде, то в первую очередь это должны быть подразделения, представляющие братскую Белоруссию, Украину, Казахстан, Узбекистан, другие государства — бывшие республики СССР, где хранят память о совместной победе. Если же у нас на параде будут иностранные подразделения из стран НАТО, а из этих братских стран — не будет, то получится полная бессмыслица с точки зрения и истории, и актуальной геополитики.

Далее мне хотелось бы высказаться по поводу отражения тематики Победы в интернет-пространстве. На ряде сайтов наши

идеологические противники стали применять своеобразный и достаточно изощренный прием, который я бы назвал «А мне дедушка рассказывал». Какие-то «молодые люди», комментируя появляющиеся новые книги и серьезные исследования о Великой Отечественной войне, пытаются опровергать содержащуюся в них информацию и выводы незамысловатым, на первый взгляд, приемом. «А мне дедушка рассказывал, — пишут они в своих блогах или в интернет-дискуссиях, — что все было не так». И деревни, мол, немцы вместе с жителями не жгли, и мирному населению помогали, и прочее, и прочее. Не исключаю, что некоторые «дедушки» это говорили, но они, скорее всего, и служили не Родине, а Гитлеру. Это идеологическое наступление на сознание нашей молодежи нельзя недооценивать, и мы должны найти адекватные интернет-практикам приемы борьбы с ним.

В заключение хочу поддержать мысль Валентина Михайловича Фалина по поводу необходимости более реалистичного взгляда на действительную дату начала Второй мировой войны. Если говорить о мире в целом, а не только о Европе, то это точно не было 1 сентября 1939 года. Да и для Европы данная дата, на мой взгляд, условна. Но еще более важным мне представляется другое: в контексте нашего отношения к германскому нацизму мы должны осуждать его не столько собственно за начало войны (в конце концов, его к этому слишком упорно подталкивали известные силы вне Германии), сколько за то, с какими целями он вступал в эту войну и, особенно, за то, какими зверскими методами он ее вел. Именно этого никогда нельзя дать забыть.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо, Михаил Васильевич, очень интересно! Меня совершенно потрясло Ваше предложение насчет медалей. По-моему, это очень глубокая мысль, которую надбó продвигать. Действительно, должна быть преемственность. Надо поддерживать и отмечать те новые поколения, которые все свои силы и страсть, гражданское чувство и профессионализм тратят на защиту и сохранение Победы.

У нас сейчас об истории может каждый судить, вот в «Огоньке» написали: «Жертв репрессий было 15 млн». Но не получается тогда 11 млн под ружьем призывного возраста, причем раз в 6 не получается. Просто элементарное сопоставление статистики. Это

не значит, конечно, что миллион или два это мало, это само по себе ужасно. Я говорю о том, с какой легкостью жонглируют фактами. Ведь это тоже своего рода фальсификация.

Сейчас я хочу предоставить слово Владимиру Дмитриевичу Кузнецевскому, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Российского института стратегических исследований, с которым мы тоже очень плотно сотрудничаем.

В.Д. Кузнецевский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований:

Прежде всего хотел бы поблагодарить Фонд исторической перспективы за то, что сотрудники его настойчиво и целеустремленно посвящают свое время и силы редкому в наши дни занятию — борются за адекватное действительности, а не фальсифицированное, отображение истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Причем делают это комплексно, на публичных площадках и в средствах массовой информации.

Может быть, мое выступление прозвучит диссонансом в отношении уже сказанного на этом круглом столе, но я все же хотел бы подчеркнуть один момент. Я согласен с Наталией Алексеевной и Валентином Михайловичем, что в истории балом правит его величество Факт. И для историков очень важно открывать новые факты, вводить их в оборот, делать достоянием более широкой общественности, нежели только профессионального сообщества. Но в наше время я бы не преувеличивал значение фактов.

В наше время в исторических исследованиях, на мой взгляд, не меньшее значение стала приобретать борьба позиций, а не только открытие новых документов. Настоящий политический климат в обществе вот уже около 20 лет определяет борьба позиций по вопросам, касающимся истории России.

Конечно, документ документу рознь. Вспоминаю один бытовой эпизод в этом плане. На переходе второго тысячелетия в третье англичане опубликовали архивные документы, которые рассказывали о том, что весной 1945 года У. Черчилль приказал своему военному штабу подготовить техническое обоснование операции по военному выталкиванию Красной Армии из Европы обратно в Советский Союз. Назвал он эту операцию «Немыслимое». По его замыслу английские войска в Германии, совместно с амери-

канцами и поляками, задействуя и пленные гитлеровские дивизии, должны были 1 июля 1945 года начать военные действия против Красной Армии. Российской аудитории эти планы раскрыл сидящий сегодня слева от меня Валентин Михайлович Фалин.

Недавно в «Известиях» выступил ветеран Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, летчик-штурмовик, генерал-полковник Михаил Одинцов. Половину газетной полосы посвятил он рассуждениям о том, что его сильно задевает искажение истории Великой Отечественной войны. Крайне интересен вывод ветерана: «Историю искажает человек, а не события. Из событий она состоит».

Вот об этом-то мне и хотелось сегодня сказать. О позициях историков, которые искажают, а попросту говоря, фальсифицируют исторические факты.

Факты Второй мировой войны убедительно говорят о том, что более 70 % дивизий гитлеровских войск были задействованы на Восточном фронте. Более 73 % физических потерь вермахт понес на Восточном фронте. А теперь посмотрите, что пишут о войне учебники западных стран. Они пишут, что решающий вклад в разгром гитлеровской Германии внесли в 1941—1945 годах США! Это продолжается годами, в особенности после 1991 года.

В связи с этим хотел бы высказать, возможно, крамольную мысль: нам и не надо заниматься этой непосильной работой. Западных историков нам все равно не переубедить. Давайте займемся своим собственным домом, где не все ладно в том, что касается истории войны.

Мои коллеги рассказывают, что первокурсники гуманитарных московских вузов на семинарах вдруг стали высказывать мысли, что во время войны нам не надо было защищать Ленинград! Надо было сделать его открытым городом, как в 1940 году французы сделали открытым городом Париж, и немцы его не тронули. Таким путем, считают эти студенты, можно было бы сохранить сотни тысяч жителей Ленинграда.

Эти студенты не знают, что еще 8 июля 1941 года Гитлер приказал после захвата Ленинграда стереть его с лица земли вместе с населением, чтобы зимой не тратить средства на еду для ленинградцев.

Но ведь студенты не сами выдумали эту идею с «открытым городом». Они ее вычитали у замечательного советского русского

писателя Виктора Астафьева. Незадолго до смерти он высказал эту бредовую идею.

В наши дни получила хождение еще одна бредовая идея. Тоже хороший советский писатель Даниил Гранин высказывает мысль, что в 1944 году Красной Армии не надо было переходить границу, не надо было добивать гитлеровцев в Берлине, а надо было предоставить народам Восточной и Центральной Европы возможность и право самим разобраться с немцами. Они бы разобрались! Участник войны Д. Гранин словно бы не знает, что в 1944 году эмигрантское польское правительство из Лондона толкнуло жителей Варшавы на восстание против немцев. И что? Немцы утопили это восстание в крови! 200 тысяч варшавян заплатили жизнью за эту авантюру.

Второй пример — восстание против немцев в мае 1945 года в Праге. И здесь произошло бы то же, что и в Варшаве, если бы маршал Конев не спас пражан.

Важно отметить, что писатели с охотой рассуждают на исторические темы, истории, по сути, не зная. Возьмем того же Д. Гранина. Высказывая идею о том, что Красной Армии надо было остановиться в 1944 году на государственных границах СССР, он ссылается на то, что вот-де Кутузов же в 1812 году не хотел переходить границы, когда выгнал Наполеона за пределы России. Откуда он это взял?! Я не поленился, нашел этот приказ Кутузова, на который ссылается писатель. Это приказ от 21 декабря 1812 года. И что же мы видим в этом приказе? Совершенно обратное тому, о чем пишет Д. Гранин! Кутузов зовет русских солдат перейти границу и уничтожить супостата в его родных пенатах, в Париже!

Но упомянутые мною выдающиеся советские писатели не сами придумали эти свои идеи. Они их у профессиональных историков позаимствовали.

Еще в 1994 году доктор исторических наук Ю.Н. Афанасьев, бывший ректор РГГУ, опубликовал на деньги Фонда Форда объемный труд под названием «Другая война», где им была высказана мысль, что до 1944 года СССР вел войну Отечественную, а с 1944-го — уже совсем другую, поскольку не родину освобождал от фашистских захватчиков, а занимался тем, что сам захватывал другие европейские страны, навязывая им советский режим.

Тезис оказался живучим. В конце прошлого года Институт российской истории РАН выпустил в свет фундаментальное ис-

следование «К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, материалы». Руководитель авторского коллектива А.Н. Сахаров (кстати сказать, директор этого института) в написанной им главе черным по белому утверждает, что Великая Отечественная война только до 1944 года носила характер Отечественной. А потом? А потом она, по его мнению, такой быть перестала! Читай: потом она перешла в захватническую. На кого он при этом ссылается в позитивном плане? Ни за что не догадаетесь — не на Ю.Н. Афанасьева даже, а на пресловутого Резуна-Суворова!

Причем ведь буквально перед публикацией этого исследования Института российской истории вышел в свет фундаментальный труд «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» (Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и другие), где на добротной документальной базе расставляются все точки над *i*.

Так что история Второй мировой и Великой Отечественной войн искажается не столько путем обнаружения новых фактов, а с помощью борьбы позиций наших отечественных историков. И, как мне представляется, сегодня эта сторона проблемы исторической общественностью недооценивается.

Спасибо за внимание.

Н.А. Нарочницкая:

Валентин Михайлович Фалин хочет добавить, потому что Ваши слова оказались созвучны его выступлению.

В.М. Фалин:

Я хотел бы заметить, что холодная война началась не в 1945 году и сейчас она далека от завершения. Она просто идет на другом поле. Она ведется другими средствами, она не менее жестокая и не менее изуверская, чем та война, которую американцы замыслили как холодную войну еще в 1942 году. Я процитирую вам то, что говорил госсекретарь США Корделл Хэлл на заседании комиссии, которая была создана для планирования послевоенной политики США. Выступает представитель Пентагона и говорит: «После войны мы должны привести в движение небо и землю, чтобы заполучить немцев в качестве наших союзников против Советского Союза. Мы должны стать перед ними на колени, чтобы они с нами вместе воевали против этого злодея». Когда мы по-прежнему ша-

блонно повторяем, что война закончилась в 1945 году, а холодная война — в 1991 году, то нужно понимать, что она только вступила в новую фазу. Холодная война была Третьей мировой войной, и она продолжается, — пусть сейчас другие противники, другие комбинации. Но в этой войне никто не должен ждать пощады, и мы не должны забывать, с кем мы сегодня имеем дело.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо большое. Я недавно стала готовить к новому изданию свою большую книгу «Россия и русские в мировой истории», потому что издательство «Международные отношения» меня торопит и я уже вынуждена скрываться от него. У меня подписан договор, четыре тиража книги давно распроданы. В своем компьютере я обнаружила страницы, выделенные серым, почти нечитаемым шрифтом, которые я при наборе изъяла. Они не вошли в книгу, поскольку мне казалось, что в ней и так присутствует слишком сильный антианглосаксонский пафос. На этих страницах мною было написано, что, судя по тому, что сейчас происходит, какие цели ставятся и какой осуществляется передел мира по старым силовым линиям, война англосаксов с Гитлером была семейным спором о владычестве над этим миром. Я сочла, что для книги это слишком откровенно. Сейчас, возможно, имеет смысл включить этот фрагмент в новое издание. А теперь я хотела бы передать слово Игорю Сергеевичу Шишкину, заместителю директора Института стран СНГ.

И.С. Шишкин, заместитель директора Института стран СНГ:

Война и объективность всегда трудно сопрягаются. Нигде, включая рыбалку и охоту, не врут так, как на войне. Пример тому — количество уничтоженной техники противника в реляциях советских и немецких командиров, многократно превышающее ее суммарный выпуск в каждой из стран. Никакие самые строгие приказы верховного командования никогда не могли изменить положение. После войны ее история у победителей и побежденных также всегда серьезно отличается. Достаточно сравнить мемуары советских и немецких генералов. Это не плохо и не хорошо, это данность, и она не имеет никакого отношения к проблеме фальсификации или ревизии истории войны. Ни Манштейн, ни какой-

либо командир полка, составлявший после боя рапорт, не были фальсификаторами. Расхождение их информации с реальностью, с одной стороны, обусловлено естественными свойствами человеческой психики, с другой — естественным различием в восприятии войны народом-победителем и народом побежденным.

Массированная кампания по ревизии истории Второй мировой войны, развернувшаяся в последние годы, — явление совершенно иного порядка. Здесь мы имеем дело с сознательной и целенаправленной фальсификацией истории войны, направленной на решение геополитических задач. Распад Советского Союза высвободил и породил мощнейшие силы, которые объективно заинтересованы в пересмотре итогов и хода Второй мировой войны. Такие силы есть на Западе, есть они и на постсоветском пространстве, есть и в самой России. В силу разных причин для них всех оказалось жизненно важно очернить Великую Отечественную войну, внедрить в общественное сознание идею о том, что СССР несет равную с Германией ответственность за развязывание Второй мировой, что Советская Россия и нацистская Германия — близнецы-братья.

Россия. Причина, по которой влиятельные группы российского общества активно включились в фальсификацию истории Великой Отечественной войны, — тема отдельного рассмотрения. Только ни в коем случае ее нельзя сводить к проискам Запада и всевозможным грантам. И то и другое, конечно же, есть, но влияет лишь на масштаб деятельности, а не на ее характер. Для понимания явления напомним о наблюдении, сделанном тонким знатоком русской культуры академиком А.М. Панченко: со времен царствования Николая I в России появились люди, в сознании которых произошло отождествление понятий «зло» и «Россия», и они стали бороться не со злом в России, а с Россией, как источником зла.

Кризис периода распада СССР открыл для этой публики колоссальные возможности. Однако на их пути неизбежно оказывалась Победа. Гордость за страну, за деяния своих отцов и дедов не совместимы со смердяковщиной. Не развенчав Победу, «империю зла» им не сокрушить. Показательные слова одного из ревизионистов истории войны приводит генерал М. Гареев: «Пусть нас считают лишь мухами, но мы должны так обсесть лампочки, чтобы несколько лет их пришлось оттирать» (Махмут Гареев. Маршал Жуков). Надо отдавать себе отчет, что ревизия истории Великой Отечественной войны в России представляет для страны самую

серьезную опасность — не может существовать народ, оценивающий свою историю так, как ее преподносят «правдоискатели».

Запад. Распад Советского Союза сделал объективно неизбежной попытку ревизии истории Второй мировой войны и на Западе. Часто приходится читать и слышать, что за пересмотром итогов Второй мировой войны стоит стремление получить от России деньги и территории. Это весьма упрощенный подход. Ни одно государство, способное в принципе претендовать на компенсацию материального или территориального ущерба (в случае пересмотра истории войны), не имеет сил заставить даже нынешнюю Россию выполнить свои требования. Или кто-то думает, что Запад (как собирательное целое) пойдет на серьезный конфликт ради кошельков поляков и прибалтов (даже с учетом их нахлебничества), а также территориальных аппетитов немцев, финнов и примкнувших к ним японцев? Если бы все сводилось только к территориям и репарациям, мы вполне могли бы не волноваться и руководствоваться старым правилом: «собаки лают — караван идет».

Мы имеем дело со стратегическими интересами Запада, связанными с геополитическим переделом мира. Поэтому и ставка в «исторической» игре — не деньги и куски территории, а само существование России как суверенного государства. Хотя деньги и территории в случае успеха, конечно же, отберут.

Крах СССР поставил крест на биполярном мире, запустил процесс политической глобализации, процесс создания однополярного мира с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Америкой. Однако к началу двухтысячных годов выяснилось, что Россия, хотя и перестала быть сверхдержавой, хотя ее экономический, военный и политический потенциал многократно снизился, продолжает воспринимать себя и, главное, продолжает восприниматься другими в качестве одного из ведущих государств мира. Причина не только и не столько в оставшихся от СССР стратегических ракетах, запасах нефти и газа — они подкрепляют, а не определяют место России в мире. Причина — в первородстве России, ее статусе государства-победителя, которое совместно с США (при участии других союзников) создало еще продолжающую функционировать послевоенную политическую систему.

Полностью отказаться от Ялтинско-Потсдамской системы (например, заменить ООН с ее постоянными членами Совбеза Лигой

демократий) Запад пока не в состоянии. Вместе с тем Ялтинско-Потсдамская система делает возможным «возвращение» России в качестве равноправного центра силы. Одним из ответов на это противоречие и стала принципиально иная концепция Второй мировой, базирующаяся на признании равной ответственности СССР и Германии за развязывание мировой бойни, признании тождества сталинской Советской России с гитлеровской Германией. С ее помощью, как по мановению волшебной палочки, белое становится черным, а победитель превращается в побежденного.

В случае внедрения такого подхода в общественное сознание он способен стать эффективным орудием геополитического передела мира. Запад — это спаситель человечества от чумы XX века, тоталитаризма (в форме нацизма и сталинизма). Вторая мировая война — война Свободного мира с силами зла, тирании и тоталитаризма. В мае 1945 года завершилась ее «горячая» фаза. Победа в холодной войне — окончательная победа во Второй мировой. Россия, как и послевоенная Германия — правопреемник потерпевшей поражение тоталитарной империи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если Германия давно встала на путь исправления и искупления и заслужила право войти в семью цивилизованных народов, то России еще только предстоит этот путь пройти. Его обязательным условием является полное «разоружение» (по терминологии 30-х годов) перед Свободным миром. «Десталинизация», как и «денацификация», — тяжелый и долгий процесс.

Ближнее зарубежье. Кампанию по пересмотру истории войны в бывших союзных республиках (в Прибалтике и на Украине в первую очередь) также нельзя сводить к стремлению выбить из России деньги за оккупацию, геноцид или еще что-нибудь не менее ужасное. При всем «уважении», грешно считать, что они и вправду надеются получить от России десятки миллиардов долларов или какую-нибудь область в Сибири во временное пользование (прибалты отличаются особой экзотичностью притязаний). Не объясняется рвение на историческом поприще и зависимостью от Запада, — статусом пешек в чужой геополитической игре.

Пора уже признать, что у влиятельных сил на постсоветском пространстве есть свои глубинные, объективные причины переписывать историю. Они бы это делали и без подсказки Запада, и

без виртуальных финансовых надежд. Хотя, естественно, в случае успеха они постараются урвать и деньги, и территории, и всегда будут готовы выполнить пожелания наших западных партнеров.

Давайте называть вещи своими именами. На Украине и в Прибалтике в результате распада СССР к власти пришли сепаратисты. Не они разрушили СССР. Такой силы у сепаратистского движения, свойственного любой многонациональной стране, не было и в помине. Просто у сепаратистов оказалась в руках власть. Даже если они, подобно Кравчуку, и стали сепаратистами по стечению обстоятельств. Главная для них задача — сохранить нежданное и негаданное завоевание, не исчезнуть как ночной кошмар под воздействием интеграционных, центростремительных сил, когда кризис в России пройдет. Историю восстановления территориальной целостности России, в форме СССР, после катастрофы 1917 года они хорошо усвоили.

Для сохранения «незалежности» им жизненно необходимо не только найти сильного хозяина (вступить в НАТО), но и создать внутри новых независимых государств массовую опору сепаратизма, мощные внутренние силы противодействия любым попыткам интеграции. В этих условиях обращение к «исторической политике» было неизбежным. Требовался миф об оккупантах и многовековой национально-освободительной войне.

Победа в самой страшной и кровавой войне в истории человечества оказалась одним из главных препятствий на пути идеологов сепаратизма. Она не разъединяла, она объединяла. Какая «национально-освободительная война против русских оккупантов», когда население почти всей Украины и значительная часть населения Прибалтики рука об руку с русскими сражались против гитлеровской Германии, когда им всем вместе принадлежит Великая Победа?

Выход был только один: внедрение в общественное сознание принципиально нового взгляда на войну как на схватку двух тоталитарных империй, в жернова противоборства которых попали оккупированные народы.

Однако этого мало, необходимы не только жертвы, но и герои. Национально-освободительной войны без пантеона героев не бывает. Резонный вопрос, где же их взять? Никто, кроме нацистских пособников, на эту роль не годился. Но и здесь проблема. Третий

рейх, с подручными, воевал не только против СССР, но и против США, благосклонность которых — главная гарантия независимости от России. Отсюда и объективно неизбежный миф о «третьей силе». Не выдумать его в сложившихся условиях было просто нельзя. В результате, появляются «герои» — борцы с советскими оккупантами, которые надели эсэсовские мундиры, чтобы покончить с советской тоталитарной империей, а потом повернуть оружие против нацизма, плечом к плечу со странами Свободного мира.

Как видим, ревизия истории Второй мировой войны на Западе, в ближнем зарубежье и в самой России является закономерным следствием распада СССР. Причем во всех своих проявлениях — это реальный вызов национальным интересам, да и самому существованию страны. Не стоит надеяться, что приход к власти в США Обамы, на Украине — Януковича, смена того или иного редактора телерадиокомпании в России изменит ситуацию. Само собой ничто не рассосется. Процесс пересмотра истории имеет объективный характер. Но запущен он был нами. Его породил наш кризис, в первую очередь кризис в духовной сфере. Следовательно, от нас, от нашей способности его преодолеть, и зависит то, по какому пути пойдет развитие «исторической политики». Только выздоравливающая Россия сможет твердо и последовательно противопоставить ревизии войны правду. Правду о войне как о Великой Отечественной войне — войне за существование, в прямом, физическом, смысле слова, нашей страны и всех ее народов без исключения, включая и столь ныне любящих дивизию СС «Галичина» жителей Западной Украины. Правду о войне, в которой Советскому Союзу противостоял не «изм» (нацизм, тоталитаризм), а управляемый нацистской партией Третий рейх, объединивший практически всю Европу во имя построения Нового мирового порядка с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Германией. Правду о войне, победа в которой — это не только жизнь для народов нашей страны, но и возможность свободного и независимого развития всех народов мира.

Н.А. Нарочницкая:

Большое спасибо. Это очень ценные замечания. Действительно, здесь мы выходим на те ресурсы, которыми мы можем располагать для того, чтобы уравновесить мнение наших оппонентов и донести до поколений настоящую правду как на уровне серьезных научных исследований, так и на уровне публицистики. На уровне того, что именуется «информационными продуктами». Здесь, конечно, очень велика ответственность издателей и издательств. Поэтому я хотела бы передать слово Сергею Николаевичу Дмитриеву, главному редактору издательства «Вече». Это издательство, которое внесло, без преувеличения, огромный вклад в то, чтобы читатели в это смутное время имели доступ к подлинной истории и к гражданской позиции.

С.Н. Дмитриев, главный редактор издательства «Вече»:

Спасибо, Наталия Алексеевна, за добрые слова. Могу подтвердить, что в последнее время мы действительно очень плотно сотрудничаем с Фондом исторической перспективы. О том, что мы уже сделали, здесь было сказано. Сейчас же мы готовим к выпуску книгу А.А. Кошкина «Россия и Япония. Узлы противоречий». То, что сегодня говорилось о российско-японских отношениях, в этой книге будет подробно описано. Далее мы готовим вторую часть книги «Партитура Второй мировой», посвященную Востоку. Множество других книг находится сейчас в стадии подготовки. У нас даже вышел каталог, где обозначено около 150 книг, выпущенных ко дню Великой Победы. Из них половина — это романы, классика военной прозы. Но знаете, что печально: недавно проводилась московская книжная ярмарка, для которой Комитет по печати собрал со всех издательств России книги к юбилею Победы. И получилось, что большую часть из них составляли книги «Вече». То есть налицо печальная картина: мы многое делаем, а другие — нет.

И еще один очень интересный нюанс: сейчас мы будем проводить выставки наших книг в госорганах. В одном из них нам сказали, что «вот эту книгу лучше не выставлять». Я поинтересовался, почему. Мне ответили: «Вы же видите, какая дискуссия идет о плакатах Сталина в Москве». Я говорю: «Подождите, но это же книга В.В. Карпова — Героя Советского Союза, очень известная книга!» — «Нет, вы ее нам все равно не привозите». Это говорит о том, что люди настолько перепугались пересмотра нашей исто-

рии, что даже книги, где идет речь о Сталине, боятся размещать где бы то ни было — вдруг их упрекнут в сталинизме.

Могу сказать, что в последнее время наблюдается проблема именно с реализацией книг. Магазины и книжные сети давно уже стали коммерческими предприятиями, их не заставишь ради патриотизма и высоких целей распространять хорошие книги. Их интересуют книги, которые хорошо продаются. Поэтому, конечно, нам надо добиваться того, чтобы такие издания, как «Партитура Второй мировой», как «Ялта-45», были конкурентоспособны на книжном рынке. Иначе они просто не дойдут до читателя.

Хотел бы предложить еще одну очень интересную вещь. Сейчас развивается электронная книга как новый способ книгораспространения. Есть уже площадки, где можно покупать электронные книги легально. Я предложил бы собрать электронную библиотеку исторических книг о Второй мировой войне и разместить ее на этих площадках. Они готовы с этим работать, но нужно такой контент продвигать.

И еще маленькое наблюдение. Расскажу о том, как я два раза был в прошлом году в Тегеране, — там, где проводилась Тегеранская конференция. Я историк, но об этой стороне войны я знал мало. Тогда СССР вместе с Англией в августе 1941 года за две недели фактически взяли Иран. Взяли его, потому что Иран действительно мог пойти на сотрудничество с Гитлером и стать врагом в очень важном для нас регионе. От этой операции Гитлер просто пришел в ужас: как это Россия, которая сейчас вот-вот развалится, оккупирует Иран? Нам удалось обнаружить интересную вещь: общаясь на разных уровнях в Иране, мы поняли, что люди все-таки воспринимают эту «агрессию», как они ее раньше называли, правильно. К моему удивлению, они понимают, что мы этим шагом не позволили Ирану вступить в войну на стороне Германии. Они даже хвалят Сталина за то, что он — единственный из «большой тройки» — встретился с молодым шахом во время Тегеранской конференции. Ведь тот даже не знал, что в Тегеране будет проходить эта конференция. И когда Сталин приехал к нему с Молотовым, шах был очень растроган. Мало кому известен другой аспект этого иранского противостояния: именно через Иран прошло больше 60% всех поставок по ленд-лизу, притом, что поставки осуществлялись также через Дальний Восток. И еще один малоизвестный момент: почему мы вывели войска из Ирана? Дело

в том, что в апреле 1946 года был жуткий кризис, когда после знаменитой речи Черчилля американцы предъявили Сталину ультиматум: если СССР не выведет войска из Ирана, то американцы могут даже применить ядерное оружие. И мы действительно вынуждены были вскоре начать вывод войск из Ирана, потому что ядерного оружия у нас тогда не было. «Вече» издало очень хорошую книгу «Иранский узел» историка А.Б. Оришева о том, как разворачивались эти события тогда, в 1941—1945 годах.

В заключение я призываю всех присутствующих здесь историков приносить к нам свои книги, и мы будем их, по возможности, публиковать.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо большое. Я сейчас передам слово Валентину Михайловичу Фалину. Хочу только заметить, что у нас было право вводить войска в Иран по договору 1921 года. С англичанами (так сложилось исторически) договориться по поводу Ирана было легче, чем об открытии второго фронта. Потому что геополитика важнее, чем судьба демократии в Европе, находящейся под пятой нацизма. Я могу привести данные о договорах Британии с Ираном первой четверти XIX века, по одному из пунктов которых Иран обязан продолжать войну с Россией.

В.М. Фалин:

Насчет ультиматума. Ультиматум был поставлен Трумэнном Сталину в беседе с Громыко. Трумэн сказал: «Если в течение 48 часов Москва не объявит о выводе войск, я сброшу на Москву атомную бомбу. Так и передайте в Москву: я сброшу на Москву атомную бомбу». После этого разговора Москва объявила через 24 часа о том, что войска будут выведены. По договоренности, заключенной в момент введения войск в 1941 году, через год после окончания войны англичане и мы должны были вывести войска.

Когда мы говорим о президентской Комиссии по борьбе с фальсификациями истории, то, наверное, нам надо иметь в виду и книги, которые публикуются у нас и содержат извращенные сведения или утверждения. Возьмите Алексея Кунгурова. Он пишет о том, что никаких секретных протоколов к договору Молотова—Риббентропа и договору 28 сентября 1939 года не было. Когда публикуются такие работы, нужно докладывать президенту напря-

мую в его контрольный орган за выполнением решений о том, как фальсифицируют историю на книжном уровне или в передачах на телевидении, на радио. Если мы будем бороться с этим только на периферии, толку будет мало.

Н.А. Нарочницкая:

Сейчас я хотела бы передать слово Сергею Александровичу Михееву, вице-президенту Центра политических технологий. Может быть, Сергей Александрович скажет нам несколько слов об отражении проблем, которые мы обсуждаем, в общественном сознании.

С.А. Михеев, вице-президент Центра политических технологий:

В связи с темой конференции у меня есть несколько соображений. Во-первых, мне кажется, что одной из главных проблем, связанных с пересмотром истории, является ситуация, которая сложилась в самой России. Первыми пересматривать историю стали мы сами. Таким образом, мы отдали пас постсоветскому пространству и Европе. Об этом следует заявить совершенно откровенно. Мы начали заниматься тем, что в 90-е годы извлекли на свет огромное количество совершенно сомнительных данных, псевдофактов, иллюзий, рассуждений и вообще всякой чуши, которую стали тиражировать миллионами, в первую очередь, в своей собственной стране. И затем довольно активно принялись экспортировать все это и за пределы России, подтолкнув тех, кто сейчас занимается пересмотром истории за рубежом.

Поэтому главная проблема заключается в том, что нам самим, как это ни банально звучит, нужно определиться с позицией. Одна из главных трудностей в этом определении — это «сшивки» дореволюционного и послереволюционного периодов в истории России, «сшивки» истории советской власти, истории до советской власти и истории, которая началась в России после 1991 года. До тех пор, пока мы будем считать советское время «черной дырой» в нашей истории, называть период с 1917 по 1991 годы эпохой сплошных страшных преступлений и извращений, нам очень трудно будет легитимизировать Победу. Ведь если советская власть — это сплошная «черная дыра», помойка, опыт, из-за которого надо рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом, тогда

о какой Победе можно говорить? Значит, и Победа, и война были сомнительными. Технологически это самая главная проблема, на мой взгляд. Нельзя разрывать связь внутри исторического процесса. Действительно, было много проблем, огромное количество ошибок, но у кого их не было?! Где та страна, в которой было все просто? Безусловно, нужна рефлексия, а в некоторых случаях и покаяние, однако мы ничего не добьемся, утверждая вслед за либералами, что страну, в которой была советская власть, нельзя любить. В том числе ничего не добьемся мы и в смысле восприятия Второй мировой войны и нашей Победы. Поиск форм «сшивки» досоветского, советского и постсоветского периодов является основной проблемой информационного и политического процессов.

Если продолжить тему технологий, нельзя не отметить, что борьба за умы молодежи в первую очередь происходит в Интернете. Телевидение в этом смысле отходит на второй план. Даже оно уже не способно так влиять на умы молодежи, которая до 30—40 % информации черпает в Интернете. По статистике по городу Москве люди до 25 лет 60 % всей информации получают в Глобальной сети. Не в книгах, не в газетах и журналах, которые уже никто не читает, и даже не из телевидения. Поэтому надо идти в Интернет и осваивать самые современные технологии. И в этом смысле даже электронная книга — это уже вчерашний, даже позавчерашний день. Мы обсуждаем возможность создания электронных книг, тогда как существует масса приложений, в том числе и бесплатных, к мобильным телефонам, к платформам социальных сетей, к разным другим устройствам и сайтам, которыми пользуются люди и через которые можно влиять на умы. Мне кажется, что такую работу не стоит считать рентабельной. Вряд ли можно всерьез рассуждать о том, что из этого можно получать прибыль. Это затратные проекты, они базируются на двух вещах: энтузиазме людей, которые за это болеют, или на государственных вложениях. И других вариантов нет: не стоит питать иллюзии, полагая, что мы сможем отвоевать рынок у книг наших оппонентов.

И еще один момент, связанный с фальсификациями истории, который я замечаю, в том числе во время поездок за рубеж. Странным образом к теме пересмотра итогов войны обращаются те, кто вроде бы придерживается максимально антигитлеровской позиции. Во многих странах, где я бывал, включая постсоветские,

проблема Второй мировой войны сводится к проблеме холокоста. Никто не отрицает трагедию холокоста, все понимают, что это ужасно, никто не хотел бы повторения подобных событий, все осуждают организаторов, вдохновителей и исполнителей, но Вторая мировая война не сводится к проблеме холокоста. Война не ограничивалась проблемой Гитлера и евреев. Приходится даже слышать такие рассуждения: кто знает, может быть, если бы Гитлер победил, все было бы неплохо. В частности, это происходит в России, в среде всевозможных экстремистских, маргинализованных, неонацистских движений, в кругах которых говорится о том, что вся эта война была сварой между евреями и Гитлером, которого сами евреи привлекли к власти, а он хотел их уничтожить. И якобы к нам это не имеет никакого отношения, это не наша проблема, поэтому не стоит вообще задумываться на сей счет. Эта тема получила массовое распространение в постсоветских странах, в Европе и на многих информационных площадках. Между тем, совершенно очевидно, что планы Гитлера в отношении славянских народов, включая русских, предусматривали совершенно определенный сценарий: уничтожение основной части и порабощение остальных. Если мы не будем напоминать и доводить до сознания эту трактовку, которая превалировала в советское время, у нас тоже возникнут очень серьезные проблемы, в первую очередь в работе с молодежью. Потому что экстремистские движения очень активно обыгрывают эту тему, очень технологично и очень модно ее подают.

Н.А. Нарочницкая:

Передаю слово Владимиру Владимировичу Симиндею, кандидату исторических наук, руководителю исследовательских программ Фонда «Историческая память».

В.В. Симиндей, кандидат исторических наук, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память»:

Я хотел бы немножко возразить насчет последнего тезиса: умалчивать о том, что был холокост, недопустимо, это совершенно понятно. И мы должны здесь учитывать не только настроение радикальной молодежи у нас в России и в ряде других стран, но и то, как эта тема звучит в различных слоях общества в России, странах Европы и США. Мы должны по-новому взглянуть на

необходимость учета этой тематики в нашей работе, показывая и рассказывая о том, что Гитлер действительно хотел сделать со славянскими народами, как именно осуществлялся нацистский геноцид. Мы должны наладить взаимодействие, в том числе и с еврейскими организациями. Иначе получается, что каждый пытается молодежи сказать что-то свое, и в результате нас слышат все равно меньше, чем тех, кто пытается сегодня в «модном» ключе оправдывать нацистских коллаборационистов как «невинных жертв сталинизма» или «героев национально-освободительной борьбы».

Хотел бы в этой связи отметить, что серьезная работа по увязыванию вопросов изучения холокоста и нацистской истребительной войны на Востоке в отношении славянских народов приводит к практическим результатам. Например, совместное заявление-декларация президента России Дмитрия Медведева и премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху об общем понимании смысла и итогов Второй мировой войны в связи с приближающимся 65-летием Победы над нацистской Германией. Сближение российской и израильской позиций было вызвано чрезмерными, как казалось многим в Израиле и еврейских международных кругах, попытками правонационалистических сил в Центральной и Восточной Европе и их политико-финансовых спонсоров из США уравнивать нацизм и коммунизм, Третий рейх и СССР. Израильцы здесь почувствовали угрозу пониманию смысла холокоста. Мы же должны показывать, что, например, жители блокадного Ленинграда уничтожались по схожему, почти идентичному признаку — в широком смысле национально-территориальному. То есть каждый ленинградец должен был умереть по планам Гитлера и его союзников. И совместная работа (сегодня об этом уже говорилось) над тем, чтобы показать, какой была истребительная политика нацистов, очень важна. Поэтому я бы отметил, что в лице ряда еврейских организаций мы можем найти союзников в очень важном вопросе.

На Западе мы фиксируем ужасающую безграмотность в понимании того, что происходило за восточными польскими границами, как себя вели гитлеровцы и их пособники. Потому что — историки об этом знают — есть разница между тем, как действовали германские нацисты на оккупированных террито-

риях в Западной Европе, и тем, что происходило на оккупированных землях Советского Союза. Развязанные Гитлером и его сообщниками «война на уничтожение» и холокост затронули почти всю Европу, но наиболее массово, в самых жестоких и безоглядных на общественное мнение формах они проводились в пределах захваченных земель СССР.

Еще год назад адепты уравнивания коммунизма и нацизма полагали, что они уже успели заложить фундамент под пересмотр роли СССР в военной и послевоенной истории, сделать первые шаги к «антинюрнбергу». Но они столкнулись с нарастающим сопротивлением такому методу фальсификации истории. Нам следует продолжать искать союзников на самых разных площадках, потому что в одиночку доказать свою правду будет очень тяжело. Мы должны искать любые возможности для выражения нашей позиции, для публикаций документов и свидетельств. Начинать следует с презентации работ в международных организациях (Михаил Васильевич Демурич уже рассказал о том, как мы совместно с Фондом исторической перспективы представили нашу работу на полях зимней сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Вене) и заканчивать взаимодействием как с русскими молодежными организациями, так и с международными еврейскими организациями. Там, где это нужно для защиты исторической правды, чести и достоинства нашей страны. Спасибо.

Н.А. Нарочницкая:

Я хотела бы попросить выступить Александра Олеговича Наумова, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института проблем международной безопасности РАН.

А.О. Наумов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН:

Сегодня, накануне 65-летия победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, в рамках общественно-политического дискурса наблюдается странная и тревожная картина. Западные (и не только) политики и ученые разного калибра все чаще обыгрывают тезис, выдвинутый Дж. Бушем-мл. в бытность его президентом США в отношении ключевых событий европейской истории 30—40-х годов XX века. Буш утверждал, что к началу

XXI века устарели результаты, обусловленные Мюнхенским соглашением и Ялтинскими договоренностями. Вызывает определенные сомнения, что спичрайтеры Белого дома скрупулезно исследовали события той поры, проводили компаративный анализ Мюнхенского соглашения 1938 года и Ялтинской конференции 1945-го. В то же время такой анализ, анализ сути кризиса и краха Версальской системы и перипетий формирования и последующего функционирования послевоенного миропорядка второй половины XX века представляется необходимым и полезным, ибо ставшие в определенных кругах крылатыми фразы американского президента в скором времени вполне могут превратиться в догму и прописную истину. Попробуем разобраться в этом вопросе с системной точки зрения без политизации вопроса.

Версальская система международных отношений — самая недолговечная и непрочная модель организации мирового сообщества. Ее существование совпало с одним из наиболее сложных отрезков в истории развития человеческой цивилизации, ее своеобразным изломом — кризисом традиционного буржуазного общества и поиском путей выхода из него. Этот факт оказал самое непосредственное воздействие и на процесс становления данной модели международных отношений, и на ее функционирование, и в конечном счете на всю ее непростую судьбу. Со времени гибели данной системной модели в горниле Второй мировой прошло уже более 70 лет, однако до сих пор в научных и общественных кругах можно натолкнуться на жаркие споры по целому ряду моментов, связанных с событиями международной жизни 1930-х годов. В первую очередь дебаты идут о том, когда и почему кризисные тенденции в развитии Версальской системы приобрели необратимый характер, а сам кризис перешел в фазу распада. Важно, что за этими спорами кроется отнюдь не академическое стремление снять с той или другой стороны ответственность за близорукие, а подчас и преднамеренные действия, вылившиеся в колоссальную катастрофу, унесшую жизни десятков миллионов людей, повлекшую за собой невиданные разрушения, массовые преступления против гражданского населения, геноцид целых народов.

В советской историографии традиционно полагали, что угроза войны стала неизбежной с момента прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 году, ибо новый лидер рейха открыто заявлял, что его важнейшая задача — уничтожить несправедливую Вер-

сальскую систему и установить в мире «новый порядок». Но при этом часто упускают из виду тот факт, что Гитлер прекрасно осознавал все сложности, связанные с ломкой ненавистной системы. Поэтому на первых порах действия Третьего рейха хотя и вносили дестабилизацию в функционирование системного механизма, но вряд ли имели фатальный характер. Кроме того, в общую схему развития международных отношений не вписывается или вписывается с большой натяжкой целый ряд конкретных событий тех лет. Например, наметившееся в середине 1930-х годов советско-французское сближение в случае своего развития вполне могло бы превратиться в серьезный консолидирующий фактор. В определенной степени тормозила нарастание эрозийных тенденций в организме данной модели международных отношений и деятельность Лиги Наций. Однако уже к 1938 году системообразующие для Версальской системы — государства Англия и Франция — выбрали ошибочную и близорукую политическую линию, пытаясь не сохранить систему, а направить назревавший конфликт в выгодном для них направлении. Тем самым был изолирован СССР, более других желавший сохранить мир. В результате распад системы принял необратимый характер и повлек за собой военный конфликт невиданной разрушительной силы. Кстати, только пунктуальное следование Гитлера своей программе, в которой четко и последовательно были прописаны тактические и стратегические цели и в которой СССР было уготовлено место жертвы, следующей за Англией и Францией, помогло в августе 1939 года Москве получить невиданный в дипломатической истории выигрыш во времени и пространстве.

В ходе Второй мировой войны произошла уникальная по своим масштабам и последствиям перегруппировка сил на международной арене. Державы «Оси», инспирировавшие войну, были полностью разбиты и временно утратили свой суверенитет. В результате образовался вакуум силы. Его, по логике вещей, должны были заполнить державы-победительницы. Однако Англия и Франция, хотя и входили в их число, оказались настолько ослаблены войной, перед ними стояло такое большое число сложнейших внутривнутриполитических проблем, а их репутация была настолько подорвана предвоенной политикой, что они были не в состоянии нести бремя лидерства. Лишь два государства — США и СССР — к концу войны обладали достаточным потен-

циалом для того, чтобы взять в свои руки дело послевоенного урегулирования и конструирования новой — биполярной — модели международных отношений.

Так, в 1945 году была создана Ялтинско-Потсдамская система. Ее судьба также вызывает острейшие общественно-политические дискуссии. Здесь основной вектор дискурса лежит, в первую очередь, в плоскости оценки данной модели. Основной вопрос звучит так: биполярность второй половины XX века — это позитивный или негативный опыт человеческой цивилизации? Конечно, биполярная система была образованием, имевшим очевидные недостатки. Отметим, например, чрезвычайно высокую цену поддержания равновесия, чрезмерную идеологизированность внешнеполитических установок сверхдержав, мешавшую поиску развязок в региональных конфликтах, и т.д. Пока она функционировала, не было дня, чтобы ее не подвергали критике и у нас в стране, и в США, и в стане нейтральных государств. Политики, ученые, журналисты утверждали, что столь примитивная конструкция, как биполярная модель, основанная на глобальном противостоянии двух сверхдержав, постоянно держит весь мир под угрозой катастрофы, ибо любой локальный кризис всегда мог привести к неконтролируемому термоядерному конфликту.

Однако этого не произошло, мир не был ввергнут в ядерную войну, а многие конструкции Ялтинской системы достаточно успешно функционируют до сих пор. Дело в том, что биполярная система имела несомненные достоинства, особенно по сравнению с Версальской. Это и стабильность, и устойчивость, и предсказуемость, и жестко определенные правила игры, по сути, исключавшие глобальный военный конфликт сверхдержав. Несмотря на постоянную грозную риторику с обеих сторон, эта модель оказалась весьма устойчивым, хорошо прогнозируемым образованием, главные действующие лица которого подчинялись жестким правилам поведения. Советский Союз, в свое время несправедливо исключенный из Версальской системы в самый разгар кризиса, теперь выполнял функцию одного из двух примерно равновеликих центров силы, что объективно поддерживало стабильность системы. И во многом именно СССР определял предел прочности биполярного мира. И только после падения Советского Союза в международных отношениях вновь воцарился хаос.

В заключение следует сказать, что спекуляции на тему «нового Мюнхена и новой Ялты», конечно, не имеют под собой научных оснований. Сравнить Версальскую модель миропорядка, рожденную на национальном унижении целого ряда великих держав и погрязшую в кризисе во многом по вине собственных творцов, и биполярную модель, основанную на триумфе справедливости и свободы над человеконенавистническим злом нацизма, разумеется, нельзя. Тем более выглядит странным, когда на одну полку ставятся Мюнхенский сговор, отдавший на растерзание нацистам демократическое государство в самом центре Европы, и Ялтинская конференция, давшая жизнь глобальной организации человечества в области безопасности и предрешившая судьбу агрессора, развязавшего мировую бойню и устроившего невиданный в истории геноцид.

В начале второго десятилетия XXI века некоторым западным партнерам России все еще нелегко признать тот факт, что именно Советский Союз внес решающий вклад в победу над нацизмом, а СССР являлся непреложным системообразующим фактором в международной системе. Но исторический факт остается фактом. Именно Красная Армия сломала хребет непобедимой до того немецкой военной машине, а Ялтинская система, где СССР играл роль одного из центров силы, продемонстрировала удивительную стабильность, заставляющую даже самых ярых ее противников сегодня ностальгировать по ушедшим временам. В случае же, когда Москва оказывалась изолирована из системного механизма, эту модель ждала печальная участь, как это произошло с Версальским порядком. Поэтому в канун 65-летия Великой Победы нельзя забывать уроки прошлого, надо четко понимать, что формирующаяся мирополитическая архитектура, которая все больше напоминает глобальный концерт великих держав, немислима без участия нашей страны и в случае изоляции России обречена на провал, а мир — на новый виток хаоса в международных отношениях с непредсказуемыми последствиями.

Н.А. Нарочницкая:

Предоставляю слово Андрею Борисовичу Едемскому, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Российского института стратегических исследований.

А.Б. Едемский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований:

Уважаемая госпожа председатель, спасибо за возможность выступить. Из-за недостатка времени придется ограничиться лишь несколькими тезисами.

Обсуждать поднятые темы следует, перебрасывая «мостик» в прошлое. Позвольте напомнить о последнем серьезном издании, посвященном критике фальсификации истории Второй мировой войны, вышедшем в Москве в середине 1980-х годов. Я имею в виду книгу «Буржуазная историография Второй мировой войны. Анализ современных тенденций». В наши дни можно и нужно полемизировать с целью защиты национально-государственных интересов, с учетом геополитических угроз (что так умело делается во вводных статьях представленного сегодня сборника). В этой аудитории и не надо напоминать, что новое поколение историков должно быть всесторонне подготовленным, обладать, в том числе, и знанием о дискуссиях тридцатилетней давности, да и более раннего времени, начиная со знаменитой справки «О фальсификаторах истории» 1948 года и даже спорах о Катыни еще во время войны. Только с использованием прошлого опыта, новых информационных технологий и удвоенной энергии можно противостоять агрессивным фальсификациям со стороны пропагандистского аппарата ряда соседних с Россией стран «новой Европы». В том числе противостоять тому, что изобретаемые там идеи и извращаемые факты воспринимаются в «старой Европе» как открытие или откровение.

Для этого следовало бы детальнее разобраться в балансе сил внутри самих стран антигитлеровской коалиции и реальных отношениях между ними. Многие поводы к размышлению имеются достаточно давно.

Позвольте привести ряд примеров, ограничившись событиями первой половины 1943 года. Прежде всего, следует напомнить материалы советского посла в Великобритании И.М. Майского. Выходившие из-под его пера, или писавшиеся под его диктовку, в этот период документы — образец для подражания. Примером тому может быть его телеграмма комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову от 13 февраля 1943 года, в которой он описывал реакцию Великобритании («чувство крайнего изумления, охватившее всех, — радостное у одних, тревожное у других») на-

ряду с «растущим чувством самоуспокоенности») на советские победы над гитлеровскими агрессорами в конце 1942 — начале 1943 года. Некогда меньшевик, Майский за время, проведенное в заключении, так и не стал «пламенным большевиком», хотя и не отказался от «классового анализа». Он рассматривал тогдашнюю Великобританию в виде общественной пирамиды, в которой в отношении Красной Армии, остановившей гитлеровских нацистов, «чем выше по этажам ... тем больше чувство восхищения разбавляется примесью других, разъедающих чувств», и приводил конкретные примеры. Он сообщал о выражениях озабоченности лейбористской интеллигенции, в том числе и лидеров лейбористов, которые опасались, что «победы Красной Армии в конечном счете приведут к сильнейшему росту коммунистической конкуренции в рабочих массах». Помимо марксистских терминов Майский использовал в телеграмме и иные. Оценивая реакцию британской властной элиты на советские военные успехи, он ввел в текст образ наличия «двух душ», «двух противоречивых чувств, которые находят теперь отражение в двух основных группировках британского господствующего класса». Окредитив их «для краткости» «черчиллевская» и «чемберленовская», Майский сообщал: «В их груди живут сразу две души. С одной стороны, очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев, — нам, англичанам, легче будет. Сэкономим потери и разрушения. Еще раз используем наш извечный метод — воевать чужими руками. Но, с другой стороны, нам, англичанам, страшно, а не слишком ли в результате усилятся большевики? Не слишком ли возрастет авторитет СССР и Красной Армии? Не слишком ли повысятся шансы «коммунизма» в Европе?». По его мнению, «черчиллевская» «пока дает крен в сторону удовлетворения нашими победами, вторая уже сейчас дает крен в сторону испуга перед нашими успехами. Между прочим, то последнее настроение довольно явственно ощущается в руководящем аппарате военного ведомства. Но сейчас Красная Армия еще только на подступах к Ростову и Харькову. Каково будет ощущение «черчиллевской» группы, когда Красная Армия будет на подступах к Берлину, трудно сказать. Не исключены разные неприятные сюрпризы»¹. Действительно, это глубокий подход,

¹ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики РФ. В 2-х т. Т. 1 / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М.: 1996. С. 202—203. Док. 39. С. 193—196.

наталкивающий исследователей на размышления о причинах появления через два года уже упоминавшегося здесь плана «Немыслимое». Но следовало бы сопоставить бóльший корпус документов, чем имеется сейчас в распоряжении историков.

Не менее интересны наблюдения Майского, изложенные им в отчете, написанном в начале мая 1943 года по указанию Молотова. В конце марта глава внешнеполитического ведомства Великобритании Иден нанес визит в Вашингтон и вернувшись, рассказал об этом Майскому. Советский посол сообщил об этом своевременно в телеграммах от 7 и 12 апреля 1943 года, руководителю НКВД СССР потребовался дополнительный сводный отчет. В нем Майский весьма выпукло передал со слов Идена расклад сил в американской верхушке: «В Америке власть гораздо менее централизована не только по сравнению с СССР, но даже по сравнению с Англией. Наряду с Рузвельтом и его правительством имеются еще очень важные и влиятельные силы вне правительства, которые в той или иной мере определяют линию правительства. Таких сил довольно много, и они разбросаны отдельными сгустками по периферии политической жизни», — сообщалось в отчете. Идену бросилось в глаза также и то, что «в самой руководящей группе нет полного единства. Даже персональные отношения между отдельными членами администрации подчас представляются довольно загадочными». Британский министр описал это на примере отношений госсекретаря США и его заместителя. Они ни разу не появились вместе на встречах с ним. Рассказывая Майскому об «американской точке зрения», он учитывал главным образом взгляды Рузвельта, Гопкинса, Хэлла и Самнера Уэллеса¹. Помимо прочего, советский посол весьма подробно передал впечатления своего собеседника относительно отношений между США и СССР в ходе войны и после ее окончания. Со слов Идена получалось, что «все в Америке, однако, признают, без различия направлений, что тесное сотрудничество между США и СССР во время войны абсолютно необходимо. А после войны? Тут начинаются разногласия. Более консервативные элементы (особенно среди республиканцев и Уолл-стрит) склонны думать, что после войны пути США и СССР разойдутся.

¹ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики РФ. В 2-х т. Т. 1 / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М.: 1996. Док. 44. С. 202—203.

Рузвельт и его группа, наоборот, считают, что тесное сотрудничество между США и СССР после войны крайне необходимо для урегулирования всех послевоенных дел и поддержания прочного мира. Они, впрочем, не вполне уверены в том, что такое сотрудничество удастся реализовать. Члены администрации, начиная с президента, хотели бы найти пути к закреплению отношений между США и СССР, но не совсем хорошо себе представляют, каковы они должны быть. (...) Иден не говорил этого прямо, но по некоторым намекам было видно, что он посоветовал Рузвельту устроить личное свидание с тов. Сталиным»¹.

Такой пристальный интерес к впечатлениям Идена о визите в США прежде всего объяснялся личным посланием Ф. Рузвельта Сталину от 5 мая 1943 года, переданным через старинного друга американского президента Дж. Дэвиса, отправленного им в Москву исключительно с этой целью. Как известно, в нем содержалось фантастическое предложение о скорейшей личной встрече с условием отсутствия на ней английского премьер-министра. По мнению Рузвельта, местом встречи не мог быть ни Хартум в Африке как английская колония, ни Исландия, где было невозможно избежать участия Черчилля. Американский лидер предложил встречу с минимальным числом участников возле Берингова пролива: «в весьма неофициальном порядке» и «без официальных соглашений или деклараций»². Предварительное согласие Сталина 26 мая на встречу в июле—августе 1943 года и при «ограничении количества советников» и самой высокой оценке Дэвиса, который «знает Советский Союз и может объективно судить о вещах»³, сменились отрицательным отношением советского вождя к этой идее в письме от 8 августа 1943 года. В нем, ссылаясь на занятость из-за необходимости «чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное» и невозможность проведения встречи без Черчилля, о чем он якобы уже сказал Дэвису⁴, Сталин предложил встретиться втроем в Архан-

¹ СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики РФ. В 2-х т. Т. 1 / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М.: 1996. Док. 44. С. 206.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: 1958. С. 62—63.

³ Там же. Док. 88. С. 65—66.

⁴ Там же. Док. 101. С. 77.

гельске или Астрахани. Известно, что в интервале между этими письмами Сталина Рузвельт, по меньшей мере, дважды (5 июня и 16 июля) торопил своего высокопоставленного союзника реализовать данное им согласие на встречу.

Британские и американские документы свидетельствуют, что формирование внешнеполитического курса и соответствующих действий американского и британского руководства в отношении СССР происходило в тот период относительно просто. Было бы весьма поучительно сопоставить то, что Иден рассказывал о своих впечатлениях о переговорах в Вашингтоне Литвинову и Майскому, с тем, что происходило там на самом деле. И тогда можно будет пролить дополнительный свет на то, насколько на самом деле были искренны союзники по борьбе с гитлеровской Германией в отношениях друг с другом и насколько неожиданными были охлаждения отношений в последующем. Стоит добавить, что российские исследователи по известным причинам все еще слабо и неумело используют в дискуссиях сильный козырь отечественной науки — документы, которые передавались в Москву «кембриджской группой». Эти документы с гораздо большей степенью достоверности могли бы продемонстрировать, насколько в действительности открыты британские архивы по Второй мировой войне для исследования и насколько искренней была английская сторона как в прошлом, так и в наши дни, утверждая, что секретов осталось не так много.

Позвольте высказать предположение, что отсутствие конструктивности и гибкости подводит нас и в текущей полемике с теми, кто фальсифицирует или злонамеренно по-иному интерпретирует события и целые исторические пласты. В одиночку, «без союзов и блоков», бороться сложно. А союзники есть: их следует находить. К примеру, два года назад в США вышла из печати книга профессора Колумбийского университета Марка Мазовера. Первое издание было академическим, а второе — массовым, но с сохранением всего справочного аппарата¹. Книга была издана и в ФРГ в переводе на немецкий язык, сейчас она продается в каждом киоске в этой стране. Мазовер — крупный историк и специалист по международным отношениям разных периодов XX века. В книге он тонко показывает разницу в подходах нацистов к населению

¹ *Mazower Mark, Hitler's Empire. Nazi Rule in Occupied Europe. London: Penguin books, 2009.*

стран Западной Европы, «молниеносно» сдавшихся на милость победителей, и к славянскому населению к востоку от Германии. Словом, вряд ли продуктивно использовать лишь черную и серую краску в расцвечивании политической элиты США и Великобритании в прошлом и сейчас. То же самое можно сказать и в отношении научных кругов на Западе. Там много оттенков: помимо сторонников откровенно троцкистских взглядов, есть и другие, отличающиеся друг от друга: есть «школа» Бжезинского, есть те, кто объявляет себя последователями традиции Киссинджера, а есть и круг Кеннена. Это становится очевидным в критические моменты (к примеру, перед и во время бомбардировок Югославии весной 1999 года происходили столкновения мнений). Следует искать этих людей там, нужно с ними контактировать, нужно с ними взаимодействовать, выходить на совместные площадки.

Совместное заявление российского и израильского руководства в прошлом году действительно сыграло большую роль, позволив указать на болевые точки проблемы и консолидировать усилия против ревизии событий Второй мировой войны и ее итогов. Механизм реализации скрыт от сторонних наблюдателей, но результаты очевидны. Они были видны и на примере стран Юго-Восточной Европы. Стипе Месич, президент Хорватии, несколько своих выступлений посвятил проблеме недопустимости пересмотра истории. Да и предложение президента Сербии российскому руководству отметить 65-летие освобождения Белграда родилось не только из исторических связей народов двух стран и желания поскорее договориться о получении займа. Несомненно, уже осенью прошлого года вектор большинства заявлений на исторические темы изменился, накал страстей спал, ожидаемой ревизии не случилось. Вряд ли это могло бы произойти, если бы этим были озабочены только в России.

Н.А. Нарочницкая:

Спасибо. Я думаю, никто не жалеет о том, что принял участие в работе круглого стола. Было очень интересно. Получилась панорамная картина: были затронуты содержательные аспекты новых публикаций, концепции, документы, были обсуждены проблемы их презентации для широкого круга. Поэтому я очень благодарна всем — и ученым, и публицистам, и издателям, и практическим, как раньше говорили, работникам. Потому что только все вместе,

действуя в разных сферах общественной жизни, общественного сознания, мы можем противостоять той массивной политике смены смыслов Второй мировой войны. Это была война именно за жизнь, и празднование Победы — это не просто дань оскорбленной гордости великороссов, но и сохранение смысла события, сохранение правды о войне, сохранение ее правильной трактовки. На мой взгляд, это должно быть задачей любого ответственного правительства и государства. Поэтому благодарю всех и надеюсь на наше будущее плодотворное сотрудничество. Еще раз большое спасибо.

ДОКУМЕНТЫ

Приказ о комиссарах¹

Ставка фюрера, 06.06.1941 г.

Совершенно секретный документ командования!

Приложение к ОКW/WFST/Abt. L. IV/Qu

№ 44822/41(секр.)

Совершенно секретно!

Передавать только через офицера!

Директивы по обращению с политическими комиссарами

В борьбе против большевизма не следует рассчитывать на то, что враг будет придерживаться принципов человечности или международного права. В частности, от политических комиссаров всех рангов, как непосредственных организаторов сопротивления, нужно ожидать преисполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного обращения с нашими пленными.

Войска должны помнить следующее:

1. Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права — неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности и для быстрого умиротворения завоеванных областей.

¹ Источник: Der Kommissarbefehl. — NS-Archiv. — Dokumente zum Nationalsozialismus. URL: <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php> / Пер. с нем. С.Н. Дрожжина.

2. Изобретателями варварских азиатских методов борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них нужно со всей строгостью принимать меры немедленно и без всяких разговоров. Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожать.

В остальных случаях действуют следующие постановления:

1. Район военных действий

1. С политическими комиссарами, которые выступают против наших войск, следует обращаться в соответствии с распоряжением «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”». Это относится к комиссарам всех званий и занимающим любую должность, даже если они только подозреваются в оказании сопротивления, саботаже или в подстрекательстве к этому.

Необходимо помнить «директивы о поведении войск в России».

2. Политических комиссаров во вражеских армиях можно отличить по особым знакам отличия — красной звезде с вытканными золотом серпом и молотом на рукаве...

Их нужно немедленно, прямо на поле боя, отделить от других военнопленных. Это необходимо для того, чтобы лишить их всякой возможности оказывать воздействие на пленных солдат. Эти комиссары не признаются в качестве солдат; на них не распространяется защита, предоставляемая военнопленным международным правом. После отделения их следует уничтожать.

3. Политические комиссары, которые не виновны во враждебном отношении или только подозреваются в таковом, могут быть оставлены до особого распоряжения. Только при дальнейшем продвижении в глубь страны можно будет решить, могут ли оставшиеся работники быть оставлены на месте или их следует передавать зондеркомандам. Следует стремиться к тому, чтобы последние сами проводили расследование. При решении вопроса о том, «виновен или невиновен», личное впечатление об образе мыслей и поведении того или иного комиссара, как правило, важнее, чем состав преступления, который, пожалуй, не может быть доказан.

4. В первом и во втором случаях следует составить о происшедшем краткое донесение (докладную записку):

а) из подчиненных дивизии подразделений донесения направляются в дивизию,

б) из подразделений, непосредственно подчиненных командованию корпуса, армии или группы войск или группе танковых войск, донесения направляются командованию корпуса и т.д.

5. Все названные мероприятия не должны мешать проведению операций. Поэтому планомерные операции по розыску и прочесыванию местности не проводятся полевыми войсками.

II. В тылу войск

Комиссаров, которые будут задержаны ввиду их подозрительного поведения, следует передавать эйнзацгруппам или эйнзацкомандам полиции безопасности (СД).

III. Ограничения для военных и военно-полевых судов

Осуществление мероприятий, предусмотренных в разделах I и II, не может быть возложено на военные и военно-полевые суды командиров полков и выше.

Дополнение Главнокомандующего сухопутными войсками Вермахта 8 июня 1941 г.

Содержание: Обращение с политическими комиссарами.

Дополнения:

К разделу I, пункт 1:

Предпосылкой к принятию мер в отношении каждого политического комиссара являются открыто проявляемые или замышляемые действия или отношение со стороны подвергаемого этим мерам, направленные против немецких вооруженных сил.

К разделу I, пункт 2:

Казнь политических комиссаров после их отбора из общей массы военнопленных проводить в войсках вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера¹.

¹ Приказ о комиссарах был подписан Гитлером 6 июня 1941 года перед началом проведения операции «Барбаросса». Несмотря на его противоправный характер, он довольно активно выполнялся в войсках. Сейчас немецкие историки ведут работы по документированию преступлений, связанных с исполнением именно этого приказа, и уже собраны материалы, позволяющие говорить о том, что десятки тысяч советских солдат и офицеров были расстреляны только на его основании. Он был отменен в мае 1942 года после того, как Гитлер пришел к выводу о том, что знание об этом приказе только укрепляло дух советских солдат.

Получено 23 февраля 1943 г.

Послание Ф. Рузвельта И.В. Сталину

От имени народа Соединенных Штатов я хочу выразить Красной Армии по случаю ее 25-й годовщины наше глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными в истории победами. В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтики до Черного моря. Вынужденное отступление противника дорого обходится ему людьми, материалами, территорией и в особенности тяжело отражается на его моральном состоянии. Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и прежде всего решимостью победить противника, невзирая на собственные жертвы. В то же самое время я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берет свои истоки и от которого она получает людей и снабжение. Русский народ также отдает все свои силы войне и приносит величайшие жертвы. Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов¹.

¹ Источник: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изд. П. М.: Политиздат, 1986. Т. II. С. 55—56.

Крымская конференция. 4—11 февраля 1945 г.

Декларация об освобожденной Европе

Ф. Мэттьюс вручил Ф.Т. Гусеву 8 февраля 1945 г.¹

Премьер Союза Советских Социалистических Республик, премьер-министр Соединенного Королевства и президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, три правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве-сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; б) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; с) создавать времен-

¹ *Гаррисон Фримэн Мэттьюс* — американский политический деятель. В 1944—1947 гг. занимал пост директора Европейского отдела Госдепартамента США.

Фёдор Тарасович Гусев (1905—1987) — советский дипломат. В 1943—1946 гг. посол СССР в Великобритании. В 1946—1952 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР.

ные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению трех правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств-сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они немедленно учредят надлежащий механизм для осуществления совместной ответственности, установленной настоящей декларацией.

Этой декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию всего человечества¹.

¹ Источник: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М.: Издательство политической литературы, 1979. С. 186—187.

Получено 23 февраля 1945 г.

Личное послание для маршала Сталина от г-на Черчилля

Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед. Я прошу Вас, великого руководителя великой армии, приветствовать ее от моего имени сегодня, на пороге окончательной победы¹.

¹ Источник: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изд. II. М.: Политиздат, 1986. Т. I. С. 353.

Получено 23 февраля 1945 г.

**Его превосходительству
Иосифу В. Сталину,
Верховному Главнокомандующему
Вооруженными силами
Союза Советских
Социалистических Республик**

Москва.

В ожидании нашей общей победы над нацистскими угнетателями я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы принести Вам, как Верховному Главнокомандующему, мои самые искренние поздравления с двадцать седьмой годовщиной создания Красной Армии. Важнейшие решения, которые мы приняли в Ялте, ускорят победу и закладку прочного фундамента длительного мира. Непрерывные выдающиеся победы Красной Армии вместе с развернутыми усилиями вооруженных сил Объединенных Наций на юге и на западе обеспечивают быстрое достижение нашей общей цели — мира во всем мире, опирающегося на взаимопонимание и сотрудничество.

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ

Речь президента Ф. Рузвельта в Конгрессе США по итогам Крымской конференции¹ 1 марта 1945 г. (выдержки)

Я возвратился с Крымской конференции (Ялтинской конференции. — *Прим. ред.*) с твердым убеждением, что мы заложили хорошее начало дороги, ведущей к миру во всем мире.

У Крымской конференции было две цели. Первая — нанести скорейшее поражение Германии с наименьшими возможными потерями для Союзников [...] Вторая состояла в продолжении процесса выработки международного соглашения, которое принесло бы порядок и безопасность после хаоса войны и которое представляло бы некоторые гарантии прочного мира среди народов земли.

Многие дни были проведены в обсуждении этих вопросов. Мы вели открытый и откровенный разговор за столом. В конце концов мы пришли к единодушному согласию по каждому пункту. Но я могу сказать, что еще более важным, чем согласие в словах, стало то, что мы достигли единства в мыслях и в том, как мы будем совместно работать в дальнейшем.

Никогда ранее главные Союзники не были столь едины не только по поводу военных целей, но и в отношении мирных задач. И они [Союзники] полны решимости сохранить это единство, как между собой, так и с другими миролюбивыми нациями для того, чтобы идея прочного мира стала реальностью.

Для прочного мира наряду с военными договоренностями не менее важным результатом Крымской конференции стало достигнутое соглашение по вопросу создания общей международной организации.

Мир во всем мире не может быть результатом работы одного человека, одной стороны, одной нации. Он не может быть только

¹ Одно из последних публичных выступлений президента Ф. Рузвельта, который ушел из жизни 12 апреля 1945 г. В этом документе отражены представления президента Рузвельта о послевоенном мироустройстве, а также суть отношений между США и СССР, сложившихся в результате советско-американского союзничества военных лет и личных взаимных симпатий Ф. Рузвельта и И.В. Сталина.

американским, британским, русским, французским или китайским. Он не может быть миром только больших или только малых государств. Это должен быть мир, базирующийся на сотрудничестве всех наций [...]

Ни Соединенные Штаты, ни Россия, ни Великобритания не будут всегда получать сто процентов того, чего они хотят. Мы не всегда сможем находить идеальные ответы, решения сложных международных проблем, даже несмотря на то, что мы всегда будем стремиться к достижению таковых. Но я уверен, что благодаря решениям, выработанным в Ялте, политика в Европе станет более стабильной, чем когда-либо.

Я надеюсь, что конференция в Крыму стала поворотным моментом в нашей истории, а в результате — в истории всего мира.

[...] И здесь не может быть уступок. Либо мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество, либо за еще один мировой конфликт.

[...] Думаю, Крымская конференция стала удачной попыткой трех ведущих народов найти общие основы мира. Это означает, должно означать, конец системы односторонних действий, ограниченных союзов, сфер интересов, баланса сил и других приемов, которые использовались веками и всегда не имели успеха. Мы предлагаем все это заменить универсальной организацией, куда имеют шанс вступить все миролюбивые народы¹.

¹ Источник: President Roosevelt's Report to Congress on the Crimea Conference. New York Times. March 1, 1945.

URL: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1945/450301a.html>

Пер. с англ. Н.В. Бурлиновой.

Эдвард Стеттиниус¹«Аргонавт»²

(извлечение)

[...] Нелишне в заключение задать вопрос: что получил на конференции в Ялте Советский Союз в Восточной Европе, чего он уже не имел в результате блестящих побед Красной Армии? Что приобрел Советский Союз в Ялте, чего он не мог бы приобрести без всяких соглашений?

Никогда не надо забывать, что в ходе Ялтинской конференции военные советники президента сообщили ему, что Япония, возможно, капитулирует не ранее 1947 года или даже позже. Президенту также сказали, что без вступления России в войну на Дальнем Востоке завоевание Японии потребует от США дополнительно миллион человеческих жизней. Необходимо также помнить, что во время Ялтинской конференции еще не было уверенности в возможности создания атомной бомбы и что после немецкого контрудара в Арденнах, отбросившего нас назад в Европе, было неясно, сколько еще времени потребуется для разгрома Германии. Осенью 1944 года, когда войска западных союзников стремительно продвигались по Франции, резко усилились оптимистические настроения, что война вот-вот закончится. Затем последовало немецкое контрнаступление в Арденнах, которое обернулось для нас более чем только военной неудачей. Оно бросило глубокую тень на оптимистические прогнозы быстрого окончания войны с Германией. В Вашингтоне, например, службы обеспечения и снабжения вооруженных сил начали размещать новые заказы на поставки, исходя из того, что война в Европе продлится дольше, чем предполагали.

Конечно, сейчас мы можем сказать, что этот широко распространенный пессимизм не был оправдан. Но необходимо учитывать воздействие этих настроений и рассуждений на стратегию и соглашения, выработанные в Крыму. Было действительно важным включить

¹ *Стеттиниус Эдвард* — государственный секретарь США с 1 декабря 1944 г. по 27 июня 1945 г. Был в составе американской делегации на конференции в Ялте.

² «Аргонавт» — американское название Ялтинской конференции.

Советский Союз в совместную сферу действий. Сотрудничество с Советским Союзом в войне против Японии было взаимосвязано с сотрудничеством в создании ООН и с совместными действиями в Европе.

Некоторые критики Ялтинской конференции считают, что было бы лучше вообще не заключать никаких соглашений с Советским Союзом. Если бы мы не смогли достичь согласия в Ялте, это серьезно отразилось бы на моральном духе людей в союзных странах, которые несли тяготы пятилетней войны, и привело бы к затяжке военных действий против Германии и Японии. А может быть, вызвало бы и другие непредвиденные по своей трагичности последствия для всего мира. Достигнутые соглашения приблизили окончание войны и позволили значительно сократить американские потери.

Ялтинская конференция сделала также возможным создание Организации Объединенных Наций. Хотя имевшие место после Ялты события осложнили деятельность ООН, я по-прежнему убежден, что Организация Объединенных Наций может стать величайшим в истории вкладом в дело создания стабильного и избавленного от войн мира.

В Ялте, которой суждено было стать местом последней встречи Рузвельта со Сталиным и Черчиллем, президент добивался двух основных целей. Он стремился к быстрой и безоговорочной капитуляции Германии и других стран «оси» и мечтал создать всемирную организацию по обеспечению мира и безопасности. Ялтинские соглашения, несмотря на последующие трудности, сделали возможным достижение второй цели и помогли добиться первой¹.

¹ Источник: От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. С. 374—376.

**Меморандум госсекретаря США
Джозефа Грю¹
на имя Президента США Гарри Трумэна
Вашингтон, 19 мая 1945 года
(извлечение)**

В том, что касается интересов Соединенных Штатов, в этой войне будет достигнут лишь один результат, а именно защита от военной экспансии Германии и Японии. Мы должны были сражаться ради этой цели. Если бы мы не сражались, то наша нация оказалась бы в страшной опасности. В том, что касается наших собственных интересов, эта война была и остается войной оборонительной, в которую мы были втянуты.

Однако надежды на то, что это будет «последняя война», не оправдались. В результате этой войны вся мощь тоталитарных диктатур лишь будет перенесена из Германии и Японии в Советскую Россию, которая в будущем станет представлять для нас опасность, сопоставимую с той, что исходила от стран гитлеровской коалиции.

Всемирная организация, создаваемая в настоящее время в Сан-Франциско для сохранения мира и обеспечения безопасности, не сможет ни сохранить мир, ни обеспечить безопасность. Она окажется неспособной сдержать одного вполне очевидного будущего врага, а именно Советскую Россию. Дело в том, что Ялтинское соглашение дает великим державам право вето на использование силы в тех конфликтах, в которые они оказываются вовлечены. Это означает, что главная цель, ради которой создается организация, на практике будет сведена на нет. Нам не следует возлагать на нее какие-либо надежды. Ее способность предотвратить грядущую войну — несбыточный сон.

Россия уже демонстрирует нам — в Польше, Румынии, Болгарию, Венгрии, Австрии, Чехословакии и Югославии — очертания той мировой системы, которую она намерена создать. Очевидно, Россия будет держать эти страны мертвой хваткой, а ее мощь бу-

¹ *Джозеф Грю (1880—1965)* — видный американский дипломат, друг Ф. Рузвельта, в 40-е годы — посол США в Японии, весной 1945 г. назначен заместителем государственного секретаря США.

дет неуклонно расти. В не столь отдаленном будущем у нее появится благоприятная возможность шаг за шагом распространить свое влияние на всю Европу. В должное время в эту же систему окажутся вписанными Ближний и Дальний Восток. Если Россия вступит в войну с Японией, в орбите ее влияния постепенно окажутся Монголия, Маньчжурия и Корея, а затем наступит черед Китая и, в конечном счете, самой Японии. [...]

Если в мире и есть что-то неизбежное, то это грядущая война с Россией. Она может случиться в ближайшие несколько лет. Поэтому мы должны поддерживать нашу боевую мощь и сделать все, что в наших силах, для того, чтобы укрепить связи со странами свободного мира.

Между тем нам следует настаивать на контроле за стратегическими воздушными и морскими базами. Рассчитывая в какой-либо степени на искренность России, мы совершим самую фатальную из всех наших возможных ошибок. Вне всякого сомнения (и нам это известно), она воспользуется любой возможностью извлечь выгоду из нашей приверженности нашим собственным международным этическим стандартам. Она считает и будет продолжать считать этичное поведение нашей слабостью и находить в ней пользу для себя.

После того как завершится конференция в Сан-Франциско, наша политика в отношении России должна ужесточиться на всех направлениях¹. [...]

¹ Источник: Grew, Joseph C. *Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904—1945*. Books for Libraries Press, 1952. Vol. II. Pp. 1445—1446.

ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ

*Этот документ является собственностью Правительства
Его Величества Короля Великобритании*

Совершенно секретно

*Окончательный (вариант) 22 мая 1945 г.
Военный кабинет
Штаб объединенного планирования*

Операция «Немыслимое»

Доклад Штаба объединенного планирования

[1]. Нами проанализирована [возможность проведения] операции «Немыслимое». В соответствии с указаниями анализ основывался на следующих посылах:

а) Акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно, высоким остается моральный настрой британских и американских войск.

б) Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск и могут рассчитывать на использование немецкой рабочей силы и сохранившегося германского промышленного потенциала.

в) Нельзя полагаться на какую бы то ни было помощь со стороны армий других западных держав, хотя в нашем распоряжении на их территории находятся базы и оборудование, к использованию которых, возможно, придется прибегнуть.

г) Русские вступают в альянс с Японией.

д) Дата объявления военных действий — 1 июля 1945 г.

е) До 1 июля продолжается осуществление планов передислокации и демобилизации войск, затем оно прекращается.

В целях соблюдения режима повышенной секретности консультации со штабами министерств, ведающих видами вооруженных сил, не проводились.

Цель

2. Общеполитическая цель [операции] — навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи.

Хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего вовлечения [в конфликт] непременно будет ограниченной. Быстрый [военный] успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получат.

3. Единственный для нас способ добиться цели в определенном и долгосрочном плане — это победа в тотальной войне, но с учетом сказанного выше, в пункте 2, относительно возможности скорого [военного] успеха, нам представляется правильным подойти к проблеме с двумя посылками:

а) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учетом этой установки;

б) политическая установка такова, что быстрый [военный] успех позволит нам достигнуть наших политических целей, а последующее участие [в конфликте] нас не должно волновать.

Тотальная война

4. Поскольку возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима нами не рассматривается и мы не компетентны давать суждения по этому вопросу, вывести русских из игры можно только в результате:

а) оккупации столь [обширной] территории собственно России, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление [русских] становится невозможным;

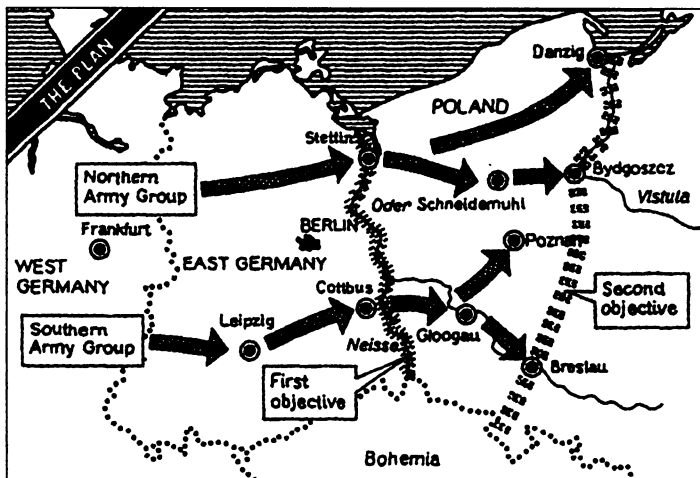
б) нанесения русским войскам на поле сражения такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение Советским Союзом войны.

Оккупация жизненного пространства России

5. Возможно такое развитие ситуации, при котором русским удастся отвести войска и тем самым избежать решающего пора-

жения. В этом случае они могут принять на вооружение тактику¹, столь успешно использовавшуюся ими против немцев, а также в предшествующих войнах и состоящую в использовании огромных расстояний, которыми территория наделила их. В 1942 г. немцы дошли до рубежей Москвы, Волги и Кавказа, но методы эвакуации заводов в сочетании с развертыванием новых ресурсов и помощью союзников позволили СССР продолжить боевые действия².

**Схема военных действий против СССР
согласно плану военной операции «Немыслимое»³
(из газеты «Дейли телеграф»)**

¹ Источник: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изд. II. М.: Политиздат, 1986. Т. II. С. 204.

² Источник: *Ржевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 98—123.

³ Операция «Немыслимое» — план возможной Третьей мировой войны «союзников» США и Великобритании против СССР, которая могла начаться 1 июля 1945 года. План военного нападения был подготовлен объединённым штабом планирования военного кабинета Великобритании по заданию премьер-министра Уинстона Черчилля. В настоящее время этот план хранится в Государственном архиве Великобритании.

Устав Организации Объединенных Наций¹, принятый в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (извлечение)

[...] Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей.

Согласно этому, наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в надлежащей форме, согласились принять настоящий Устав Организации Объединенных Наций и настоящим учреждают международную организацию под названием «Объединенные Нации».

¹ Устав ООН — многостороннее международное соглашение, разработанное ведущими державами антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобританией, Францией и Китаем) в годы Второй мировой войны и принятое единогласно 25 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско представителями 50 стран. Вступил в силу 24 октября 1945 г. В Уставе сформулированы основные принципы деятельности ООН, которые воплотили дух военного союзничества и явились основным итогом Второй мировой войны в системе международных отношений.

Глава I. Цели и принципы

Статья 1. Организация Объединенных Наций преследует цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами в согласии с принципами справедливости и международного права улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира.

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Статья 2. Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее Члены действуют в соответствии со следующими принципами:

1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов.

2. Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации.

3. Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость.

4. Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций.

5. Все Члены Организации Объединенных Наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера...

7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII.

Глава II. Члены организации

Статья 3. Первоначальными Членами Организации Объединенных Наций являются государства, которые, приняв участие в конференции в Сан-Франциско по созданию международной организации или ранее подписав Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписали и ратифицировали настоящий Устав [...]

Статья 4. 1. Прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять [...]

Статья 6. Член Организации, систематически нарушающий принципы, содержащиеся в настоящем Уставе, может быть исключен из Организации Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности.

Глава III. Органы

Статья 7. 1. В качестве главных органов Организации Объединенных Наций учреждаются: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат.

2. Вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми, могут учреждаться в соответствии с настоящим Уставом.

Глава IV. Генеральная ассамблея

состав: [...]

Статья 9. 1. Генеральная Ассамблея состоит из всех Членов Организации.

2. Каждый Член Организации имеет не более пяти представителей в Генеральной Ассамблее.

Функции и полномочия:

Статья 10. Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и, за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать рекомендации Членам Организации Объединенных Наций или Совету Безопасности, или и Членам Организации и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам [...]

Статья 12. 1. Когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом [...]

Голосование:

Статья 18. 1. Каждый Член Генеральной Ассамблеи имеет один голос.

2. Решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи. Эти вопросы включают: рекомендации в отношении поддержания международного мира и безопасности, выборы непостоянных членов Совета Безопасности, выборы членов Экономического и Социального совета, выборы членов Совета по опеке [...] прием новых Членов в Организацию Объединенных Наций, приостановление прав и привилегий Членов Организации, исключение из Организации ее Членов, вопросы, относящиеся к функционированию системы опеки, и бюджетные вопросы.

3. Решения по другим вопросам, включая определение дополнительных категорий вопросов, которые подлежат решению большинством в две трети голосов, принимаются простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании [...]

Глава V. Совет безопасности

Состав: [...]

Статья 23. 1. Совет Безопасности состоит из одиннадцати Членов Организации: Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности. Генеральная Ассамблея избирает шесть других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание в первую очередь степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению.

2. Непостоянные члены Совета Безопасности избираются на двухгодичный срок. Однако при первых выборах непостоянных членов трое избираются на срок в один год. Выбывающий член Совета Безопасности не подлежит немедленному переизбранию.

3. Каждый член Совета Безопасности имеет одного представителя¹ [...]

¹ Источник: Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. М.: 1945. С. 5—31.

**Речь У. Черчилля¹
в Вестминстерском колледже,
г. Фултон, штат Миссури, США,
5 марта 1946 г.**

(извлечение)

[...] Соединенные Штаты Америки находятся сегодня на вершине могущества, являясь самой мощной в мире державой, и это можно расценить как своего рода испытательный момент для американской демократии, ибо превосходство в силе означает и огромную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг себя, вы должны заботиться не только об исполнении своего долга перед всем человечеством, но и о том, чтобы вы не опускались ниже достигнутого вами высокого уровня. Перед обеими нашими странами открываются новые, блестящие перспективы и возможности. Отказавшись от них, или пренебрегши ими, или же используя их не в полную меру, мы навлекли бы на себя осуждение наших потомков на долгие времена. [...]

С чего же начать? Хотел бы сделать на этот счет одно конкретное и вполне реальное предложение. Ни один суд, ни административный, ни уголовный, не может нормально функционировать без шерифов и полицейских. Точно так же Организация Объединен-

¹ Фултонская речь — речь, произнесённая 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в г. Фултон (США). В этом выступлении одного из бывших лидеров антигитлеровской коалиции фактически впервые после окончания Второй мировой войны был сформулирован открытый и публичный призыв к отказу от сложившихся в годы войны принципов сотрудничества великих держав и переходу к резкому противостоянию с СССР. Сам Черчилль назвал эту речь самой важной во всей его карьере. Президент США Гарри Трумэн, заранее ознакомленный с речью, назвал ее «превосходной»: по его выражению, «хотя она и вызовет суматоху, но приведет только к положительным результатам». При этом официально Трумэн никак не выразил отношения к мыслям и призывам Черчилля: Черчилль как частное лицо имел большую свободу действий. В этом смысле Фултонская речь носила отчётливо провокационный характер, будучи рассчитана на зондаж и возбуждение общественного мнения.

ных Наций не сможет эффективно работать, если не будет иметь в своем распоряжении международные вооруженные силы. В таком деле нужно действовать неспеша, шаг за шагом, но начинать мы должны уже сейчас. Предлагаю, чтобы каждое входящее в Организацию Объединенных Наций государство выделило в ее распоряжение определенное количество эскадрилий. Эти эскадрильи будут проходить обучение и военную подготовку у себя на родине, а затем перебрасываться в порядке ротации из одной страны в другую. Военная форма у летчиков может быть национальная, но нашивки на ней должны быть интернациональные. Никто не может потребовать, чтобы какое-либо из этих соединений воевало против своей собственной страны, но во всех других отношениях они должны быть в полном подчинении у ООН. Начать формирование международных вооруженных сил следует на достаточно скромной основе, а затем, по мере увеличения доверия к ним, можно приступить и к постепенному их наращиванию. Этот замысел, возникший у меня еще после Первой мировой войны, так и не был осуществлен, и мне бы очень хотелось верить, что он все-таки станет реальностью, причем в самом ближайшем будущем.

В то же время должен сказать, что было бы непростительной ошибкой доверить всемирной организации, пока еще переживающей период младенчества, секретную информацию о производстве и способах применения атомной бомбы — информацию, являющуюся совместным достоянием Соединенных Штатов, Великобритании и Канады. Было бы настоящим безумием и преступной неосмотрительностью сделать эту информацию доступной для всеобщего пользования в нашем далеко еще не успокоившемся и не объединившемся мире. Ни один человек ни в одной стране на нашей земле не стал спать хуже по ночам оттого, что секрет производства атомного оружия, а также соответствующая технологическая база и сырье сосредоточены сегодня главным образом в американских руках. Но я не думаю, что все мы спали бы столь же спокойно, если бы ситуация была прямо противоположной и монополией на это ужасное средство массового уничтожения завладело — хотя бы на время — какое-нибудь коммунистическое или неонацистское государство. Одного лишь страха перед атомной бомбой было бы достаточно,

чтобы они смогли навязать свободному, демократическому миру одну из своих тоталитарных систем, и последствия этого были бы просто чудовищны. Однако Богу было угодно, чтобы этого не случилось, и у нас хватит времени, чтобы привести наш дом в порядок еще до того, как мы можем оказаться перед подобной угрозой. Если мы приложим максимум усилий, то сумеем сохранить достаточное преимущество в этой области и тем самым предотвратить опасность применения кем бы то ни было и когда бы то ни было этого смертоносного оружия. Со временем, когда установится подлинное братство людей, найдя свое реальное воплощение в учреждении международной организации, которая будет обладать всеми необходимыми средствами, чтобы с ней считался весь мир, разработки в области атомной энергии могут быть без всяких опасений переданы этой международной организации.

А теперь я хотел бы перейти ко второму из упомянутых мною двух бедствий, угрожающих каждому дому, каждой семье, каждому человеку, — а именно, к тирании. Мы не можем закрывать глаза на тот факт, что демократические свободы, которыми пользуются граждане на всех территориях Британской империи, не обеспечиваются во многих других государствах, в том числе и весьма могущественных. Жизнь простых граждан в этих государствах проходит под жестким контролем и постоянным надзором различного рода полицейских режимов, обладающих неограниченной властью, которая осуществляется или самолично диктатором, или узкой группой лиц через посредство привилегированной партии и политической полиции. Не наше дело — особенно сейчас, когда у нас самих столько трудностей — насильственно вмешиваться во внутренние дела стран, с которыми мы не воевали и которые не могут быть отнесены к числу побежденных. Но в то же время мы должны неустанно и бескомпромиссно провозглашать великие принципы демократических прав и свобод человека, являющиеся совместным достоянием всех англоязычных народов и нашедшие наиболее яркое выражение в американской Декларации независимости, вместившей в себя традиции таких основополагающих актов, как Великая хартия вольностей, Билль о правах, Хабеас Корпус, положение о суде присяжных и, наконец, английское общее право. [...]

Сегодня на сцену послевоенной жизни, еще совсем недавно сиявшую в ярком свете союзнической победы, легла черная тень. Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру. Я лично восхищаюсь героическим русским народом и с большим уважением отношусь к моему товарищу по военному времени маршалу Сталину. В Британии — как, я не сомневаюсь, и у вас в Америке тоже — с глубокой симпатией и искренним расположением относятся ко всем народам Советской России. Невзирая на многочисленные разногласия с русскими и всяческого рода возникающие в связи с этим проблемы, мы намерены и в дальнейшем укреплять с ними дружеские отношения. Нам понятно желание русских обезопасить свои западные границы и тем самым устранить возможность новой германской агрессии. Мы рады тому, что Россия заняла принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира. Мы рады видеть ее флаг на широких просторах морей. А главное, мы рады, что связи между русским народом и нашими двумя родственными народами по обе стороны Атлантики приобретают все более регулярный и прочный характер. В то же время считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые факты, дающие представление о нынешнем положении в Европе, излагая их перед вами такими, какими их вижу, против чего, мне хочется надеяться, вы не станете возражать.

Протянувшись через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море, на Европу опустился железный занавес. Столицы государств Центральной и Восточной Европы — государств, чья история насчитывает многие и многие века, — оказались по другую сторону занавеса. Варшава и Берлин, Прага и Вена, Будапешт и Белград, Бухарест и София — все эти славные столичные города со всеми жителями и со всем населением окружающих их городов и районов попали, как я бы это назвал, в сферу советского влияния. Влияние это проявляется в разных формах, но уйти от него не может никто. Более того, эти страны подвергаются все более ошутимому контролю, а нередко и прямому давлению со стороны Москвы. Одним лишь Афинам, столице древней и

вечно прекрасной Греции, была предоставлена возможность решать свое будущее на свободных и равных выборах, проводимых под наблюдением Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. Польское правительство, контролируемое Россией и явно поощряемое ею, предпринимает по отношению к Германии чудовищные и большей частью необоснованно жесткие санкции, предусматривающие массовую, неслыханную по масштабам депортацию немцев, миллионами выдворяемых за пределы Польши. Коммунистические партии восточноевропейских государств, никогда не отличавшиеся многочисленностью, приобрели непомерно огромную роль в жизни своих стран, явно не пропорциональную количеству членов партии, а теперь стремятся заполучить и полностью бесконтрольную власть. Правительства во всех этих странах иначе как полицейскими не назовешь, и о существовании подлинной демократии в них, за исключением разве что Чехословакии, говорить, по крайней мере в настоящее время, не приходится. [...]

По нашу сторону железного занавеса, разделившего надвое всю Европу, тоже немало причин для беспокойства. Хотя серьезному росту влияния итальянской коммунистической партии мешает тот факт, что она вынуждена поддерживать притязания коммунистически настроенного маршала Тито на бывшие итальянские территории в районе верхней части Адриатического моря, будущее Италии остается во многом неопределенным. Что касается Франции, то я не могу себе представить, чтобы возрождение Европы стало возможным без воссоздания былого значения этой великой страны. Всю свою жизнь в политике я стоял за сильную Францию и никогда не терял веры в ее особое предназначение, даже в самые трудные для нее времена. Я и теперь не теряю этой веры.

В целом ряде стран по всем миру, хотя они и находятся вдалеке от русских границ, создаются коммунистические пятые колонны, действующие удивительно слаженно и согласованно, в полном соответствии с руководящими указаниями, исходящими из коммунистического центра. Коммунистические партии и их пятые колонны во всех этих странах представляют собой огромную и, увы, растущую угрозу для христианской цивилизации, и исключением являются лишь Соединенные Штаты Америки и Британское

Содружество наций, где коммунистические идеи пока что не получили широкого распространения.

Таковы реальные факты, с которыми мы сталкиваемся сегодня, буквально на второй день после великой победы, добытой нами, совместно с нашими доблестными товарищами по оружию, во имя свободы и демократии во всем мире. Но какими бы удручающими ни казались нам эти факты, было бы в высшей степени неразумно и недальновидно с нашей стороны не считаться с ними и не делать из них надлежащих выводов, пока еще не слишком поздно.

Я даже не допускаю мысли о том, что новая война неизбежна, тем более в ближайшем будущем. Моя уверенность основывается на том, что наши судьбы все еще в наших руках и все еще в нашей власти спасти наше будущее. Именно поэтому я счел своим долгом поделиться с вами сегодня кое-какими своими мыслями и соображениями, воспользовавшись для этого предоставленной мне прекрасной возможностью. Я не верю, что Советская Россия хочет новой войны. Скорее, она хочет, чтобы ей досталось побольше плодов прошлой войны и чтобы она могла бесконечно наращивать свою мощь с одновременной экспансией своей идеологии. Сегодня, пока еще остается время, наша главная задача состоит в предотвращении новой войны и в создании во всех странах необходимых условий для развития свободы и демократии, и решить эту задачу мы должны как можно быстрее. Мы не сможем уйти от трудностей и опасностей, если будем просто закрывать на них глаза. Мы не сможем от них уйти, если будем сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Точно так же мы не сможем от них уйти, если будем проводить политику бесконечных уступок и компромиссов. Нам нужна твердая и разумная политика соглашений и договоров на взаимоприемлемой основе, и чем дольше мы будем с этим медлить, тем больше новых трудностей и опасностей у нас возникнет.

Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами. Мы не можем

и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было помериться с нами силами. Если страны Запада будут едины в своей неуклонной приверженности принципам, заложенным в Устав Организации Объединенных Наций, то они своим примером научат уважать эти принципы и других. Если же они будут разобщены в своих действиях или станут пренебрегать своим долгом и упустят драгоценное время, то нас и в самом деле может ждать катастрофа. [...]

Никто не должен недооценивать силу Великобритании и Британского Содружества наций. Да, сегодня 46 миллионов британцев на нашем острове действительно испытывают трудности с продовольствием, которым в условиях военного времени они могли обеспечивать себя лишь наполовину, и положение пока что не меняется в лучшую сторону; да, восстановление промышленности и возрождение нашей международной торговли после 6 лет изнуряющей войны дается нам нелегко и потребует от нас еще немало усилий, но это вовсе не значит, что мы не сумеем пережить эти темные годы лишений и выдержать выпавшие на нашу долю испытания с той же честью, с какой прошли через годы войны. Не пройдет и полвека, как 70 или 80 миллионов британцев, проживающих как на нашем маленьком острове, так и по всему широкому свету, — что не мешает им быть едиными в своей приверженности давним британским традициям, британскому образу жизни и делу сохранения мира между народами, — будут жить в мире и счастье, пользуясь всеми благами цивилизации. Если народы Великобритании и Британского Содружества наций объединят свои усилия с народом Соединенных Штатов Америки на основе тесного сотрудничества во всех областях и сферах — и в воздухе, и на море, и в науке, и в технологии, и в культуре, — то мир забудет о том неспокойном времени, когда пресловутое, но столь неустойчивое равновесие сил могло спровоцировать некоторые страны на проведение политики непомерных амбиций и авантюризма, и человечество наконец-то сможет жить в условиях полной и гарантированной безопасности. Если мы будем твердо придерживаться принципов, предусмотренных Уставом Организации Объединенных Наций, и идти вперед со спокойной и трезвой уверенностью в своей силе, но не домогаясь при этом чужих территорий или богатств и не стремясь устано-

вить тотальный контроль над мыслями наших граждан; если моральные и материальные силы британцев и их приверженность высоким идеалам будут объединены с вашими в братском союзе наших стран и народов, то перед нами откроется широкая дорога в будущее — и не только перед нами, но и перед всем человечеством, и не только на протяжении жизни одного поколения, но и на многие века вперед¹. [...]

¹ Источник: Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2006. С. 462—493.

Закон о порабощенных нациях¹

«Так как величие Соединенных Штатов в большой степени объясняется тем, что они сумели демократическим путем осуществить гармоничное национальное единство своего народа, несмотря на крайнее разнообразие его расового, религиозного и этнического происхождения, и

Так как это гармоничное объединение разнообразных элементов нашего свободного общества привело народ Соединенных Штатов к сочувственному пониманию народных чаяний повсюду и к признанию естественной взаимозависимости между народами и нациями мира, и

Так как порабощение значительной части населения мира коммунистическим империализмом превращает идею мирного существования наций в насмешку и наносит ущерб естественным связям и взаимопониманию народа Соединенных Штатов с другими народами, и

Так как, начиная с 1918 года, империалистическая и агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собою зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира, и

Так как империалистическая политика коммунистической России привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Ки-

¹ Закон о порабощенных нациях (народах) был принят в 1959 году после того, как президент Дуайт Эйзенхауэр придал этот статус резолюции Конгресса США (автор проекта — Лев Добрянски), объявившей официальными ежегодные «Недели порабощенных наций». Согласно этому закону, президент США получал право объявлять «Неделю порабощенных народов» (третья неделя июля) до тех пор, пока все они не обретут свободу и независимость. Конгресс отнес к народам, утратившим национальную независимость вследствие «империалистической политики, прямой и косвенной агрессии коммунистической России», народы Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии (White Ruthenia), Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Казакии (Cossackia), Туркестана, Северного Вьетнама и др. Сегодня в перечне наций, ожидающих освобождения от «тоталитарных» и «деспотических» режимов, находятся Беларусь, Мьянма, Куба, Иран, Северная Корея, Судан, Сирия и Зимбабве.

тая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Казакии, Туркестана, Северного Вьетнама и других, и

Так как эти порабощенные нации, видя в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы, ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости и в деле восстановления религиозных свобод христианского, иудейского, мусульманского, буддистского и других вероисповеданий, а также личных свобод, и

Так как для национальной безопасности Соединенных Штатов жизненно необходима непоколебимая поддержка стремлению к свободе и независимости, проявляемому народами этих покоренных наций, и

Так как стремление к свободе и независимости подавляющего большинства народов этих порабощенных наций являет собою сильнейшую преграду войне и одну из лучших надежд на осуществление справедливого и прочного мира, и

Так как именно нам следует надлежащим официальным образом ясно показать таким народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость. То отныне да будет:

Постановлено Сенатом и Палатой Представителей Соединенных Штатов Америки, в Конгрессе собранных. Что: Президент Соединенных Штатов уполномочивается и его просят обнародовать прокламацию, объявляющую третью неделю июля 1959 года «Неделей порабощенных наций» и призывающую народ Соединенных Штатов отметить эту неделю церемониями и выступлениями. Президента далее уполномочивают и просят обнародовать подобную же прокламацию ежегодно, пока не будет достигнута свобода и независимость для всех порабощенных наций мира¹.

Одобрено 17 июля 1959 г. Президентом Д.Д. Эйзенхауэром

¹ Источник: Public Law 86—90: Captive Nations Week Resolution // Congressional Record. Vol. 105. Proceedings and debates of the 86th Congress. June 18, 1959 to June 30, 1959. Washington, Gov. Pr. Off. 1959, p. 11398—11399.

Русский перевод взят из сборника: Радио «Свобода» в борьбе за мир.../ Сост. М.В. Назаров. Москва—Мюнхен, 1992.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе¹ (выдержки)

Хельсинки, 1 августа 1975 года

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, начавшееся в Хельсинки 3 июля 1973 года и продолжавшееся в Женеве с 18 сентября 1973 года по 21 июля 1975 года, было завершено в Хельсинки 1 августа 1975 года Высокими Представителями Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Федеративной Республики Германии, Греции, Дании, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канады, Кипра, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Сан-Марино, Святейшего Престола, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Югославии. [...]

Вопросы, относящиеся к безопасности в Европе

Государства — участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе,

Подтверждая свою цель содействия улучшению отношений между ними и обеспечения условий, в которых их народы могут жить в условиях подлинного и прочного мира, будучи ограждены от любой угрозы или покушения на их безопасность;

Убежденные в необходимости прилагать усилия к тому, чтобы делать разрядку как непрерывным, так и все более жизнеспособным и всесторонним процессом, всеобщим по охвату, и в том, что претворе-

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (также известный как Хельсинкский заключительный акт) — документ, подписанный главами 35 государств 30 июля — 1 августа 1975 года. Важнейшим итогом Совещания наряду с принятием принципов взаимоотношений государств-участников, согласованием мер укрепления доверия и сотрудничества стало закрепление политических и территориальных итогов Второй мировой войны. До подписания Заключительного акта ФРГ не признавала Потсдамские соглашения, изменившие границы Польши и Германии, наличие ГДР. Фактически ФРГ даже не признавала включение Калининграда и Клайпеды в состав СССР.

ние в жизнь результатов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе будет одним из крупнейших вкладов в этот процесс;

Считая, что солидарность между народами, как и общность стремления государств-участников к достижению целей, как они выдвинуты Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, должны вести к развитию лучших и более тесных отношений между ними во всех областях и, таким образом, к преодолению противостояния, проистекающего из характера их отношений в прошлом, и к лучшему взаимопониманию;

Памятуя о своей общей истории и признавая, что существование общих элементов в их традициях и ценностях может помогать им в развитии их отношений, и исполненные желания изыскивать, полностью принимая во внимание своеобразие и разнообразие их позиций и взглядов, возможности объединять их усилия с тем, чтобы преодолевать недоверие и укреплять доверие, разрешать проблемы, которые их разделяют, и сотрудничать в интересах человечества;

Признавая неделимость безопасности в Европе, как и свою общую заинтересованность в развитии сотрудничества во всей Европе и между собой, и выражая свое намерение предпринимать соответственно усилия;

Признавая тесную связь между миром и безопасностью в Европе и в мире в целом и сознавая необходимость для каждого из них внести свой вклад в укрепление международного мира и безопасности и в содействие основным правам, экономическому и социальному прогрессу и благополучию всех народов;

Приняли следующее.

а) Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях

Государства-участники,

Подтверждая свою приверженность миру, безопасности и справедливости и процессу развития дружественных отношений и сотрудничества;

Признавая, что эта приверженность, отражающая интересы и чаяния народов, воплощает для каждого государства-участника от-

ветственность сейчас и в будущем, повысившуюся в результате опыта прошлого;

Подтверждая, в соответствии с их членством в Организации Объединенных Наций и в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций, свою полную и активную поддержку Организации Объединенных Наций и повышению ее роли и эффективности в укреплении международного мира, безопасности и справедливости и в содействии решению международных проблем, как и развитию дружественных отношений и сотрудничества между государствами;

Выражая свою общую приверженность принципам, которые изложены ниже и которые находятся в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а также свою общую волю действовать, в применении этих принципов, в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций;

Заявляют о своей решимости уважать и применять в отношении каждого из них со всеми другими государствами-участниками, независимо от их политических, экономических и социальных систем, а также их размера, географического положения и уровня экономического развития, следующие принципы, которые все имеют первостепенную важность и которыми они будут руководствоваться во взаимных отношениях:

I. Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету

Государства-участники будут уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость. Они будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила.

В рамках международного права все государства-участники имеют равные права и обязанности. Они будут уважать право

друг друга определять и осуществлять по своему усмотрению их отношения с другими государствами согласно международному праву и в духе настоящей Декларации. Они считают, что их границы могут изменяться в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности. Они имеют также право принадлежать или не принадлежать к международным организациям, быть или не быть участником двусторонних или многосторонних договоров, включая право быть или не быть участником союзных договоров; они также имеют право на нейтралитет.

II. Неприменение силы или угрозы силой

Государства-участники будут воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях, от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с настоящей Декларацией. Никакие соображения не могут использоваться для того, чтобы обосновывать обращение к угрозе силой или к ее применению в нарушение этого принципа.

Соответственно, государства-участники будут воздерживаться от любых действий, представляющих собой угрозу силой или прямое или косвенное применение силы против другого государства-участника.

Равным образом, они будут воздерживаться от всех проявлений силы с целью принуждения другого государства-участника к отказу от полного осуществления его суверенных прав. Равным образом, они будут также воздерживаться в их взаимных отношениях об любых актах репрессалий с помощью силы.

Никакое такое применение силы или угрозы силой не будет использоваться как средство урегулирования споров или вопросов, которые могут вызвать споры между ними.

III. Нерушимость границ

Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе, и поэтому они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы.

Они будут, соответственно, воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника.

IV. Территориальная целостность государств

Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников.

В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой.

Государства-участники будут, равным образом, воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной.

V. Мирное урегулирование споров

Государства-участники будут разрешать споры между ними мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость.

Они будут добросовестно и в духе сотрудничества прилагать усилия к тому, чтобы в короткий срок прийти к справедливому решению, основанному на международном праве.

В этих целях они будут использовать такие средства, как переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство или иные мирные средства по их собственному выбору, включая любую процедуру урегулирования, согласованную до возникновения споров, в которых они были бы сторонами.

В случае, если стороны в споре не достигнут разрешения спора путем одного из вышеупомянутых мирных средств, они будут продолжать искать взаимно согласованные пути мирного урегулирования спора.

Государства-участники, являющиеся сторонами в споре между ними, как и другие государства-участники, будут воздерживаться от любых действий, которые могут ухудшить положение в такой степени, что будет поставлено под угрозу поддержание международного мира и безопасности, и тем самым сделать мирное урегулирование спора более трудным.

VI. Невмешательство во внутренние дела

Государства-участники будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений.

Они будут, соответственно, воздерживаться от любой формы вооруженного вмешательства или угрозы такого вмешательства против другого государства-участника.

Они будут точно так же при всех обстоятельствах воздерживаться от любого другого акта военного или политического, экономического или другого принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление другим государством-участником прав, присущих его суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода.

Соответственно, они будут, в том числе, воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической дея-

тельности или подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника.

VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений

Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести.

Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области.

Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между ними, как и между всеми государствами.

Они будут постоянно уважать эти права и свободы в своих взаимных отношениях и будут прилагать усилия, совместно и самостоятельно, включая в сотрудничестве с Организацией Объеди-

ненных Наций, в целях содействия всеобщему и эффективному уважению их.

Они подтверждают право лиц знать свои права и обязанности в этой области и поступать в соответствии с ними.

В области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларацией прав человека. Они будут также выполнять свои обязанности, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области, включая в том числе Международные пакты о правах человека, если они ими связаны.

VIII. Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой

Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств.

Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие.

Государства-участники подтверждают всеобщее значение уважения и эффективного осуществления равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой для развития дружественных отношений между ними, как и между всеми государствами; они напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа.

IX. Сотрудничество между государствами

Государства-участники будут развивать свое сотрудничество друг с другом, как и со всеми государствами, во всех областях в

соответствии с целями и принципами Устава ООН . Развивая свое сотрудничество, государства-участники будут придавать особое значение областям, как они определены в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, причем каждый из них будет вносить свой вклад в условиях полного равенства.

Они будут стремиться, развивая свое сотрудничество как равные, содействовать взаимопониманию и доверию, дружественным и добрососедским отношениям между собой, международному миру, безопасности и справедливости. Они будут, равным образом, стремиться, развивая свое сотрудничество, повышать благосостояние народов и способствовать претворению в жизнь их чаяний, используя, в частности, выгоды, вытекающие из расширяющегося взаимного ознакомления и из прогресса и достижений в экономической, научной, технической, социальной, культурной и гуманитарной областях. Они будут предпринимать шаги по содействию условиям, благоприятствующим тому, чтобы делать эти выгоды доступными для всех; они будут учитывать интересы всех в сокращении различий в уровнях экономического развития и, в частности, интересы развивающихся стран во всем мире.

Они подтверждают, что правительства, учреждения, организации и люди могут играть соответствующую и положительную роль в содействии достижению этих целей их сотрудничества.

Они будут стремиться, расширяя свое сотрудничество, как это определено выше, развивать более тесные отношения между собой на лучшей и более прочной основе на благо народов.

Х. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву

Государства-участники будут добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву, как те обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, так и те обязательства, которые вытекают из соответствующих международному праву договоров или других соглашений, участниками которых они являются.

При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, они будут соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву; они будут, кроме того, учитывать должным образом и выполнять положения Заключительного акта Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Государства-участники подтверждают, что в том случае, когда обязательства членом Организации Объединенных Наций по Уставу Организации Объединенных Наций окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо договору или другому международному соглашению, преимущественную силу имеют их обязательства по Уставу, в соответствии со статьей 103 Устава ООН.

Все принципы, изложенные выше, имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других.

Государства-участники выражают свою решимость полностью уважать и применять эти принципы, как они изложены в настоящей Декларации, во всех аспектах к их взаимным отношениям и сотрудничеству с тем, чтобы обеспечить каждому государству-участнику преимущества, вытекающие из уважения и применения этих принципов всеми.

Государства-участники, учитывая должным образом изложенные выше принципы и, в частности, первую фразу десятого принципа, «Добросовестное выполнение обязательств по международному праву», отмечают, что настоящая Декларация не затрагивает их прав и обязательств, как и соответствующих договоров и других соглашений и договоренностей.

Государства-участники выражают убеждение в том, что уважение этих принципов будет способствовать развитию нормальных и дружественных отношений и прогрессу сотрудничества между ними во всех областях. Они также выражают убеждение

в том, что уважение этих принципов будет способствовать развитию политических контактов между ними, которые, в свою очередь, будут содействовать лучшему взаимному пониманию их позиций и взглядов.

Государства-участники заявляют о своем намерении осуществлять свои отношения со всеми другими государствами в духе принципов, изложенных в настоящей Декларации¹. [...]

¹ Источник: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М.: 1977. С. 544—589.

Эрнст Нольте¹. Фашизм в его эпохе

(выдержки)

То, что любое историческое явление может быть понято лишь в связи со своей эпохой,— азбучная истина. Вопрос в другом: какова эта эпоха и в каком отношении с ней находится данное явление: оно может просто быть следствием эпохи, может стать для нее характерным и может, наконец, ее определять. По проблеме фашизма высказывались разноречивые мнения.

Через два года после «похода на Рим» вышла немецкая работа, в которой было обещано рассмотреть «фашистский эпизод в Италии». Еще в течение нескольких лет большая часть европейской политической интеллигенции считала фашизм преходящим явлением, поскольку самой Германии никогда не был присущ «дух времени». [...]

Когда война завершилась поражением фашизма, вопрос все еще оставался нерешенным. Даже в наши дни его можно ставить как научный вопрос, лишь отдавая себе отчет в том, что старые и известные трудности сочетаются в этой проблеме с совершенно новыми и неожиданными каверзами. [...]

В сталинской России немецким эмигрантам пришлось ощутить совсем не малые признаки фашизма. Что осталось от духа Ленина и Розы Люксембург, когда почти все вокруг было пронизано «милитаризмом и национализмом, культом героев и византийством», тогда как мировая революция и международное

¹ Эрнст Нольте — немецкий историк, родился 11 января 1932 года в городе Виттен, почетный профессор Свободного берлинского университета, где преподавал с 1973 по 1991 год. До этого работал профессором в Марбургском университете. Основное внимание в своей научной работе Нольте уделяет изучению фашизма и коммунизма. В конце 1980-х годов принял активное участие в так называемом «споре историков», который начался после публикации его статьи в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» под названием «Прошлое, которое не проходит». В своих работах Нольте пытается релятивировать преступления нацизма, ставя их в один ряд с преступлениями коммунистических режимов. Пройдя через общественную дискуссию и «спор» историков, тезисы Нольте ужались до формулы «Гитлер и Сталин — равное зло», что и послужило идейной основой кампании по пересмотру итогов и смысла Второй мировой войны в ряде стран Восточной Европы.

рабочее движение едва упоминались? Как можно было соединить несоразмерно дифференцированную оплату труда, реакционное семейное законодательство, возвращение к традиции Петра Великого с целями Октябрьской революции? Разве процессы против старых соратников Ленина не были началом самого жестокого на свете преследования коммунистов и разве правительство не поощряло негласным образом антисемитизм? Изучение истории Советского Союза свидетельствует, впрочем, что начало этого процесса восходит к ленинским временам. Уже Ленин подавлял партийную критику, насаждал иерархическое подчинение вместо спонтанной активности местных организаций, применял полицию против недовольных рабочих. Был ли Сталин в самом деле узурпатором или исполнителем завещания Ленина? Был ли сталинизм лишь жесткой оболочкой, стеснявшей первоначальное ядро партии, чтобы защитить его от нависшей угрозы, или это был переход к другому, принципиально противоположному и стабильному порядку? В наши дни наблюдается склонность избегать решительного ответа на эти вопросы, что позволяет сохранить существенное различие между сталинизмом и фашизмом. Но заслуживает внимания тезис Франца Боркенау: с 1929 г. Россия «вошла в ряды тоталитарных, фашистских государств». Во всяком случае, можно с некоторой уверенностью полагать, что с момента столкновения Сталина и Бухарина вопрос об отношении к фашизму определял все аспекты советской политики в большей степени, чем какой-либо другой. [...]

Фашизм есть антимарксизм, стремящийся уничтожить противника путем разработки радикально противоположной и все же сходной идеологии и путем применения почти тождественных, но характерным образом видоизмененных методов, действующих всегда в замкнутых рамках национального самоопределения и автономий.

Из этого определения сущности фашизма вытекает следующее: без марксизма не существует фашизма; фашизм не только дальше от коммунизма, но и ближе к нему, чем либеральный антикоммунизм: он неизбежно проявляет по крайней мере тенденцию к радикальной идеологии; о фашизме вообще нельзя говорить, если нет хотя бы зачатков организации и пропаганды, сравнимых с «марксистскими». [...]

Гитлер вышел из грязи и стал господином Европы. Несомненно, он очень многому научился. В зыбком наружном слое его существа он умел быть всем для всех: с государственными людьми — государственным человеком, с генералами — главнокомандующим, с женщинами — очаровательным собеседником, а народу он был отцом. Но в жестком мономаниакальном ядре его характера от Вены до Растенбурга ничто не изменилось.

Между тем если бы народ знал, что он носился с намерением запретить после войны курение и сделать будущий мир вегетарианским, то, пожалуй, взбунтовались бы даже эсэсовцы. В каждом народе есть тысячи мономаниакальных и инфантильных личностей, но они лишь изредка играют какую-нибудь роль вне окружения себе подобных. Обе указанные черты вовсе не объясняют, как Гитлер мог прийти к власти¹. [...]

Эрнст Нольте о советско-германском договоре о ненападении

«Нет ни малейшего сомнения в том, что означало заключение этого пакта: Советский Союз открыл Германии путь к войне против Польши — это был пакт войны. Одновременно эта война должна была привести к разделению Восточной Европы на сферы влияния. Это был пакт разделения. Это разделение не ограничивалось — по крайней мере что касается Польши — установлением зон влияния, так как в нем предусматривалось уничтожение государственности этой страны: это был пакт уничтожения. Это пакт войны, разделения и уничтожения, и как таковой он не имеет аналога в истории 19-го и 20-го веков. Две страны, заключившие этот договор, должны были быть государствами совершенно особого типа»².

¹ Источник: *Эрнст Нольте. Фашизм в его эпохе.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 11—304.

² Источник: *Nolte Ernst. Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalismus und Bolschewismus.* Berlin: Propyläen, 1987, S. 311 / Пер. с нем. С.Н. Дрожжина.

Декларация Сейма Латвии о латышских легионерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 года

В 1998 году в мировых СМИ, [в заявлениях] для иностранных правительств, а также международных организаций распространилась оскорбительная информация о том, что латышские легионеры, которые в ходе Второй мировой войны боролись в составе германских вооруженных сил против СССР, были пособниками гитлеровского режима.

В целях защиты исторической справедливости и доброй памяти латышских воинов заявляем:

В тридцатые годы XX века в Европе сформировалось два больших тоталитарных террористических государства. Реализация агрессивных целей этих государств началась с подписания так называемого пакта Молотова — Риббентропа, в результате которого была ликвидирована государственная независимость Латвийской Республики и ее попеременно оккупировали как СССР, так и Германия.

Оккупационные режимы допускали многократные нарушения норм международного права и прав человека и даже военные преступления против народа Латвии.

Обе оккупационные власти нарушали IV Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны от 1907 года, которая запрещает мобилизацию жителей в армию государства-оккупанта или призыв на полувоенные работы (ст. 52 конвенции). Обе оккупационные власти призывали граждан оккупированной Латвии в свои вооруженные силы и включали в различные полувоенные формирования. За уклонение грозило заключение в концентрационные лагеря или смертная казнь. В результате гражданам Латвии во время Второй мировой войны приходилось воевать друг против друга.

Принудительное нахождение в рядах вооруженных сил СССР не считается поддержкой кровавого сталинского режима, тогда как

принудительное нахождение в рядах латышских легионеров, которые воевали в составе вооруженных сил Германии, некоторые политические демагоги сейчас трактуют как поддержку германского фашистского режима, хотя включение Латышского легиона в состав Ваффен СС ни в коей мере не зависело от граждан Латвии.

Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в Латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940—1941 годах осуществлял в Латвии геноцид. Сотни человек были расстреляны без приговора суда, десятки тысяч депортированы в отдаленные районы СССР. Германия также в это время допускала военные преступления и геноцид в Латвии, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому некоторые граждане Латвии считали, что, вступая в легион, они защитят себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР, которые позднее действительно последовали.

Целью призванных и добровольно вступивших в легион военных была защита Латвии от восстановления сталинского режима. Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения. Латышский легион, так же как и финская армия, воевал не против антигитлеровской коалиции, а только против одной из стран-участниц — СССР, которая в отношении Финляндии и Латвии была агрессором. Когда верховное командование германских вооруженных сил пыталось послать легионеров в бой против вооруженных сил США, Великобритании и Франции, то все офицеры и солдаты легиона от этого категорически отказались. Поэтому западные союзники — США, Великобритания и Франция — уже в 1946 году выяснили вопрос Латышского и Эстонского легионов и присвоили легионерам статус политических беженцев. Представительство США в 1950 году повторно декларировало: «Балтийские подразделения Ваффен СС (Балтийские легионы) по своим целям, идеологии, деятельности и квалификации военнослужащих рассматриваются как особые, отличные от немецких СС подразделения».

Права Латвии как оккупированного государства в отношении нарушений норм международного права, допущенных государства-

ми-оккупантами на ее территории, обеспечиваются упомянутой Гаагской конвенцией, которая предусматривает: «Воюющая сторона, которая нарушила эти правила, должна выплатить компенсацию».

Поэтому обязанностью правительства Латвии является:

потребовать от государств-оккупантов и их правопреемников, чтобы они в соответствии с нормами международного права выплатили гражданам Латвии, членам их семей и наследникам компенсации за потери, возникшие у них в связи с противоправной мобилизацией в армии государств-оккупантов;

заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за ее пределами¹.

Председатель Сейма А. Чепанис

¹ Источник: Латвийский интернет-сайт, посвященный вопросам политики.

URL: <http://www.politika.lv/index.php?id=112805&lang=lv>

Пер. с латыш. В.В. Симиңдей.

Декларация Президента Латвийской Республики Вайры Вике-Фрейберги в связи с 9 мая 2005 года

Рига, 12 января 2005 года

9 мая 2005 года Латвия вместе с другими 24 европейскими демократическими странами будет праздновать День Европы. Мы будем отмечать 55-ю годовщину подписания Декларации Шумана, целью которой было установление прочного мира в разрушенной войной Западной Европе и которая позволила проложить дорогу к формированию нынешнего Европейского союза.

8 мая Европа также будет отмечать 60-ю годовщину окончания Второй мировой войны. Этот беспрецедентный по своему варварству и жестокости конфликт привел к наибольшему числу жертв в истории человечества. Окончание войны имело один безусловно положительный результат. Оно привело к падению нацистского режима в Германии, которая оккупировала и подчинила себе более десятка европейских стран и несла ответственность за убийства миллионов невинных мирных жителей во всей Европе. В моей родной стране — Латвии — немецкие нацисты и их местные пособники совершили наиболее гнусные и массовые преступления против человечности из всех, которые когда-либо совершались на латвийской земле. Они уничтожили более 90 % довоенной еврейской общины Латвии, а также десятки тысяч евреев, которые были привезены в Латвию из других концов Европы. Бесстыдно нарушив Гаагскую конвенцию о правилах ведения военных действий, нацисты призвали десятки тысяч латышей в ряды своей армии в качестве «пущечного мяса».

Латвия вместе с остальными странами Европы приветствует поражение нацистской Германии и её фашистского режима. Однако, в отличие от Западной Европы, падение ненавистной империи нацистской Германии не привело к освобождению моей родины. Вместо этого три балтийских государства — Латвия, Эстония и Литва — подверглись жестокой оккупации со стороны другой тоталитарной империи, Советского Союза.

В течение пяти долгих десятилетий Латвия, Эстония и Литва были стерты с карты Европы. В период правления советского режима три балтийские страны пережили массовые депортации и убийства, утрату своей свободы и наплыв миллионов русскоговорящих переселенцев.

9 мая европейские лидеры встретятся в Москве. Это тот день, когда в России традиционно отдают дань уважения миллионам русских, погибших во Второй мировой войне, и празднуют давшуюся дорогой ценой победу над нацистской Германией.

Как президент страны, сильно пострадавшей от советской власти, я обязана напомнить миру о том, что самый жестокий в истории человечества конфликт мог бы не произойти, если бы два тоталитарных режима — нацистская Германия и Советский Союз — не договорились бы тайно разделить между собой территории Восточной Европы. Я имею в виду позорное соглашение, 23 августа 1939 года подписанное министрами иностранных дел Советского Союза и нацистской Германии В. Молотовым и И. Риббентропом. Секретные протоколы к этому позорному пакту привели к тому, что через полторы недели Гитлер вторгся в Польшу и развязал Вторую мировую войну. С полного согласия Гитлера Советский Союз затем оккупировал восточную часть Польши, а позднее в том же году напал на Финляндию. В июне 1940 года Советский Союз вторгся и оккупировал Латвию, Эстонию и Литву. Гитлер и Сталин заранее договорились об этих нападениях и оккупациях.

Именно эти два диктатора несут основную вину за огромные человеческие жертвы и страдания, которые принесла последовавшая затем война. Вспоминая тех, кто погиб во время Второй мировой войны, мы не должны забывать преступления против человечности, совершенные Гитлером и Сталиным. Мы не можем не называть этих двух диктаторов по именам, иначе мир забудет об ответственности, которую они несут за развязывание войны.

Для Латвии Вторая мировая война завершилась лишь спустя несколько десятилетий — 4 мая 1990 года. В этот день парламент моей страны принял Декларацию о независимости от Советского Союза. В мае этого года латыши будут праздновать 15-ю годовщину принятия этой исторической декларации.

1 мая Латвия будет отмечать годовщину вступления в Европейский союз. В действительности именно эта дата означает окончание Второй мировой войны для моей страны. Она означает

ликвидацию искусственно навязанных сфер влияния, а также возвращение моей страны в расширенную семью свободных и демократических стран Европы.

Являясь полноправным членом Европейского союза и НАТО, Латвия гордится тем, что имеет возможность принимать участие в формировании новой и лучшей Европы. Это — привилегия, которой моя страна была лишена в течение десятилетий. По этой причине я как президент своей страны приняла решение участвовать в переговорах лидеров Европы, которые пройдут в Москве 9 мая. Таким образом, я продемонстрирую стремление Латвии принимать участие во всех важных встречах, имеющих отношение как к истории, так и к будущему нашего континента.

Отмечая День Европы, я буду праздновать падение фашизма и восстановление свободы и демократии в Западной Европе. Я буду праздновать рождение организации, известной сейчас как Европейский союз, и радоваться тому, что Латвия является членом этой значительной международной организации. Я отдам дань памяти тем, кто потерял жизнь во Второй мировой войне. Но я также с чувством глубокой скорби вспомню повторную советскую оккупацию моей страны, огромные человеческие жертвы и страдания, которые она принесла не только Латвии, но и другим поработленным странам Центральной и Восточной Европы.

Посетив официальные мероприятия в Москве, я протяну России руку дружбы. Латвия призывает Россию продемонстрировать такую же степень примирения с Латвией, Эстонией, Литвой и осудить преступления Второй мировой войны, независимо от того, кто их совершил. Лидерам всех демократических стран следует побудить Россию выразить сожаление по поводу послевоенного порабощения Центральной и Восточной Европы, ставшего прямым следствием заключения пакта Молотова — Риббентропа. Таким образом, Россия последовала бы тем же путем, который избрали ее западные соседи — путем свободы, демократии, власти закона и соблюдения прав человека¹.

¹ Источник: официальный сайт МИД Латвии.

URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/information/deklaracija/>

Декларация об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик

Сазайма Латвийской Республики напоминает об обращении, изложенном в Декларации от 22 августа 1996 года об оккупации Латвии, и,

считая, что с присоединением Латвии к целям и принципам, выдвинутым в Конституции Европейского союза, для Европейского союза существенным является понятие горький опыт Латвии и полностью осознать историю нашей страны как неотъемлемую составную часть истории всей объединенной Европы,

ссылаясь на Мирный договор 1920 года, заключенный между Латвийской Республикой и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой,

ссылаясь на заключенный между Латвией и Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) договор 1932 года о ненападении и урегулировании конфликта мирным путем,

ссылаясь на Конвенцию 1933 года об определении агрессии, в которой установлен запрет прямо или косвенно использовать силу, к которому при ратификации данной конвенции присоединились как Латвийская Республика, так и СССР,

подчеркивая, что с ратификацией упомянутых многосторонних и двусторонних договоров Латвийская Республика и СССР на международном уровне обязались соблюдать суверенитет друг друга, а также не использовать войну или угрозу войны в двусторонних отношениях,

напоминая о секретных дополнительных протоколах Договора 1939 года о ненападении, которые были заключены между Германией и СССР и которые вопреки нормам международного права того времени и обязательствам СССР в отношении Латвии разделили Восточную Европу на «сферы влияния» этих двух стран,

напоминая, что после подписания данного договора и секретных дополнительных протоколов к нему, СССР оккупировал и аннексировал Латвийскую Республику, разрушил ее государственное устройство, убивал, пытал и депортировал сотни тысяч ее

жителей, противоправно отнял их собственность и осуществил принудительную коллективизацию, преследовал людей из-за их политических взглядов, религиозных убеждений и национальной принадлежности, пытался разрушить и русифицировать национальную культуру Латвии, направив в Латвию сотни тысяч жителей СССР,

подчеркивая, что секретные дополнительные протоколы упомянутого Договора о ненападении между СССР и Германией в 1939 году на международном уровне осудили как Германия, так и СССР, одновременно признавая, что данные протоколы заключены с нарушением принципов международного права того времени и с вмешательством в суверенные и независимые права многих других стран,

отмечая, что Российская Федерация не производила никаких действий, чтобы устранить последствия оккупации и, таким образом, продемонстрировать свое осуждающее отношение не только к заключению этих противоправных протоколов, но и к вызванным ими разрушительным последствиям,

основываясь на Декларации Верховного совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 года о восстановлении независимости Латвийской Республики, в которой уже провозглашено, что военная агрессия СССР 17 июня 1940 года против Латвии классифицируется как международное преступление,

считая, что преступления тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР в Латвии являются частью совершенных тоталитарными режимами 20-го века бесчеловечных преступлений, которые не имеют и не могут иметь срок давности,

отмечая то, что преступления национал-социалистического режима Германии расследованы и на международном уровне осуждены, виновные лица привлечены к ответственности, тогда как схожие преступления тоталитарного коммунистического режима СССР не расследованы и не получили международного осуждения, но, не расследуя эти преступления, не осуждая виновных, а также не ликвидируя последствия данных преступлений, поддерживается уверенность в допустимости тоталитарного коммунистического режима и в том, что осуществлявшие эту идеологию могут безнаказанно совершать преступления против человечества и оставлять себе полученное в результате преступных деяний,

подчеркивая желание Латвии создавать и поддерживать хорошие добрососедские отношения с Россией,

указывая, что подлинное и устойчивое примирение между странами возможно только тогда, если совершенные в прошлом международные преступления признаются, оцениваются и осуждаются, и соответствующая страна, согласно принципам международного права, принимает на себя ответственность за нарушение международного права, которое она совершила,

осознавая, что прийти к такому признанию политически и морально сложно, и поэтому с уважением признавая тяжелую, длительную и основательную работу со времени Второй мировой войны германского государства и немецкого народа по оценке своего прошлого, без которой интеграция Европы в такой мере, как сейчас, никогда не была бы возможна,

выражая надежду, что Россия будет продолжать движение к подлинно демократическому государственному устройству, неотъемлемой составной частью которого является правдивое познание истории,

а также считая, что осуждающее отношение Европейского союза, в особенности Европейского Парламента, и стран-участниц Европейского союза к преступлениям тоталитарного коммунистического режима СССР во всем мире, особенно в Восточной Европе, усилило бы демократическое сознание во всей Европе, а также содействовало бы тому, чтобы Россия выслушала и удовлетворила требование Латвии возместить причиненные ей убытки,

отмечая, что международное осуждение тоталитарного коммунистического, оккупационного режима СССР и совершенных в его рамках преступлений против человечества не исключает индивидуальную уголовную ответственность совершивших данные преступления,

подтверждает свои стремления восстановить историческую правду и внести вклад в приумножение международной стабильности, так как уверена, что политические режимы, которые опираются на экстремистскую идеологию, будут угрожать миру и безопасности в мире, а также развитию прав и свобод человека до тех пор, пока уголовная сущность этих режимов не будет полностью раскрыта и осуждена.

Сэйма Латвийской Республики декларирует:

Латвийское государство осуждает осуществлявшийся в Латвии тоталитарный коммунистический оккупационный режим СССР;

Латвийское государство также осуждает действия всех тех лиц, которые участвовали в осуществлении преступлений этого режима;

Латвийское государство признает и чтит участников движения национального сопротивления как борцов за свободу Латвии;

Сэйма Латвийской Республики обязуется отменить ограничения доступа к документам, которые могут подтвердить преступления, совершенные тоталитарным коммунистическим режимом СССР и его репрессивными органами.

Сэйма Латвийской Республики поручает Кабинету министров:

в течение трех месяцев создать комиссию специалистов, которая установила бы число жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР, места массовых захоронений; обобщила бы всю информацию о репрессиях, массовых депортациях и подсчитала бы убытки, которые этот режим причинил Латвийскому государству и его жителям;

заключить между Латвийской Республикой и Российской Федерацией специальное соглашение, которое бы установило взаимные обязательства по погашению материальных расходов, а также оказанию помощи переселенцам и их семьям, переселяющимся на свою историческую или этническую родину;

по-прежнему поддерживать требования к Российской Федерации о возмещении убытков, причиненных в результате оккупации Латвийскому государству и его жителям, и возвращении Латвийской Республике всех вывезенных из Латвии архивных материалов (также архивных материалов Комитета государственной безопасности Латвийской ССР);

обеспечить, чтобы дипломатические представительства Латвийской Республики ознакомили с данной декларацией зарубежные государства,

Сэйма Латвийской Республики призывает Российскую Федерацию:

демократическим путем оценить произошедшее и признать хорошо известные всему миру исторические факты в отношении

оккупации Латвии и убытки, причиненные Латвийскому государству и его жителям;

признать общеизвестный факт, что СССР оккупировал Латвию, соблюдать вытекающие из данного факта правовые и политические последствия и опираться на все еще действующий в соответствии с нормами международного права мирный договор от 11 августа 1920 года, заключенный между Латвией и Россией, по которому Россия на вечные времена отказалась от претензий к Латвии;

продолжить репатриацию военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации и членов их семей в соответствии с международными договорами, заключенными Латвией и Россией;

признать, что Российская Федерация как правовая и политическая наследница СССР несет моральную, правовую и финансовую ответственность за совершенные в Латвии преступления против человечества и убытки, которые причинены Латвийскому государству и его жителям во время оккупации, и

выполнить свою обязанность — в соответствии с основными принципами международного права возместить Латвийскому государству и его жителям убытки, возникшие в результате противоправных действий;

выполнить обещания, которые Российская Федерация дала Совету Европы, особенно обещание о возврате вывезенных архивов и другой собственности Латвийской Республики.

Сэйма Латвийской Республики призывает Совет Европы и парламенты и правительства стран Европы:

в своей политике и правоотношениях последовательно учитывать справедливые политические и правовые требования Латвии, которые вытекают как из факта оккупации Латвии и его последствий, так и из принципов международного права;

помочь Латвии ликвидировать последствия оккупации, оказывая ей политическую поддержку.

Сэйма Латвийской Республики, напоминая о резолюции 1983 года о ситуации в Латвии, Эстонии и Литве, призывает Европейский Парламент:

осуществляя политику содействия демократическому осознанию, неотъемлемой составной частью которой также явля-

ется оценка и осуждение всех тоталитарных режимов и их преступлений,

создать международную комиссию для оценки преступлений тоталитарного коммунистического режима СССР;

поддержать создание международного научного института, который занимался бы исследованием, обобщением и информированием международного сообщества об исторических и юридических аспектах тоталитарного коммунистического режима СССР¹.

Председатель Сэимы И. Удре

/печатать/

Рига, 12 мая 2005 года

¹ Источник: официальный сайт Сейма Латвии.

URL: http://www.saeima.lv/Lapas/deklarac_kr.htm

Постановление Сейма Польской Республики в связи с 60-летием окончания Второй мировой войны в Европе (4 мая 2005 года)

В шестидесятую годовщину окончания Второй мировой войны в Европе Сейм Польской Республики выражает глубочайшее уважение и благодарность всем тем, чьи самопожертвование, пролитая кровь и страдания привели к краху гитлеровской Германии и ее союзников в мае 1945 года.

Это была самая кровавая и беспощадная война в истории человечества. Она принесла жестокую смерть десяткам миллионов людей, позор холокоста, она истребляла семьи и целые народы, уничтожила материальное и культурное наследие многих поколений, наполнила человеческие сердца болезненным чувством обиды и ненависти. Мы десятилетиями собирали ее страшное жниво. 1 сентября 1939 года Польша подверглась нападению, беспощадному и жестокому, и стала первой страной, оказавшей вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. 17 сентября заключивший союз с Германией СССР нанес Польше удар в спину. Несмотря на героическое сопротивление, страна потерпела поражение, не справившись с подавляющим превосходством обоих агрессоров. Однако Польша никогда не мирилась с поражением и не бесчестила себя позором коллаборационизма. Польский солдат продолжал сражаться на всех фронтах Второй мировой войны. Он бился на западе — в небе над Лондоном, под Фалезом и Арнемом; на востоке — под Ленино и Колобжегом, в сражении за Берлин; на севере — под Нарвиком и в составе мурманских конвоев; на юге — под Тобруком и Монте-Кассино. Он повсюду свидетельствовал о том, что Польша не погибла, «пока мы живы»¹.

В ходе Второй мировой войны Польша выставила четвертую по численности — после Советского Союза, США и Великобритании — регулярную армию, сражавшуюся с врагом на земле, на море и в воздухе. В условиях жестокого оккупационного террора

¹ Слова польского гимна: «Еще не погибла Польша, пока мы живы».

поляки создали подпольные государственные структуры и самую многочисленную подпольную армию, принявшую участие в сотнях битв, в том числе и в беспрецедентном Варшавском восстании, повлекшем за собой сотни тысяч жертв.

Победа союзников во Второй мировой войне не вернула нашим отцам и дедам свободы, о которой они мечтали, но вновь поставила их в зависимое положение и принесла коммунистическое порабощение. Ялтинские соглашения отдали Польшу на милость Сталина и Советской России. С тех пор, как Красная Армия в 1944 году вступила на польские земли, начались преследования солдат Армии Крайовой, сражавшихся с немецкими оккупантами с оружием в руках. В марте 1945 года НКВД обманом схватил и вывез в Москву лидеров Польского Подпольного Государства. Этих представителей легальной польской власти, находившихся в стране, бесосновательно приговорили к тюремному заключению, а некоторых замучили. Польша оказалась во власти террора, начались убийства, аресты, польских патриотов, проливавших кровь в борьбе за независимость Отчизны, отправляли в тюрьмы и ссылки. Тысячи солдат Польских вооруженных сил и их семьи подверглись изгнанию.

В шестидесятую годовщину победы над гитлеровской Германией мы не только глубоко скорбим и отдаем дань героям. Перед лицом тех, кто погиб и выжил, а также тех, кто знает о драматических событиях Второй мировой войны лишь из исторических книг, мы обязаны говорить о прошлом правду.

Мы хотим напомнить, что самая кровавая в истории человечества война была развязана гитлеровской Германией с ее безумной политикой. Мы хотим напомнить, что агрессивные и захватнические аппетиты Гитлера Европа пыталась утолить, отдав ему Австрию и Чехословакию. Однако слабость европейских демократий лишь подогрела наглость диктатора и его жажду дальнейших захватов, призванных обеспечить Третьему рейху мировое господство. Заключенный 23 августа 1939 года пакт Молотова — Риббентропа проложил путь для реализации этих замыслов. Польша стала первой жертвой двух агрессоров-союзников — Германии и СССР.

Сговор агрессоров продолжался почти два года. Нацистский и коммунистический тоталитарные режимы хотели уничтожить Польшу, ликвидируя самых ценных и патриотически настроенных представителей нации. Трагическим свидетельством этих

преступных замыслов, с одной стороны, служат подваршавские Пальмиры, поморская Пясница и многие другие братские могилы на оккупированных немцами территориях, а с другой стороны — Катынь, Тверь, Харьков и другие места, где были расстреляны десятки тысяч представителей польской элиты, особенно преданной идеям свободы и независимости. Сталин лояльно поддерживал Гитлера, когда тот завоевывал Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Данию, Норвегию, задумывал нападение на Великобританию. За это он получил возможность безнаказанно напасть на Финляндию, а также занять Эстонию, Латвию, Литву и часть Румынии. Ничто не способно вычеркнуть из европейской истории это позорное сотрудничество двух тоталитарных режимов. Сейм Польской Республики выражает надежду на то, что современная Россия дистанцируется от бесславного наследия тоталитарных диктатур и воздаст должное памяти их жертв.

Однако уважение к исторической правде требует, чтобы в нашем сознании варварство и преступления сталинизма не затмевали те огромные жертвы, которые понесли в войне с гитлеровской Германией народы СССР, и в первую очередь русские, украинцы и белорусы, начиная с июня 1941 года. Восточный фронт очень скоро превратился в крайне важный фронт Второй мировой войны. Каждая одержанная на нем победа приближала конечный крах Гитлера. Если бы не эти победы, дольше поднимался бы дым над крематориями в Аушвице, Майданеке и Трешлинке.

Сейм Польской Республики выражает почтение миллионам солдат Красной Армии, в том числе и тем из них, кто погиб в 1944 и 1945 годах на польской земле во время победного похода на Берлин. Без их борьбы и самопожертвования не произошло бы падения Третьего рейха. Сейм также выражает почтение и благодарность солдатам всех армий антигитлеровской коалиции. Пролитая ими кровь привела к победе над гитлеровской Германией, а большей части Европы вернула свободу и демократию.

Послевоенное ялтинское мироустройство привело к тому, что в Восточной и Центральной Европе восторжествовала коммунистическая система, а демократия здесь смогла возникнуть лишь через 45 лет после окончания войны. Однако желание обрести свободу никогда не затухало в этих странах, свидетельством чему — большие порывы: венгерский 1956 года и чехословацкий 1968 года. Также польский путь к свободе и независимости был вымощен

порывами и жертвами июня 1956 года, декабря 1970 года, декабря 1981 года. Переломным событием стало возникновение много-миллионного движения «Солидарность», вдохновленного словами польского папы Иоанна Павла II. Это движение привело к размыванию и падению коммунистической системы и, как следствие, к упадку ялтинского разделения Европы.

Сейм Польской Республики чтит всех тех, кто сражался за независимость Польши и свободу ее граждан. Сейм чтит память тех, кто, не раздумывая, был готов пожертвовать свои жизнь и здоровье во имя свободы и независимости.

Депутаты Сейма III Польской Республики с глубоким почтением вспоминают своих предшественников, депутатов Сейма II Польской Республики, из которых 300 человек в годы Второй мировой войны отдали жизнь за свободную и демократическую Польшу, ознаменовав тем самым единство идеи независимости и борьбы за нее¹.

¹ Источник: официальный сайт Сейма Польской Республики.
URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WMP20050270371>
Пер. с пол. С.А. Минина.

Постановление Сейма Польской Республики в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года

17 сентября 1939 года войска СССР без объявления войны осуществили агрессивное нападение на территорию Польши, нарушив ее суверенность и преступив основы международного права. Вторжение Красной Армии было обусловлено пактом Молотова—Риббентропа, заключенным СССР и гитлеровской Германией 23 августа 1939 года. Таким образом, был осуществлен 4-й раздел Польши. Польша стала жертвой двух тоталитарных режимов: нацизма и коммунизма.

Вторжение Красной Армии открыло очередную трагическую главу в истории Польши, а также Центральной и Восточной Европы. Список преступлений и бед, которые пережили тогда восточные земли Польши и проживавшие на них польские граждане, долог. В их число входит и военное преступление — расстрел НКВД 20 тысяч беззащитных пленных, польских офицеров, а также выселение сотен тысяч граждан Польши, содержание их в лагерях и тюрьмах в нечеловеческих условиях, принуждение к рабскому труду. Эти преступления советского режима положили начало целой череде актов насилия, из которых и состоит трагедия «Восточной Голгофы».

Многие народы Центральной и Восточной Европы разделили судьбу Польши. Суверенность утратили Литва, Латвия и Эстония, под угрозой оказалась территориальная целостность Финляндии и Румынии. Архипелаг ГУЛАГ поглотил сотни тысяч людских судеб, представителей всех народов этого региона, в том числе многих граждан СССР. Организация этой системы, продолжительность и масштаб этого явления позволяют говорить о наличии у этих преступлений, в том числе катынского преступления, признаков геноцида.

Сейм Польской Республики придерживается мнения, что польско-российское примирение требует признания исторической правды. Ее нельзя замалчивать, ею нельзя манипулировать. Сейм Польской Республики осуждает все попытки фальсифицировать историю и призывает всех людей доброй воли в Российской Федерации к совместным, солидарным действиям, направленным на раскрытие и осуждение преступлений сталинских времен¹.

¹ Источник: официальный сайт Сейма Польской Республики.
URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WMP20090630831>

Пер. с пол. С.А. Минина.

Указ Президента Украины № 879/2006 «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения»

С целью консолидации и развития украинской нации, восстановления исторической справедливости в отношении украинского освободительного движения, содействия процессу национального примирения и взаимопонимания, обновления исторической памяти постановляю:

1. Кабинету министров Украины:

1) разработать вместе с Национальной академией наук Украины комплекс мероприятий в 2006—2007 годах, направленных на всестороннее изучение и объективное освещение участия украинцев во Второй мировой войне и других военных конфликтах XX века, предусмотрев, в частности:

осуществление обстоятельных научных исследований, проведения научно-практических конференций, международных семинаров, круглых столов;

издание исторической и научно-популярной литературы по этим вопросам;

организацию создания и демонстрации научно-популярных фильмов и документально-публицистических передач;

проведение соответствующей разъясняющей и просветительской работы, в частности в средствах массовой информации;

2) разработать вместе с Национальной академией наук Украины с учетом профессионального вывода рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА законопроект об украинском освободительном движении 20—50-х годов XX века, статусе и социальной защите его участников, в котором, в частности, предусмотреть признание деятельности организаций, которые боролись за Украинское независимое соборное государство в 20—50-х годах XX века, украинским освободительным движением.

2. Министерству просвещения и науки Украины вместе с Национальной академией наук Украины — обеспечить:

1) всестороннее и объективное освещение в рамках учебно-воспитательного процесса вопросов, касающихся участия украинцев во Второй мировой войне и других военных конфликтах XX века, деятельности украинского освободительного движения, в частности деятельности Украинской повстанческой армии, Украинской военной организации, Организации украинских националистов, Украинского главного освободительного совета;

2) использование исследований отечественных ученых, посвященных освободительной борьбе украинского народа в программах общеобразовательных и высших учебных заведений.

3. Министерству культуры и туризма Украины, Совету министров Автономной Республики Крым, областным, Киевской и Севастопольской городским государственными администрациям — обеспечить обновления музейных экспозиций, которые отображают события, связанные с украинским освободительным движением 20—50-х годов XX века, в частности со Второй мировой войной.

4. Государственному комитету телевидения и радиовещания Украины — обеспечить широкое освещение в средствах массовой информации мероприятий, направленных на консолидацию украинского общества, исследование роли, места и значения украинского освободительного движения, установление исторической и социальной справедливости, защиту прав участников украинского освободительного движения¹.

Президент Украины Виктор Ющенко

14 октября 2006 года

¹ Источник: официальный сайт Президента Украины.

URL: <http://www.president.gov.ua/documents/5098.html>

Пер. с укр. С.А. Минина.

Указ Президента Украины № 965/2007 «О присвоении Р. Шухевичу¹ звания Героя Украины»

За значительный личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины, в связи со столетием со дня рождения и 65-летием со дня создания Украинской повстанческой армии постановляю:

Присвоить звание Героя Украины с награждением орденом Державы Шухевичу Роману Осиповичу — главнокомандующему Украинской повстанческой армии в 1942—50 гг., генерал-хорунжему (посмертно)².

Президент Украины Виктор Ющенко
12 октября 2007 года

¹ Роман Осипович Шухевич (1907—1950) — руководитель ОУН(б) на территориях Западной Украины и Восточной Польши с мая 1943 г. до своей гибели. В вооружённых формированиях нацистской Германии с 1941 г. имел немецкий военный чин — гауптман (капитан), в 1942—1943 гг. — гауптштурмфюрер. В 1944—1950 гг. возглавлял Главную команду Украинской повстанческой армии и подполье ОУН(б).

² Источник: Официальный сайт Президента Украины.
URL: <http://www.president.gov.ua/documents/6808.html>

Пер. с укр. С.А. Минина.

Указ Президента Украины № 46/2010

«О присвоении С. Бандере¹ звания Героя Украины»

За непреклонность духа в отстаивании национальной идеи, проявленные героизм и самопожертвование в борьбе за независимую Украинскую державу постановляю:

Присвоить звание Героя Украины с награждением орденом Державы Бандере Степану Андреевичу — руководителю Организации украинских националистов (посмертно)².

Президент Украины Виктор Ющенко
20 января 2010 года

¹ *Степан Андреевич Бандера* (1909—1959) — один из лидеров украинского националистического движения, в 1941—1959 гг. — руководитель Организации украинских националистов (ОУН (б), проводившей этнические чистки польского населения и действовавшей против советских партизан во время Второй мировой войны. После прихода фашистов Бандера призвал «украинский народ помогать всюду немецкой армии разбивать Москву и большевизм». Члены ОУН помогали германским фашистам в «окончательном решении еврейского вопроса», т.е. уничтожении и депортации евреев на захваченных территориях. С начала 1942 г. по август 1944 г. Бандера находился в немецком концлагере Заксенхаузен. В сентябре 1944 г. освобождён СД для участия в руководстве и организации антисоветского вооружённого движения в тылу наступающей Красной Армии. В 1945 г. и вплоть до окончания войны Бандера сотрудничал с разведуправлением Абвера по подготовке диверсионных групп ОУН.

² Источник: Официальный сайт Президента Украины.
URL: <http://www.president.gov.ua/documents/10353.html>

Пер. с укр. С.А. Минина.

Европейское сознание и тоталитаризм¹

Резолюция Европейского Парламента от 2 апреля 2009 г. о европейском сознании и тоталитаризме

Европейский Парламент,

— Принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека Организации Объединенных Наций,

— Принимая во внимание Резолюцию 260 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года о геноциде [...]

А. Поскольку историки согласны с тем, что абсолютно объективная интерпретация исторических фактов не представляется возможной, и объективных исторических оценок не существует; поскольку, тем не менее, профессиональные историки используют научные методы для изучения прошлого и стараются быть беспристрастными, насколько это возможно,

В. Поскольку ни один политический орган и ни одна политическая партия не обладают монополией на интерпретацию истории, и подобные органы не могут претендовать на объективность,

С. Поскольку официальная политическая интерпретация исторических фактов не должна утверждаться мажоритарными реше-

¹ Парламентская Ассамблея — один из двух главных уставных органов Совета Европы; консультативный орган, состоящий из представителей парламентов всех государств-членов. Ассамблея принимает резолюции и рекомендации на основе докладов, которые готовятся депутатами. Сессии Ассамблеи традиционно становятся форумами для обсуждения актуальных проблем европейской политики.

В сентябре 2008 года более четырехсот членов Европейского Парламента подписали декларацию, в которой предлагали провозгласить 23 августа — годовщину подписания Советским Союзом и Германией Договора о ненападении (более известного как Пакт Молотова — Риббентропа) — Днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Инициаторами принятия документа являлись депутаты Тунне Келам (Эстония), Йозеф Сайер (Венгрия) и Яна Гибашкова (Чехия), входящие во фракцию Европейской Народной Партии/Европейских Демократов. 2 апреля 2009 года эта декларация была принята Европарламентом (533 голоса «за», 44 — «против», 33 воздержавшихся) в качестве резолюции, в которой коммунизм фактически приравнивался к нацизму.

ниями парламента; поскольку парламент не может принимать законы о прошлом,

Д. Поскольку основная цель процесса европейской интеграции заключается в будущем обеспечении уважения к основным правам человека и верховенству права, и поскольку соответствующие механизмы для достижения этой цели предусмотрены статьями 6 и 7 Договора о Европейском союзе,

Е. Поскольку неправильное толкование истории может привести к эксклюзивистской политике, тем самым разжигая ненависть и расизм,

Ф. Поскольку следует помнить о трагическом прошлом Европы, чтобы почтить память жертв, осудить виновных и заложить основы для примирения на основе правды и памяти,

Г. Поскольку миллионы жертв были депортированы, посажены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и убиты тоталитарными и авторитарными режимами, существовавшими в Европе в 20-м веке; поскольку следует, тем не менее, признать уникальность холокоста,

Н. Поскольку доминирующим историческим опытом Западной Европы был нацизм и поскольку страны Центральной и Восточной Европы пережили и коммунизм, и нацизм; поскольку должно быть достигнуто понимание в связи с двойным наследием диктатуры в этих странах,

И. Поскольку с самого начала европейская интеграция была реакцией на страдания, причиненные двумя мировыми войнами и нацистской тиранией, которые привели к холокосту и возникновению тоталитарных коммунистических и недемократических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, а также поиском средств для преодоления глубоких разногласий и враждебности в Европе на основе сотрудничества и интеграции, для прекращения войн и обеспечения демократии в Европе,

Ж. Поскольку процесс европейской интеграции проходил успешно и уже привел к созданию Европейского союза, который охватывает страны Центральной и Восточной Европы, жившие в условиях коммунистического режима с момента окончания Второй мировой войны до начала 1990-х годов, и поскольку более раннее присоединение Греции, Испании и Португалии, пострадавших от длительной власти фашистских режимов, помогло обеспечить демократию в южной части Европы,

К. Поскольку Европа не будет единой, если она не сможет сформировать общее представление о своей истории, не признает фа-

шизм, сталинизм, фашистские и коммунистические режимы общим наследием и не организует честного и внимательного обсуждения преступлений этих режимов в прошлом веке,

L. Поскольку в 2009 году Объединенная Европа будет праздновать 20-летие со дня крушения коммунистической диктатуры в Центральной и Восточной Европе и падения Берлинской стены, что будет способствовать повышению осведомленности о прошлом и признанию роли демократических гражданских инициатив, а также послужит стимулом для укрепления чувства общности и сплоченности,

M. Поскольку важно также помнить о тех людях, которые активно выступали против тоталитарного правления и которых жители Европы должны воспринимать как героев тоталитарной эпохи за их самоотверженность, верность идеалам, честь и мужество,

N. Поскольку для жертв не имеет значения, какой режим лишал их свободы, пытал или убивал их, независимо от причин,

1. Выражает сочувствие всем жертвам тоталитарных и недемократических режимов Европы и воздаст должное тем, кто боролся против тирании и угнетения;

2. Вновь заявляет о своей приверженности к мирной и процветающей Европе, основанной на уважении человеческого достоинства, свободе, демократии, равенстве, верховенстве права и соблюдении прав человека;

3. Подчеркивает важность сохранения памяти о прошлом, потому что без правды и памяти не может быть примирения; подтверждает свою единую позицию в отношении всех тоталитарных режимов, независимо от идеологического фона;

4. Напоминает о том, что последние преступления против человечности и акты геноцида в Европе происходили в июле 1995 года и что для борьбы с недемократическими, ксенофобными, авторитарными и тоталитарными идеями и тенденциями необходима постоянная бдительность;

5. Подчеркивает, что для повышения европейской осведомленности о преступлениях, совершенных тоталитарными и недемократическими режимами, следует поддерживать сбор документов и свидетельств о беспокойном прошлом Европы, поскольку без памяти не может быть примирения;

6. Сожалеет, что, спустя 20 лет после краха коммунистической диктатуры в Центральной и Восточной Европе, доступ к документам, имеющим персональное значение или необходимым для прове-

дения научных исследований, по-прежнему неоправданно ограничен в некоторых государствах-членах; призывает все государства-члены к реальным усилиям для открытия архивов, в том числе архивов бывших внутренних служб безопасности, секретной полиции и разведки, хотя необходимо принять меры для того, чтобы этот процесс не послужил почвой для политических злоупотреблений;

7. Решительно и безоговорочно осуждает все преступления против человечности и массовые нарушения прав человека, которые совершались всеми тоталитарными и авторитарными режимами; выражает жертвам этих преступлений и их родным свое сочувствие, понимает и признает их страдания,

8. Заявляет, что европейская интеграция как модель мира и примирения представляет собой свободный выбор народов Европы в их стремлении к общему будущему и что Европейский союз несет особую ответственность в деле поощрения и защиты демократии, уважения прав человека и верховенства права, как внутри Европейского союза, так и за его пределами;

9. Призывает Комиссию и государства-члены предпринимать дополнительные усилия для укрепления преподавания истории Европы и подчеркивать историческое достижение европейской интеграции и разительный контраст между трагическим прошлым и мирным, демократическим социальным порядком в современном Европейском союзе;

10. Считает, что должное сохранение исторической памяти, всеобъемлющий пересмотр европейской истории и общеевропейское признание всех исторических аспектов современной Европы будут способствовать укреплению европейской интеграции;

11. Призывает в этой связи Совет и Комиссию поддерживать и защищать деятельность неправительственных организаций, таких как «Мемориал» в Российской Федерации, которые активно участвуют в исследованиях и сборе документов, связанных с преступлениями, совершенными в период сталинского ре́жима;

12. Вновь подтверждает свою последовательную поддержку укрепления международного правосудия;

13. Призывает создать Платформу Европейской Памяти и Сознания для поддержки развития сотрудничества между национальными исследовательскими организациями, специализирующимися на истории тоталитаризма, а также для создания общеевропейского центра документации/мемориала жертвам всех тоталитарных режимов;

14. Призывает укреплять существующие финансовые инструменты с целью поддержки профессиональных исторических исследований по вопросам, изложенным выше;

15. Предлагает провозгласить 23 августа Общеввропейским Днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов, памяти, которая должна чтиться с достоинством и беспристрастностью;

16. Убежден в том, что конечной целью раскрытия и оценки преступлений, совершенных коммунистическими тоталитарными режимами, является примирение, которое может быть достигнуто путем признания ответственности, просьбы о прощении и поисков морального обновления;

17. Поручает своему Председателю довести эту резолюцию до сведения Совета, Комиссии, парламентов государств-членов, правительств и парламентов стран-кандидатов, правительств и парламентов стран, являющихся ассоциированными членами Европейского союза, а также правительств и парламентов членов Совета Европы¹.

¹ Источник: Официальный сайт Европарламента.

URL: <http://www.hro.org/node/5077>

Перевод с англ., подготовленный Харьковской правозащитной группой, взят на интернет-сайте «Права человека».

ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ¹

СОВЕТ МИНИСТРОВ

Афины, 2 декабря 2009 года

Декларация встречи министров о 65-й годовщине окончания Второй мировой войны

В 2010 году отмечается 65-я годовщина окончания сражений Второй мировой войны, принесшей небывалые страдания и разрушения. Эта война стала одной из величайших трагедий, постигших народы Европы и всего мира. Она продолжалась шесть с половиной лет и унесла десятки миллионов человеческих жизней. Война сопровождалась нарушениями прав и свобод человека, а также преступлениями против мира, военными преступлениями и преступлениями против человечества.

Мы скорбим по всем погибшим — жертвам войны, холокоста, оккупации и репрессий. Мы чтим ветеранов и всех, кто боролся за победу человечества над фашизмом, диктатурой, угнетением и

¹ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — международный форум, объединяющий 56 государств-участников (США, Канаду, практически все европейские страны, государства, возникшие на постсоветском пространстве), до 1994 года известный как Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Среди главных провозглашенных целей ОБСЕ и ее структур: раннее предупреждение и урегулирование конфликтов и послекризисное восстановление в кризисных регионах, а также превентивная дипломатия, наблюдение за выборами, экологическая безопасность в Европе. Министры иностранных дел государств — участников ОБСЕ ежегодно проводят заседания Совета министров, решения на которых принимаются на основе консенсуса.

агрессией. Значимость принесенной ими жертвы не померкнет в веках, и мы никогда не забудем об их героическом подвиге.

Будучи преисполнены решимости не допустить повторения подобной катастрофы в европейском и мировом масштабе, наши страны четко и недвусмысленно заявили о своей приверженности делу мира, безопасности и демократии, в частности учредив Организацию Объединенных Наций и создав региональные организации. Сегодня мы гордимся нашими совместными достижениями и приветствуем прогресс, достигнутый за последние 65 лет в преодолении трагического наследия Второй мировой войны на путях обеспечения мира и безопасности во всем мире, примирения, глобального и регионального сотрудничества и утверждения демократических ценностей, прав человека и основных свобод. Мы подчеркиваем важность той роли, которую на протяжении последних десятилетий играли в этом отношении СБСЕ и ОБСЕ.

Памятуя о хельсинкском Заключительном акте, Парижской хартии для новой Европы, Хартии европейской безопасности и других согласованных документах ОБСЕ, мы не должны терпеть разделительных линий и не пожалеем усилий, чтобы не допустить появления новых таких линий в регионе ОБСЕ и устранить источники вражды, напряженности и конфронтации. Мы подтверждаем свою позицию, согласно которой ни одно государство или группа государств в ОБСЕ не вправе рассматривать какую-либо часть региона ОБСЕ в качестве сферы своего влияния. Мы твердо намерены продолжать свои коллективные усилия с целью создания единого и неделимого пространства безопасности в регионе ОБСЕ на основе демократии, верховенства права, экономического процветания, социальной справедливости и уважения прав и основных свобод человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Это остается нашей совместной целью.

Честное и тщательное изучение истории Второй мировой войны способствует примирению.

На историческом опыте мы познали опасность нетерпимости, дискриминации, экстремизма и ненависти на этнической, расовой и религиозной почве. Мы твердо намерены бороться с этими угро-

зами, в том числе по линии ОБСЕ, и отвергаем любые попытки оправдать их.

Мы решительно осуждаем любое отрицание факта холокоста. Мы осуждаем все формы этнической чистки. Мы подтверждаем свою приверженность соблюдению Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой 9 декабря 1948 года, и призываем государства-участники сделать все возможное, чтобы не допустить как сегодня, так и в будущем попыток осуществления геноцида. Виновные в совершении таких преступлений должны предстать перед правосудием.

Уроки Второй мировой войны сохраняют свою актуальность и сегодня, когда нам необходимо объединить наши усилия и ресурсы для реагирования на угрозы и вызовы нашей общей безопасности и стабильности, а также для защиты наших общих принципов. Новая эпоха породила новые угрозы и вызовы, среди которых одним из наиболее опасных является терроризм. Мы будем противодействовать этой и другим угрозам безопасности совместно, в частности, по линии ОБСЕ.

Мы убеждены в том, что мирное урегулирование всех существующих конфликтов, соблюдение норм международного права, реализация целей и принципов Устава ООН, выполнение обязательств, содержащихся в хельсинкском Заключительном акте и других согласованных документах ОБСЕ, — наилучший способ отдать должное тем, кто боролся за мир, свободу, демократию и человеческое достоинство, почтить память всех жертв Второй мировой войны, преодолеть наследие прошлого и уберечь нынешнее и будущие поколения от бедствий войны и насилия¹.

¹ Источник: официальный сайт ОБСЕ.

URL: http://www.osce.org/documents/cio/2009/12/42067_ru.pdf

Содержание

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ. <i>Предисловие автора</i>	3
ОБ ОТЕЧЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	9
ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ.....	29
ТЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ 1917-го И ИТОГИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.....	31
РУССКИЙ ВОПРОС НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	55
«БОЛЬШЕВИСТСКАЯ» РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ ПОСТВЕРСАЛЬСКОГО ЗАПАДА	72
О НАЦИЗМЕ, ФАШИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ	82
ОТТЕНКИ ФАШИЗАЦИИ ЕВРОПЫ.....	84
МЕЖДУ ВЕРСАЛЕМ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.....	94
«БАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ» ЭПОХИ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»	132
ЧТО ТАКОЕ ЯЛТА И ПОТСДАМ	145
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА — КОНТР-ЯЛТА.....	150
ЧТО ЖЕ НУЖНО ИЗМЕНИТЬ, А ЧТО ОСТАВИТЬ ИЗ ЯЛТИНСКОЙ СИСТЕМЫ?	164
НОВАЯ ВЕЛИКАЯ СХИЗМА	169

СМЫСЛЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	176
ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ, НО КЕМ И ПРОТИВ КОГО?	185
ПЕРЕШАГНУВ ПОРОГ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	193
ПОДВОДЯ ИТОГИ	204

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «РЕВИЗИЯ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА»	213
--	-----

ДОКУМЕНТЫ

Приказ о комиссарах	271
Послание Ф. Рузвельта И.В. Сталину	274
Декларация об освобожденной Европе	275
Личное послание для маршала Сталина от г-на Черчилля	277
Его превосходительству Иосифу В. Сталину, Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик	278
Речь президента Ф. Рузвельта в Конгрессе США по итогам Крымской конференции 1 марта 1945 г. (выдержки)	279
«Аргонавт» (извлечение)	281
Меморандум госсекретаря США Джозефа Грю на имя президента США Гарри Трумэна, Вашингтон, 19 мая 1945 года (извлечение)	283
Операция «Немыслимое»	285
Устав Организации Объединенных Наций, принятый в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (извлечение)	288
Речь У. Черчилля в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. (извлечение)	293
Закон о порабощенных нациях	301

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (выдержки).....	303
Эрнст Нольте. Фашизм в его эпохе	314
Эрнст Нольте. О советско-германском договоре о ненападении.....	316
Декларация Сейма Латвии о латышских legionерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 года	317
Декларация Президента Латвийской Республики Вайры Вике-Фрейберги в связи с 9 мая 2005 года	320
Декларация об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик	323
Постановление Сейма Польской Республики в связи с 60-летием окончания Второй мировой войны в Европе (4 мая 2005 года).....	329
Постановление Сейма Польской Республики в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года	333
Указ президента Украины №879/20060 О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения	334
Указ президента Украины № 965/2007 «О присвоении Р. Шухевичу звания Героя Украины»	336
Указ президента Украины № 46/2010 «О присвоении С. Бандере звания Героя Украины»	337
Европейское сознание и тоталитаризм	338
Декларация встречи министров о 65-й годовщине окончания Второй мировой войны.....	343

Актуальная история

Нарочницкая Наталия Алексеевна

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ XX СТОЛЕТИЯ РЕВИЗИЯ И ПРАВДА ИСТОРИИ

Редактор *М.К. Залеская*

Корректор *С.В. Цыганова*

Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

Верстка *С.Б. Буславский*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.07.2010. Формат 84 × 108 ½.

Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 11. Тираж 5000 экз. Заказ О-952.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 940-48-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ДЛЯ ЗАМЕТОК

актуальная история

Нарочницкая Наталья Алексеевна

Доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России. В 2004—2007 гг. — депутат Государственной Думы Российской Федерации IV созыва, заместитель председателя Комитета по международным делам; руководитель комиссии по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах.

Президент Фонда исторической перспективы, руководитель российского «Института демократии и сотрудничества» (Париж). Автор фундаментальных разработок в области общественно-политической мысли, международных отношений и внешней политики России. Книги Н. Нарочницкой переведены на французский, словацкий, чешский, сербский и словенский языки.

ISBN 978-5-9533-4887-4

9 785953 134887 4

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ
XX СТОЛЕТИЯ

